

КЛИФФОРД РАЙМАК

ВСЕ

ЛОВУШКИ

ЗЕМЛИ

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Клиффорд Саймак
Все ловушки Земли

«Азбука-Аттикус»

2015, 2016, 2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Саймак К. Д.

Все ловушки Земли / К. Д. Саймак — «Азбука-Аттикус», 2015, 2016, 2020 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-19896-8

Клиффорд Дональд Саймак – один из «крестных детей» знаменитого Джона Кэмпбелла, редактора журнала «Astounding Science Fiction», где зажглись многие звезды «золотого века научной фантастики». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Брэдбери. Мировую славу ему принес роман в новеллах «Город» (заглавная новелла включена в этот сборник). За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“». Эта книга – первый том полного собрания сочинений Мастера в малом жанре. Некоторые произведения, вошедшие в сборник, переведены впервые, а некоторые публикуются в новом переводе. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19896-8

© Саймак К. Д., 2015, 2016, 2020

© Азбука-Аттикус, 2015, 2016, 2020

Содержание

Торговля в рассрочку	9
У меня нет головы, мои глаза висят в воздухе	40
Мелкая дичь	51
Страшилища	59
Крохоборы	85
Марсианин	111
Интерлюдия с револьверным дымком	121
Я весь внутри плачу...	125
Зов извне	129
Все ловушки Земли	150
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Клиффорд Саймак

Все ловушки Земли

Clifford D. Simak

I AM CRYING ALL INSIDE AND OTHER STORIES

Copyright © 2015 by Clifford D. Simak

THE BIG FRONT YARD AND OTHER STORIES

Copyright © 2016 by Clifford D. Simak

THE GHOST OF A MODEL T AND OTHER STORIES

Copyright © 2016 by Clifford D. Simak

GROTTO OF THE DANCING DEER AND OTHER STORIES

Copyright © 2020 by Clifford D. Simak

All rights reserved

Перевод с английского Нат Аллунан, Олега Битова, Марии Вагановой, Светланы Васильевой, Владимира Гольдича, Ирины Гуровой, Льва Жданова, Дмитрия Жукова, Сергея Зубкова, Александра Корженевского, Кирилла Королева, Геннадия Корчагина, Елены Монаховой, Ирины Оганесовой, Алексея Орлова, Игоря Почиталина, Надежды Сечкиной, Азы Ставиской, Ирины Тетериной, Сергея Удалина, Александра Филонова

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

© Н. Аллунан, перевод, 2005

© О. Г. Битов (наследник), перевод, 1982, 1988, 1993, 1994

© М. А. Ваганова, перевод, 2021

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2005

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994

© Л. Л. Жданов (наследники), перевод, 1965, 1967, 2002

© Д. А. Жуков (наследники), перевод, 1966

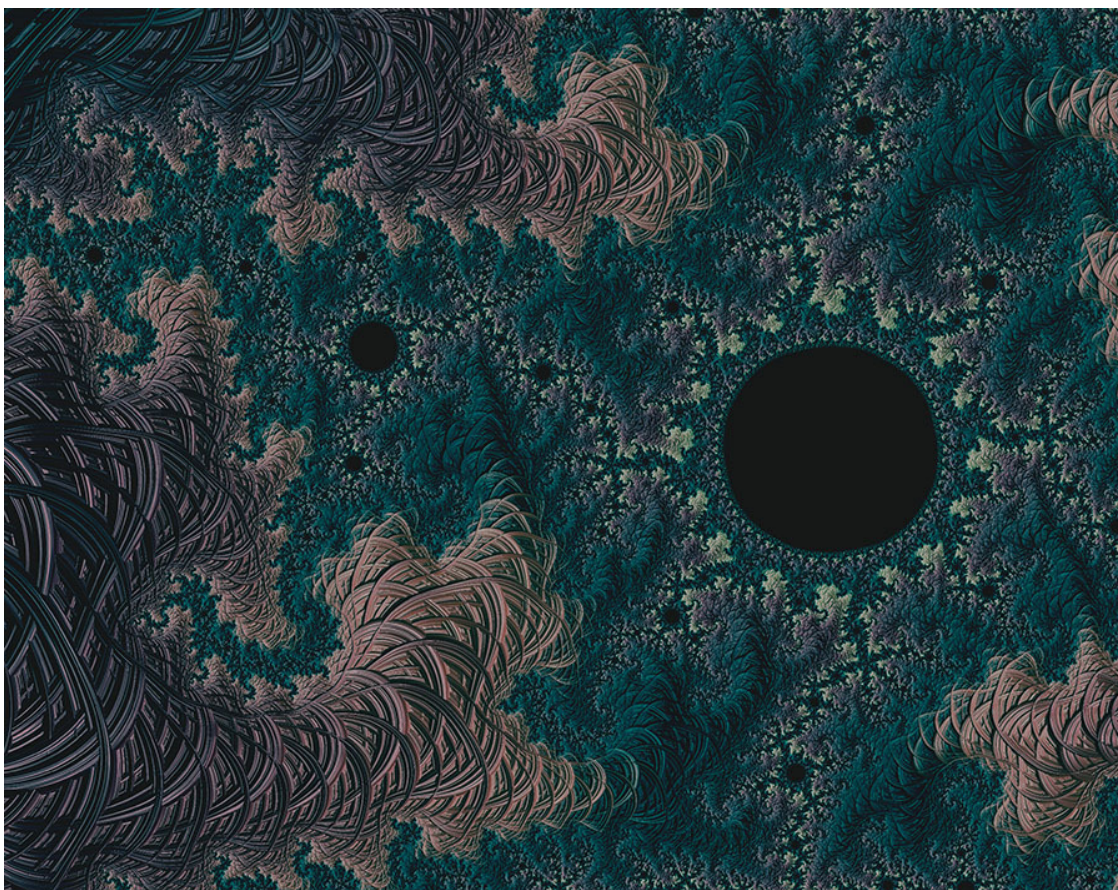
© С. П. Зубков, перевод, 2006

© А. И. Корженевский, перевод, 1988, 1991, 1992

© К. М. Королев, перевод, 1994

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2021
© Е. А. Монахова, перевод, 2006
© А. Ю. Орлов, перевод, 2006
© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1992
© Н. С. Сечкина, перевод, 2021
© А. А. Ставиская (наследник), перевод, 1965
© И. А. Тетерина, перевод, 2005, 2006
© С. Б. Удалин, перевод, 2021
© А. В. Филонов, перевод, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Торговля в рассрочку

Перевод И. Гуровой

1

Катастрофа произошла вечером, когда последняя платформа зависла над разгрузочной площадкой в голубоватом мерцании восьми мини-моторов на фоне темнеющего неба.

Только что она горизонтально планировала на высоте тысячи футов, медленно опускаясь, – ящики и тюки аккуратно сложены, сопровождающие роботы сидят на них – и вдруг круто накренилась; один мотор вышел из строя, за ним другой. Ящики посыпались вниз вместе с роботами, а платформа с пронзительным воем завертелась колесом и по крутой спирали устремилась вниз, прямо на лагерь.

Стив Шеридан спрыгнул со штабеля ящиков у его палатки. В пятидесяти шагах от него груз ударился о землю с грохотом, заглушившим вой платформы. Ящики раскололись, тюки лопнули, разбитые, смятые товары нагромодились безобразной кучей.

Шеридан рванулся к палатке, и тут платформа врезалась в радиокабину, смонтированную всего час назад, и наполовину зарылась в землю, в фонтанах песка и камешков, которые градом застучали по брезенту палатки.

Камешек оцарапал Шеридану лоб, песок хлестнул его по щеке, а в следующий миг он уже наклонялся внутри палатки над инструментарием со сменниками сбоку от рабочего стола.

– Езекия! – завопил он. – Езекия! Куда ты подевался?

Он вытащил связку ключей, нашел нужный, сунул в замок, повернул, и крышка инструментария откинулась.

Снаружи донесся топот бегущего робота.

Шеридан сдвинул панель и начал вытаскивать ящички со сменниками.

– Езекия! – вновь позвал он, поскольку только Езекия знал точно, где именно лежат какие сменники, и ему не нужно было рыться в ящичках.

За спиной Шеридана зашуршал брезент, и появился Езекия.

– Разрешите мне, сэр, – сказал он, отодвигая Шеридана в сторону.

– Нам потребуются роботехники, – объяснил Шеридан. – Эти ребята, конечно, сильно расшиблись.

– Вот, сэр. Лучше вы сами. У вас это получается быстрее, чем у нас всех.

Шеридан сунул три сменника в карман куртки.

– К сожалению, это все, сэр, – сказал Езекия. – Весь наш запас.

– Обойдемся. А радиокабина? В ней кто-нибудь был?

– Насколько мне известно, никого. Сила как раз из нее вышел. Ему очень повезло, сэр.

– Да уж, – отозвался Шеридан.

Он выбрался из палатки и побежал к куче разбитых ящиков. Там уже собрались роботы и быстро разбирали обломки. Он увидел, как они наклонились и вытащили что-то металлическое и искореженное, потом бережно отнесли в сторону, положили и столпились вокруг. Шеридан остановился рядом.

– Ав, – еле выговорил он, – вы обоих вытащили?

Авраам обернулся к нему.

– Пока нет, Стив. Макс еще там.

Шеридан протолкался вперед и опустился на колени рядом с искореженным роботом. Вмятина, увидел он, была такой глубокой, что почти достигла спины. Ноги нелепо изгибались,

а руки переплелись под невысказанным углом. Голова была свернута набок, а кристаллы глаз помутнели.

– Лем, – прошептал Шеридан. – Лемуил, ты меня слышишь?

– Нет, – сказал Авраам. – Его всего перекурило.

– Роботехники у меня в кармане. – Шеридан встал и выпрямился. – Три. Кто хочет взяться за это? Работать надо будет очень быстро.

– Я, – сказал Авраам, – Эбenezер, ну и...

– И я, – предложил Иисус Навин.

– Нам понадобятся инструменты, – объявил Авраам. – Без них мы ничего не сделаем.

– Несу! – крикнул Езекия, рысцой подбегая к ним. – Я знал, что вам понадобятся инструменты.

– И свет, – добавил Иисус. – Уже совсем стемнело, а судя по всему, надо будет покопаться у него в мозгу.

– Его надо куда-нибудь перенести и на что-нибудь положить, – заметил Авраам. – Пока он валяется на земле, сделать ничего нельзя.

– Воспользуйтесь конференц-столом, – предложил Шеридан.

– Эй, ребята! – завопил Авраам. – Перетащите Лемуила на конференц-стол!

– Мы Макса выкапываем! – завопил в ответ Гедеон. – Сами отнесите!

– Не можем, – загремел Авраам. – Стив нам сменники вставит...

– Садитесь, – распорядился Шеридан. – А то я не дотянусь. У кого-нибудь есть чем посветить?

– Да, сэр.

Езекия протянул ему фонарик.

– Наведи луч на эту тройку так, чтобы можно было вставить сменники.

К поврежденному Лемуилу подбежали три робота, подняли его и унесли.

При свете фонарика Шеридан вытащил ключи и быстро нашел нужный.

– Свети ровнее! – сказал он. – В темноте у меня ничего не получится.

– Один раз получилось, – сказал Эбenezер. – Вы же не забыли, Стив? На Галанове. Только надписи не разглядели и вставили Улиссу миссионера вместо лесоруба, а он давай проповедовать. Эх, и ночь была!

– Заткнись, – скомандовал Шеридан, – и замри! Как я тебе его вставлю, если ты будешь вертеться?

Он отпер почти невидимую панель на затылке Эбenezера, быстро сдвинул ее, сунул руку внутрь и нащупал сменник космовика. Резким движением он вывернул его, сунул в карман, затем вставил роботехника и завернул до щелчка. После чего задвинул черепную панель и услышал, как щелкнул замок.

Он стремительно повернулся к двум остальным и закончил со вторым, когда Эбenezер еще только поднялся на ноги и взял сумку с инструментами.

– Пошли, мужики, – сказал Эбenezер. – Надо привести Лема в порядок.

Они зарысили прочь.

Шеридан осмотрелся. Езекия уже умчался с фонариком заняться еще чем-то. Остальные роботы все еще рылись в куче товаров, и он побежал помочь им. Гедеон рядом с ним сказал:

– На что это вы наткнулись, Стив?

– А?

– У вас лицо в крови.

Шеридан провел ладонью по щеке – влажной и липкой.

– Камешком задело.

– Пусть бы Езекия обработал рану.

– Когда откопаем Макса, – ответил Шеридан, принимаясь за работу.

До Максимилиана они добрались через четверть часа в самом низу кучи. Туловище его было раздавлено в лепешку, но он был способен говорить.

– Долго же вы возились, ребята, – сказал он.

– Заткнись, – отозвался Рубен. – По-моему, ты это нарочно подстроил, чтобы обзавестись новым телом.

Они вытащили его и поволокли по земле. Из него посыпались обломки рук и ног. Тогда они оставили его лежать и побежали к радиокабине. Максимилиан завопил им вслед:

– Эй, вернитесь! Чего это вы меня бросили валяться тут?

Шеридан присел на корточки рядом с ним.

– Успокойся, Макс. Платформа врезалась в радиокабину, и там что-то очень не так.

– А Лемуил? Что с ним?

– Так себе. Ребята сейчас им занимаются.

– Не понимаю, что произошло, Стив. Все шло нормально, и вдруг платформа нас сбросила.

– Два мотора забарахлили, – ответил Шеридан. – А почему – мы, наверное, никогда уже не узнаем, раз платформа разбилась всмятку. Но ты себя действительно хорошо чувствуешь?

– Абсолютно. Но не позволяйте ребятам валять дурака. Наверняка захотят попридержать тело. Просто для смеха. Так вы им не позволяйте.

– Получишь тело, как только мы управимся. Думается, Езекия отправился за запасными телами.

– Это надо же! – сказал Максимилиан. – Мы весь груз спустили – на миллиард долларов груза, и ни разу...

– Что поделать, Макс, законы вероятности.

Макс хихикнул:

– Вот вы, люди, всегда так: законы вероятности, предчувствия...

Из темноты появился бегущий Гедеон.

– Стив, нужно заглушить моторы платформы. Они совсем взбесились, того и гляди повзрываются.

– Но я думал, вы...

– Стив, это же работа не для космовиков-чернорабочих.

– Пошли!

– Э-эй! – завопил Максимилиан.

– Я сейчас вернусь, – успокоил его Шеридан.

В палатке Езекии не оказалось. Шеридан лихорадочно рылся среди сменников и наконец нашел-таки механика-ядерщика.

– Придется тебе, – сказал он Гедеону.

– Ладно, – ответил тот. – Только побыстрее, а то какой-нибудь мотор разнесет, и тогда радиоактивности не оберешься! Нам-то ничего, а вот вам...

Шеридан вывернул сменники космовика и вставил ядерщика.

– Ну, пока, – сказал Гедеон и выскочил из палатки.

Шеридан уставился на разбросанные сменники. «Ну, Езекия устроит мне хорошую головомойку!» – подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Свой белый фартук он засунул за пояс. Поварской колпак был водружен на голову.

– Стив, – сказал он, – вы сегодня не обойдетесь холодным ужином?

– Нет, конечно.

– Платформа не только кабину разнесла, но и плиту расплющила.

– Холодный так холодный. А ты для меня кое-чего не сделаешь?

– Что именно?

– Макс лежит там напуганный, весь изломанный, и ему плохо одному. В палатке он почувствует себя спокойнее.

Наполеон вышел, бормоча:

– Чтоб я, шеф-повар, волок на себе какого-то...

Шеридан начал подбирать сменники, стараясь рассортировать их.

Вернулся Езекия, подобрал остальные сменники и переложил их по-новому.

– С Лемуилом, сэр, все обойдется, – заверил он Шеридана. – Нервная система перепуталась и в нескольких местах замкнулась. Им пришлось вырезать большие куски проводков. Пока у них остался только голый мозг, и нужно время, чтобы снабдить его телом и все подсоединить, как требуется.

– Мы еще благополучно отделались, Езекия.

– Полагаю, вы правы, сэр. Думаю, Наполеон сказал вам про плитку.

Вошел Наполеон с металлической кашей, которая прежде была Максимилианом, и прислонил останки к столу.

– Еще поручения?.. – осведомился он со жгучим сарказмом.

– Нет, спасибо, Наппи, это все.

– Ну а мое тело? – требовательно спросил Максимилиан.

– Придется подождать, – ответил Шеридан. – У ребят полно работы с Лемуилом, но все будет в порядке.

– Отлично, – отозвался Макс. – Лем чертовски хороший робот, и потерять его было бы очень жалко.

– Ну, нельзя сказать, чтобы мы вас уж так часто теряли!

– Это точно. Мы ребята крепкие, нас так просто в утиль не превратить.

– Сэр, – вмешался Езекия, – вы ведь ранены. Не позвать ли кого-нибудь, чтобы вставить в него сменник врача...

– Ерунда, – сказал Шеридан. – Просто царапина. Ты не поищешь воды, чтобы я мог умыться?

– Разумеется, сэр. Но раз рана незначительная, я сам сумею ее обработать.

И он отправился на поиски воды.

– Езекия тоже парень что надо, – великодушно заметил Максимилиан. – Ребята его неженкой считают, но в трудные минуты на него можно положиться.

– Без Езекии я бы не справился, – сказал Шеридан ровным голосом. – Мы, люди, не такие закаленные, как вы. Нам нужно, чтобы о нас кто-то заботился. И обязанности вполне почетны.

– Чего это вы взъерепенились? – спросил Максимилиан. – Я же сказал, что он хороший парень.

Вернулся Езекия с ведром воды и полотенцем.

– Вода, сэр. Гедеон просил передать вам, что с моторами все в порядке. Они их отключили.

– Ну так вроде все, если, конечно, они уверены, что восстановят Лемуила, – вздохнул Шеридан.

– Сэр, они как будто абсолютно уверены.

– Ну и отлично, – вставил Максимилиан с обычной для роботов самонадеянностью. – Так что завтра с утра можно будет заняться торговлей.

– Пожалуй, – отозвался Шеридан, подходя к ведру и снимая куртку.

– Простая работенка. Расторгнемся вчистую и уберемся отсюда через девяносто дней, а то и быстрее.

– Нет, Макс! – Шеридан покачал головой. – Это очень и очень непросто.

Он нагнулся над ведром и плеснул воды на лицо и голову.

Так оно и есть, сказал он себе твердо. Чужая планета – это чужая планета, какие меры ни принимай. Какой бы исчерпывающей ни была разведка, каким бы продуманным ни был план операции, всегда найдется непредвиденный, притаившийся фактор.

Может быть, размышлял он, если бы команда выполняла одну какую-то функцию, ей бы со временем удалось выработать беспроегрешную систему. Но когда работаешь на Торговый центр, о таком и мечтать нечего.

Интересы Торгового центра были самыми разнообразными. Гарсон-IV – продажа и закупки. А в следующий раз – дипломатическая миссия или инженерия здоровья. Ни человек, ни его команда роботов понятия не имели, что им предстоит, пока не получали задания.

Он потянулся за полотенцем.

– Помнишь Карвер-Семь? – спросил он Максимилиана.

– Само собой, Стив. Чистое невезение! Эбенезер не виноват, что допустил эту ошибку.

– Сдвинуть не ту гору – это не такая уж маленькая ошибочка, – сказал Шеридан с подчеркнутым терпением.

– Это все Центр, – вознегодовал Максимилиан. – Наврали с картами.

– Полегче, полегче, – порекомендовал ему Шеридан. – Дело прошлое, и ни к чему в бутылку лезть.

– Может, и так, – сказал Максимилиан, – но меня это из себя выводит. Мы ставим рекорд, до которого ни одной другой команде не дотянуться, а тут Центр садится в лужу и валит все на нас. Знаешь что? Центр слишком уж большим стал и недотепистым.

И слишком самодовольным, подумал Шеридан, но вслух этого не сказал.

Слишком уж большой и слишком самодовольный во многих смыслах. Взять, к примеру, эту планету. Центру следовало послать сюда торговую команду давным-давно, а он что? Пыхтел, мямлил, раздумывал, разрабатывал планы. Назначались комиссии для оценки ситуации, порой ставились вопросы на заседаниях правления, и ровным счетом ничего не делалось, пока дело ползло и ползло по грозному лабиринту инстанций.

Центр нуждается в малой толике конкуренции, решил Шеридан. Может, если найдется ловкий соперник, Торговый центр забудет о своем толстобрюхом достоинстве и почешется!

Вошел, топоча, Наполеон и со стуком поставил на стол тарелку и бутылку со стаканом. На тарелке громоздились ломти холодного мяса в окружении нарезанных овощей. В бутылке было пиво.

– А я и не знал, что у нас есть пиво, – удивленно сказал Шеридан.

– И я не знал, – отрезал Наполеон. – Но посмотрел – и вот оно! До того дошло, Стив, что жди чего угодно!

Шеридан бросил полотенце, сел к столу и налил пиво в стакан.

– Я б тебя угостил, – сказал он Максимилиану, – да только у тебя от него все нутро заржавеет.

Наполеон захохотал.

– В данный момент, – заметил Максимилиан, – у меня нутра почти не осталось. Все повысыпалось.

Деловитым шагом вошел Авраам.

– Я слышал, вы куда-то Макса припрятали.

– Тут я! – нетерпеливо крикнул Максимилиан.

– Да уж ты хорош, – сказал Авраам. – И как все гладко шло, пока вы, два идиота, не испортили нам музыку.

– Как Лемуил? – спросил Шеридан.

– Нормально. Они там и вдвоем управятся, вот я и пошел искать Макса. – Авраам обернулся к Наполеону: – Ну-ка, помоги отнести его на стол. Там свет в самый раз.

– Я его полночи с места на место таскаю, – проворчал Наполеон, наклоняясь над Максимилианом. – И чего с ним возиться? Выбросить его на свалку, да и дело с концом!

– Будет знать! – согласился Авраам с притворным гневом.

Они унесли Максимилиана, из которого продолжали сыпаться детали.

Езекия кончил раскладывать сменники по местам и с удовлетворением закрыл крышку инструментария.

– Ну а теперь, – заявил он, – займемся вашим лицом.

Шеридан пробурчал что-то невнятное, продолжая жевать.

Езекия произвел осмотр и в заключение сказал:

– На лбу просто царапина, но левую щеку, сэр, вам словно наждачной бумагой ободрали. Может, все-таки подсменить кого-нибудь? Вам следует показаться врачу.

– Не надо, – ответил Шеридан. – Само заживет.

В палатку просунулась голова Гедеона.

– Езекия! Ав скандалит из-за тела, которое ты подобрал для Максимилиана. Говорит, оно старое, восстановленное. У тебя другого нет?

– Пойду погляжу, – ответил Езекия. – Там темновато. Но есть и еще. Пойдем поглядим.

Он ушел с Гедеоном, и Шеридан остался один. Доедая ужин, он перебирал в уме события вечера.

Конечно, ничего хорошего, но могло быть куда хуже. Без несчастных случаев и непредвиденных помех не обойтись. Нет, им просто повезло. Если не считать потери времени и груза с одной платформы, все обошлось.

Да, в целом начинают они неплохо. Грузовой прицеп и корабль на малой орбите, груз спущен, а на этом узком полуострове, далеко вдающемся в озеро, они настолько в безопасности, насколько это возможно на чужой планете.

Гарсонiane, конечно, не воинственны, но меры предосторожности никогда не помешают.

Он отодвинул пустую тарелку и вытащил папку из груды карт и всяких документов, медленно развязал тесемки, извлек ее содержимое и, наверное, в сотый раз погрузился в резюме отчетов, представленных в Торговый центр первыми двумя экспедициями.

Впервые люди побывали на этой планете более двадцати лет назад: произвели предварительную разведку и вернулись с описаниями, фотографиями и образчиками. Чистая рутина, никаких специальных исчерпывающих исследований. Ни особых надежд, ни ожиданий, обычная рабочая разведка, которая проводилась на многих планетах и в девятнадцати случаях из двадцати не приносила ничего.

А вот Гарсон-IV преподнес сюрприз.

Сюрпризом этим оказался клубень, на вид совершенно обычный и более всего смахивавший на небольшую сморщенную картофелину. Доставленный первой экспедицией в числе других мелочей, захваченных с планеты, он дождался своей очереди и был подвергнут тщательному анализу в лаборатории Центра – с поразительными результатами.

Подар (как его называли туземцы) содержал вещество, которое получило длиннейшее труднопроизносимое название и оказалось почти идеальным транквилизатором. Оно как будто не вызывало никаких неприятных побочных явлений, не было смертельным даже в самых непомерных дозах, и к нему вырабатывалась определенная привычка – очень ценное свойство в глазах всех, кто занялся бы его сбытом.

Для расы, озабоченной возрастающим числом заболеваний, вызываемых нервным перенапряжением, это был просто дар небесный. Долгие годы множество лабораторий занимались поисками чего-то подобного – и вот новая планета преподнесла его в готовом виде.

С поразительной быстротой, учитывая неторопливость, с какой обычно действовал Торговый центр, на Гарсон-IV была снаряжена новая экспедиция с командой роботов, заряженных сменниками торговых экспертов, психологов и дипломатов. Эта команда проработала два года

с весьма обнадеживающими результатами. На Землю экспедиция вернулась с грузом подарков, множеством тщательно собранных сведений, а также с торговым соглашением, согласно которому гарсониане обязывались культивировать и запастись подарками до прибытия новой команды с товарами для обмена.

«И команда эта – мы», – подумал Шеридан.

И все было бы прекрасно, не задержись они на пятнадцать лет.

Ибо Торговый центр после многочисленных конференций решил выращивать подарки на Земле. Что, как указывали экономисты, обойдется намного дешевле длительных дорогостоящих полетов за подарками на дальнюю планету. А то, что гарсониане в результате оставались с носом торговому соглашению вопреки, словно бы никому даже в голову не пришло. Впрочем, учитывая характер гарсониан, им это, возможно, нипочем.

Ибо гарсониане отличались, мягко выражаясь, большой беспечностью, и второй команде лишь с огромным трудом удалось втолковать им, что такое межпланетная торговля и какие выгоды она сулит. Однако надо отдать им должное: разобравшись наконец, что к чему, они проявили похвальный деловой энтузиазм.

Клубни принялись в земной почве с обнадеживающей легкостью, и клубни становились все больше и лучше по сравнению с собранными на их родной планете. Но ничего удивительного в этом не было, если вспомнить примитивность гарсонианского земледелия.

Потребовалось несколько лет, чтобы привезенные второй экспедицией подарки принесли достаточно семян для коммерческого их культивирования.

Но в конце концов первый урожай был собран, первая ограниченная партия чудодейственного средства была произведена и поступила в продажу под гром рекламных фанфар и по соответственной цене, разумеется.

Все, казалось, складывалось лучше некуда.

Вновь земные фермеры получили доходную культуру с далекой планеты, а человек обрел транквилизатор, которого ждал так долго!

Но годы шли, и энтузиазм поулег. Ибо получаемый из этих клубней препарат словно бы утрачивал действенность. Либо он не был так хорош, как предполагалось вначале, либо в земных условиях недоставало какого-то существенного фактора.

Лаборатории принялись за лихорадочные поиски. Подарки высаживались на экспериментальных делянках на других планетах в надежде, что почва или воздух там содержат недостающий элемент, если дело было в этом.

А Торговый центр с тяжеловесной бюрократичностью принялся разрабатывать планы импорта, запоздало припомнив, быть может, о торговом соглашении, подписанном много лет назад. Но особой спешки не было: а вдруг все-таки будет найден способ получать клубни на Земле.

В конце концов удалось точно установить, что ни на Земле, ни где-либо еще, кроме родной планеты подарка, получить полноценные клубни невозможно. Как выяснили лаборатории, действенность транквилизирующего вещества в значительной степени зависела от деятельности микроорганизма, обитавшего в корнях подарка. А поддерживать полноценную жизнедеятельность этот микроорганизм мог только в условиях Гарсона-IV.

Вот так через пятнадцать с лишним лет на Гарсон-IV снарядили третью экспедицию, которая приземлилась, спустила груз и утром могла приступить к вымениванию подарков.

Шеридан неторопливо перебирал листы, вынутые из папки. Собственно, зачем, когда он знает каждую строчку наизусть?

Зашелестел брезент, и в палатку вошел Езекия. Шеридан поднял голову.

– А, вернулся! – сказал он. – Отлично. С Максом все в порядке?

– Мы нашли тело, отвечающее всем требованиям.

– Езекия, – сказал Шеридан, откладывая листы, – твои впечатления?

– От планеты, сэр?

– Вот именно.

– Амбары, сэр. Вы их видели, сэр, когда мы снижались. Я еще указал вам на них.

Шеридан кивнул:

– Вторая экспедиция научила туземцев, как их строить. Под подарки.

– Они все выкрашены красной краской, – сказал робот. – Ну прямо как на рождественской открытке.

– А что в этом плохого?

– Вид у них жутковатый, сэр.

Шеридан засмеялся.

– Жутковатый или нет, они нас выручат. Наверное, битком набиты подарками. Пятнадцать лет туземцы складывали в них урожаи, наверняка удивляясь, почему мы не прилетаем с товарами...

– Деревушки крохотные, а в центре торчит красный амбарище, – сказал Езекия. – Простите меня, сэр, но это похоже на поместь Новой Англии с какой-нибудь Нижней Словоовой.

– Ну не совсем! Наши гарсоннианские друзья до такого все-таки не дошли. Пусть они беспечны и легкомысленны, но деревни они свои содержат в порядке, а домики просто вылизывают. Вот посмотри.

С этими словами он вытащил из кипы бумаг фотографию. Чистенькая деревенская улица, по сторонам ряды чистеньких домиков, пестрые цветочные бордюры вдоль пешеходных дорожек, по которым идут люди – миниатюрные, веселые, похожие на гномиков.

Езекия взял фотографию.

– Не спорю, сэр, они выглядят счастливыми, хотя, пожалуй, не слишком интеллектуальными.

– Пойду посмотрю, как там идут дела, – сказал Шеридан, вставая.

– Все нормально, сэр, – заметил Езекия. – Ребята разобрали кучу, но, к сожалению, от груза мало что уцелело.

– Ну, если хоть что-то уцелело, это уже чудо.

– Долго не задерживайтесь, – предостерег его Езекия. – Вам надо выспаться. День завтра предстоит нелегкий, а вам вставать с зарей.

– Я сейчас, – обещал Шеридан и вышел из палатки.

Лагерные прожекторы уже были установлены и разгоняли ночную тьму. С той стороны, где грузовая платформа врезалась в землю, доносился стук молотков. Даже от ямы не осталось никакого следа, и роботы-космовики строили новую радиокабину. Другие воздвигали купол над конференц-столом, вокруг которого Авраам и другие роботехники завершали восстановление Лемуила и Максимилиана. А перед кухней Наполеон с Гедеоном, сидя на корточках, увлеченно играли в кости.

Шеридан увидел, что под навесом стоит новая плита. Он подошел к игрокам, они кивнули ему и продолжали бросать кости.

Шеридан понаблюдал за ними, а потом неторопливо пошел дальше, недоуменно покачивая головой, – он не переставал удивляться интересу, который вызывали у роботов все азартные игры. Видимо, человеку этого понять не дано, как и многое другое.

Ведь такие игры подразумевают материальный выигрыш или проигрыш, то есть, с точки зрения роботов, они не могли иметь смысла, поскольку у роботов нет ни денег, ни недвижимости, ни даже личных вещей. И ни в чем подобном они не нуждаются – и все-таки они отчаянно резались и в кости, и в карты.

Или они просто подражают людям? По самой своей природе робот лишен возможности приобщиться к большинству человеческих пороков. Но играть он вполне способен, и, вероятно, с большим искусством, чем люди в среднем.

Но чем, чем это их прельщает? Он недоумевал – приобретения, выгоды? Но для роботов они не существуют. Приятное возбуждение? Возможность дать выход агрессивности?

Или они учитывают в уме все свои выигрыши и проигрыши, и тот, кто в азартных играх чаще выходит победителем, приобретает определенный престиж, человеку не известный или даже тщательно от него скрываемый?

Человек, подумал он, не способен постичь своих роботов до конца, что, может быть, и к лучшему. Все-таки у робота сохраняется подобие индивидуальности.

Ведь если робот и обязан человеку очень многим – самой своей идеей, материальным ее воплощением и жизнью, то тем самым и человек обязан роботам стольким же, если не бóльшим.

Без роботов человек не сумел бы проникнуть в глубины Галактики так быстро и так плодотворно. Невозможность перебрасывать квалифицированную рабочую силу в необходимых количествах уже стала бы непреодолимым препятствием. Где было бы взять столько космолетов?

С роботами проблемы транспортировки не возникало.

А сменники обеспечивали наличие всех необходимых специалистов в самых разных областях, способных справиться с любыми трудностями на только что открытых планетах, как ни мало было число роботов.

Шеридан дошел до границы лагеря и уставился в темноту, из которой доносился плеск волн под тихие вздохи ветра.

Он откинул голову, посмотрел на небо и – как уже много раз на многих других планетах – поразился сокрушающему ощущению неизбывного одиночества и чужеродности, какое вызывал вид незнакомых созвездий.

Человек, подумал он, привык ориентироваться по таким неверным признакам, как группировка звезд, запах цветка или краски заката.

А впрочем, почему незнакомых? Тут ведь уже побывали две экспедиции землян, а теперь прибыла третья – с прицепом, набитым товарами.

Он отвернулся от озера и, сощурившись, посмотрел туда, где у границы лагеря был сложен груз и укрыт прочным пластиком, поблескивавшим в свете звезд. Будто на чужой земле улеглось спать стадо горбатых чудовищ.

Ни один звездолет не смог бы доставить такое количество груза – звездолеты могли перевозить лишь ничтожную долю того, что требовалось для межзвездной торговли.

Для этой цели были созданы прицепы.

Такой прицеп загружался на орбите над планетой с челночных грузовых платформ. После загрузки прицеп с командой роботов получал толчок к дальнему полету от экспедиционного корабля. С помощью двигателей на самом прицепе, а также притяжения звездолета наращивалась и наращивалась скорость. Когда она сравнивалась со скоростью света, наступал трудный момент, а затем все упрощалось, хотя для межзвездных полетов требовалась скорость, во много раз превышающая скорость света. Вот так прицеп следовал за экспедиционным кораблем, который вел его через странную серую зону, где пространство и время скручивались в нечто отличное от нормальных пространства и времени.

Без роботов ни о каком грузовом прицепе не было бы и речи: никакая человеческая команда не могла работать в нем и проверять груз.

Шеридан вновь обернулся к озеру, и ему почудилось, что он видит белые полосы пены. Или у него разыгралось воображение? Ветер тихо постанывал, над головой сверкали чужие звезды, а за озером спали туземцы в своих деревнях с огромными красными амбарами.

2

Утром роботы собрались вокруг конференц-стола под пестрым куполом, и Шеридан с Езекией принесли туда металлические ящички со сменниками, помеченными: «Специальные – Гарсон-IV».

– Ну а теперь, – сказал Шеридан, – пора браться за дело, если вы, господа, удостоите меня своим вниманием. – Он открыл один ящичек. – Вот сменники, изготовленные на заказ для предстоящей работы. Их удалось создать, потому что мы располагали ранее полученными сведениями об этой планете. Таким образом, мы начнем с пустого места, как нам не раз приходилось в прошлом...

– Хватит трепаться, Стив, – завопил Рубен, – будем действовать!

– Пусть поговорит, – сказал Авраам. – У него на это не меньше прав, чем у любого из нас.

– Спасибо, Ав, – поблагодарил его Шеридан.

– Валяйте, – пригласил Гедеон. – Руб просто сбросил лишний вольтаж.

– Сменники эти, естественно, в своей основе торговые и снабдят вас личностью и приемами удачливого продавца. Но кроме того, в них включены все сведения, имеющие отношение к ситуации здесь, а также туземный язык и всякие подробности о планете.

Он отпер еще один ящичек и откинул крышку.

– Начнем?

– А чего ждать? – заявил Рубен. – Этим космовиком я по горло сыт.

Шеридан обошел их в сопровождении Езекии с ящичками.

Вернувшись к исходной точке, он отодвинул ящички, в которых теперь находились космовики и прочие разнообразные сменники.

– Ну, как они вам? – спросил он, обводя взглядом свою команду.

– Очень даже, – ответил Лемуил. – Знаете, Стив, я раньше не замечал, до чего тупы космовики.

– Не слушайте его, – сердито проворчал Авраам. – Он каламбурит так при каждой перемене.

– Вроде бы все должно пройти гладко, – сказал Максимилиан серьезно. – Эти люди свыклись с мыслью, что мы будем с ними торговать. Значит, первоначального антагонизма не возникнет. Возможно даже, что им самим не терпится заключить сделку.

– Еще одно, – указал Дуглас. – У нас товары, к которым они проявляли интерес, и нам не придется тратить время на подробные выяснения их потребностей.

– Торговая ситуация представляется простой, – веско произнес Авраам. – Осложнений вроде бы возникнуть не должно. По-видимому, главное – установить пропорции обмена: сколько подарков за лопату, или за мотыгу, или еще за что-то.

– Это выяснится путем проб и ошибок, – заметил Шеридан.

– Надо будет жестко поторговаться для установления розничной цены, – заявил Лемуил, – а затем продавать оптом. Такой прием нередко приносил отличные результаты.

Авраам поднялся со стула.

– Приступим. Думаю, Стив, вам следует остаться в лагере.

Шеридан кивнул.

– Буду в радиокабине ждать ваших сообщений. Не тяните с ними.

Роботы приступили: они чистили и полировали друг друга, пока буквально не засияли. Достали парадные щитки и прикрепили их к корпусу магнитными защелками – разноцветные пояса, сверкающие металлические наборные ожерелья и драгоценные камни с кулак величиной. Не слишком изысканного вкуса, но рассчитанные на то, чтобы поразить туземцев.

Они подогнали свои платформы, нагрузили их образчиками со склада, и Шеридан, расстелив карту, распределил между ними деревни. Они проверили передатчики и убедились, что взяли книги заказов.

К полудню они все покинули лагерь.

Шеридан пошел к себе в палатку и опустился в походное кресло, глядя на озеро, сверкающее на солнце за пологим берегом.

Наполеон принес ему перекусить и сел поболтать, аккуратно вздернув белый фартук на колени, чтобы он не касался земли, а высокий колпак лихо сдвинул набок.

– И как, по-вашему, пойдет дело, Стив?

– Заранее ничего сказать нельзя, – объяснил ему Шеридан. – Ребята все настроились на легкую работенку, и, надеюсь, они не разочаруются. Но туземцы на малоизвестной планете могут выкинуть что угодно.

– Ждете неприятностей?

– Я ничего не жду, а просто сижу и робко надеюсь на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

– Если вы так тревожитесь, то почему не отправились туда сами?

Шеридан покачал головой:

– Сам подумай, Наппи. Я ничего в торговле не понимаю, а ребята знают о ней все, что требуется. Мне братья за это самому никакого смысла нет. Я не подготовлен.

А к чему он подготовлен, вдруг пришло ему в голову. Он не торговец и не космовик. И понятия не имеет о профессиях, в которых роботы поднаторели – или могли поднатореть в любую минуту.

Нет, он просто человек, необходимый винтик в команде роботов.

По закону ни одному роботу и ни одной команде роботов нельзя было давать задание без человеческого надзора. Но дело этим не исчерпывалось. В самой природе робота крылась потребность, не заложенная сознательно, но изначально ей присущая, – потребность в своем человеке.

Команда роботов, посланная на задание без сопровождающего человека, стала бы сажать ошибку на ошибку и в конце концов полностью бы рассыпалась и могла бы не только не принести пользы, но и причинить невообразимый вред. А когда их сопровождает человек, их предпримчивости и возможностям практически нет предела.

То ли, думал он, они нуждаются в лидере, хотя, с другой стороны, человек в команде роботов далеко не всегда обладает качествами лидера. То ли им требуется символ непререкаемого авторитета, пусть даже роботы, если отбросить их уважение к своему человеку и стремление заботиться о нем, никаких авторитетов не признают.

Нет, сказал себе Шеридан, тут кроется нечто более глубокое, чем просто лидерство или просто авторитет. Нечто, сравнимое с привязанностью и внутренним единением, связывающими неразрывными узами человека и собаку, однако при полном отсутствии немого обожания, свойственного собакам.

– Ну а сам ты? – спросил он Наполеона. – Тебе никогда не хотелось самому выйти на задание? Скажи только слово...

– Мне нравится готовить, – заявил Наполеон и поковырял в земле металлическим пальцем. – Я, Стив, так сказать, старый верный служитель.

– Сменник в два счета это изменит.

– А кто тогда будет для вас готовить? Сами-то вы и яйцо толком сварить не умеете.

Шеридан кончил есть и снова устался на озеро в ожидании первых сообщений по радио.

Наконец-то они приступили к выполнению задания. Все, что происходило до этого, – погрузка, долгая буксировка по космическому пространству, выведение космолета с прицепом на орбиту и разгрузка – было лишь подготовкой к этому моменту.

Они приступили к выполнению задания, но до конца было еще ох как далеко. Предстоят месяцы напряженной работы. Будут возникать бесконечные проблемы, непредвиденные трудности. Но они справятся, сказал он себе с непоколебимой гордостью. Его команду ничто не поставит в тупик. Ничто!

Под вечер его позвал Езекия:

– Радирует Авраам, сэр. Что-то не так.

Шеридан вскочил, бросился в кабину, придвинул стул и ухватил наушники.

– Ав, это ты? Как дела, малый?

– Плохо, Стив, – ответил Авраам. – Они не хотят меняться. Товары им нравятся. Так и засматриваются на них. Но ничего за них не предлагают. Знаете, что я думаю? По-моему, им нечего предложить.

– Чушь, Ав! Они собирали плоды все эти годы. Амбары полным-полны.

– Все амбары заколочены, – сказал Авраам. – Двери закрыты на засовы, окна забраны досками. А когда я хотел подойти к одному, они повели себя не по-хорошему.

– Сейчас прилечу, – сказал Шеридан. – Хочу сам посмотреть. – Он вышел из кабины. – Езекия, заведи стрекозу. Полетим поговорить с Авом. Наппи, подежурь у радио. Если что, свяжешься со мной в деревне Ава.

– Я отсюда ни ногой, – заверил его Наполеон.

Езекия посадил стрекозу на деревенской площади рядом с платформой, по-прежнему полностью нагруженной. К ним тут же подошел Авраам.

– Хорошо, что ты тут, Стив. Они хотят, чтобы я убрался отсюда. Они не хотят, чтобы мы оставались на планете.

Шеридан вылез из стрекозы и застыл на месте. Его охватило странное ощущение – и с деревней, и с ее обитателями что-то было не так. Что-то изменилось, стало другим.

На площади собралось много туземцев, кто-то прислонялся к дверям, кто-то к древесному стволу. Несколько загоразивали заложенную засовами дверь массивного амбара в центре площади, словно их поставили туда часовыми.

– Когда я приземлился, – сказал Авраам, – они столпились вокруг платформы, разглядывали товары и только-только не хватали их. Я попробовал заговорить с ними, но они отмалчивались, твердили, что они очень бедные. А теперь молчат и только глазами сверкают.

Амбар на фоне маленьких деревенских домиков выглядел монументальным сооружением. Кубический, внушительный, ничем не украшенный, он выглядел здесь чужеродным, инопланетным, перенесенным сюда с Земли. Шеридан сообразил, что именно такие амбары видел на захолустных земных фермах: большая щипцовая крыша, широкая дверь, ведущий к ней пандус и даже слуховое оконце в круглой башенке, венчающей конек.

Человек и два робота стояли в омуте враждебного молчания, туземцы пялились на них, и что-то было очень и очень не так.

Шеридан медленно повернулся, обводя взглядом площадь, и вдруг понял причину.

Деревня выглядела запущенной, прямо-таки грязной. Домики облупились, утратили свой аккуратный, нарядный вид, везде валялся мусор. И люди тоже несли на себе печать неряшливости и неухоженности.

– Сэр, – сказал Езекия, – какой у них жалкий вид!

Да, вид у них был самый жалкий: в лицах словно таилась затравленность, измученность, плечи понуро сутулились.

– Ничего не понимаю! – с недоумением сказал Авраам. – В описании они значатся как веселый беззаботный народец. А поглядите на них теперь! Неужели нас снабдили неверными сведениями?

– Нет, Ав. Просто они изменились.

Неверными сведения быть не могли. Их собрала компетентная команда, одна из лучших, руководимая опытным человеком, много лет проведенным на разнообразных новооткрытых планетах. Команда провела на Гарсоне-IV два года и постаралась изучить туземцев досконально.

Что-то случилось с этими людьми. Почему-то они потеряли веселость и гордость. Позволили своим домам обветшать, позволили себе превратиться в жалких оборванцев.

– Ребята, оставайтесь тут, – сказал Шеридан.

– Сэр, остановитесь! – с тревогой воскликнул Езекия.

– Поосторожнее! – предостерег Авраам.

Шеридан направился к амбару. Группа у дверей не шелохнулась. Он остановился в трех шагах от них.

На близком расстоянии они даже больше походили на гномов, чем на снимках, сделанных первой экспедицией. Да, сморщенные маленькие гномы, но совсем невеселые гномики. Они выглядели неряшливыми, опустившимися и смотрели на него угрюмо, возможно даже с ненавистью. И с каким-то смущением. Некоторые расстроено переступали с ноги на ногу.

– Вижу, вы нас не забыли, – сказал Шеридан дружеским тоном. – Мы слишком долго не возвращались. Гораздо дольше, чем намеревались.

Он опасался, что говорит плохо. Этот язык, собственно, был не самым простым языком в Галактике. На мгновение он пожалел, что в человеческий мозг нельзя вставить сменник. Как бы это облегчило дело!

– Мы вас помним, – сердито сказал один.

– Замечательно! – с наигранной радостью воскликнул Шеридан. – Ты голос деревни?

Голос – потому что у них не было главы, вождя, не существовало правительства, а возникающие проблемы обсуждались в разговорах возле эквивалента деревенской лавки да на редких общих собраниях, когда случалось что-нибудь неожиданное. Но за выполнением решений никто не следил.

– Я могу говорить за остальных, – уклончиво ответил туземец и медленно вышел вперед. – Много лет назад здесь побывали такие, как вы.

– Вы их встретили, как друзья.

– Мы всех встречаем, как друзья.

– Но их особенно. И обещали им собирать и сохранять подарки.

– Столько времени подарки не сохраняются. Они гниют.

– У вас для хранения были амбары.

– Один подарок начинает гнить, за ним другой, и вот уже сто гнилых подарков. Амбар не годится. Они нигде не сохраняются.

– Но мы... но те показали вам, что надо делать. Вы перебираете подарки и выбрасываете подгнившие. И тогда остальные не начинают гнить.

– Очень трудная работа. Слишком много времени берет.

Туземец пожал плечами:

– Но ведь не все подарки сгнили. Какие-то сохранились.

Его собеседник развел руками:

– Погода стояла плохая, друг. То мало дождя, то слишком много. Всегда что-нибудь не так. И урожаи всегда плохие.

– Но мы привезли вам полезные вещи в обмен на подарки. Много всего, что вам нужно. Нам было трудно доставить их сюда. Мы прилетели издалека. Оттого и прошло столько времени.

– Что поделать, – сказал туземец. – Подаров нет. Сам видишь, какие мы бедные.

– Но куда подевались все подарки?

– Мы, – упрямо сказал туземец, – больше не выращиваем подарки. С подарками всегда что-нибудь не так.

– Но что растет на полях?

– Мы не говорим «подары», мы называем их по-другому.

– Неважно, как вы их называете. Это подарки или нет?

– Мы подарки не выращиваем.

Шеридан повернулся на каблуках и пошел назад к роботам.

– Одно ясно, – сказал он. – Что-то тут произошло. Он жаловался на бедность, а потом сказал, что подарков они больше не выращивают.

– Но это же поля подарков! – заявил Авраам. – Если сведения верны, то они расширили площадь посевов. Я проверил по дороге сюда. Сейчас у них под подарками занято гораздо больше земли, чем прежде.

– Знаю, – ответил Шеридан. – Бессмыслица какая-то. Езекия, ты не свяжешься с лагерем, не выяснишь, что известно там?

– Еще одно, – напомнил Авраам. – Наше торговое соглашение с ними. Оно сохраняет силу?

– Не знаю. – Шеридан покачал головой. – Может, стоит сунуть его им под нос и посмотреть, что из этого получится. Это может послужить психологической зацепкой. Попозже, когда мы их немножко смягчим.

– Если мы их смягчим!

– Но это только один день и одна деревня.

– По-вашему, мы не можем использовать соглашение как дубинку?

– Послушай, Ав, я ведь не юрист, и в нашем наборе сменников юриста нет, и по чертовски веской причине: на этой планете законов не имеется. Но предположим, мы потащим их в галактический арбитраж. Кто подписывался за их планету? Туземцы, которых выбрали в ее представители мы, а не ее обитатели, так что их подпись никого ни к чему не обязывала. Подписание контракта было просто торжественной церемонией, юридически ничего не значившей, затеянной только для того, чтобы внушить туземцам почтение к нам.

– Но вторая экспедиция считала, что это сработает.

– Ну да. Гарсоньянам присуща мораль – и индивидуально, и в семье. Но вопрос в том, насколько она обязательна для жителей деревни в целом.

– То есть нам нужно найти подход, – сказал Авраам. – Хотя бы к этой деревне.

– Ну, если дело только в ней, – заметил Шеридан, – можно и выждать. Обойдемся и без нее.

Но дело не ограничилось одной деревней. То же положение было и во всех остальных.

Об этом сообщил Езекия.

– Наполеон говорит, что не ладится у всех, – объявил он. – Никто ничего не продал. Из его слов следует, что повсюду такая же картина.

– Лучше отзовем всех ребят в лагерь, – сказал Шеридан. – Эту ситуацию надо обсудить. Выработать план действий. Подход должен быть единым.

– И надо бы накопать подарков, – предложил Авраам. – И проверить, подарки они или другое растение.

3

Шеридан вставил в мозг Эбенезера сменник химика, и Эбенезер занялся анализом. О результатах он доложил на совещании за конференц-столом.

– Есть только одно отличие, – сказал он. – В этих подарках содержится более высокий процент калентроподенсии (вещества, действующего как транквилизатор), чем в привезенных первой и второй экспедициями. Примерно десять процентов с возможными колебаниями от поля к полю в зависимости от погоды и состава почвы – от последнего, по-моему, особенно.

– Значит, они солгали, заявив, будто больше не выращивают подарки, – сказал Авраам.

– По их меркам, – возразил Сила, – они, возможно, не лгали нам. Человеческие нормы не всегда приложимы к инопланетной этике, то есть результативно. Эбенезер сказал, что в химическом составе клубней произошли изменения. То ли из-за улучшения обработки почвы, то ли из-за отбора семян, то ли из-за обильного выпадения дождей, то ли из-за большей концентрации микроорганизмов в почве. Или же туземцы сумели сами каким-то образом добиться этого...

– Все может быть, – сказал Гедеон. – Но к чему ты клонишь?

– Все очень просто. Если им известно про это изменение, они могли воспользоваться им как предлогом, чтобы изменить название. Или этого потребовали правила их грамматики. Или же они прибегли к игре слов, чтобы выпутаться из положения. Не исключено, что здесь не обошлось без суеверий. Туземец в деревне сказал Стиву, что с подарками их преследовали неудачи. И они могли переменить название, чтобы переломить полосу невезения.

– А это этично?

– На их взгляд, почему бы и нет. Вы, ребята, достаточно помотались по Галактике, чтобы усечь, что наши понятия о логике и этике там не очень в ходу.

– И все-таки я не вижу, зачем им понадобилось менять название. Разве что специально для того, чтобы не торговать с нами, чтобы заявить, что никаких подарков они не выращивают.

– По-моему, так и есть, – заметил Максимилиан. – Прекрасно стыкуется с заколоченными амбарами. Они знали о нашем прибытии. Еще бы! Сколько платформ челночило! Не увидеть их они не могли.

– В деревне, – сказал Шеридан, – у меня возникло четкое ощущение, что им не очень хочется убеждать меня, будто они не выращивают подарки. Они оставили этот довод на конец, словно надеясь, что им не придется к нему прибегнуть. Как последнюю отчаянную меру, когда ничто другое к желаемому результату не приведет, и...

– Просто вздувают цену, – категорично заявил Лемуил.

– Не думаю. – Максимилиан покачал головой. – Ведь начальная цена не назначалась. Так как же можно ее вздувать?

– Так или иначе, – сухо ответил Лемуил, – а они создали ситуацию, чтобы взять нас за горло.

– Но есть и благоприятный для нас фактор, – продолжал Максимилиан. – Если они изменили название, чтобы не торговать с нами, значит, вся деревня сознает свое моральное обязательство и старается оправдать его нарушение.

– То есть ты считаешь, что мы могли бы их урезонить, – сказал Шеридан. – Не исключено. Во всяком случае, стоит попробовать.

– Что-то очень не так, – вставил Дуглас. – Перемены слишком велики. Новое название подарков, заколоченные амбары, жалкий вид деревень и их жителей. Вся планета словно пришла в запустение. Мне кажется, мы прежде всего должны установить, что произошло. А тогда у нас, возможно, появится шанс наладить торговлю.

– Хотел бы я заглянуть внутрь этих амбаров, – сказал Исус Навин. – Что у них там? Как по-вашему, не могли бы мы это проделать?

– Только с применением силы, – ответил Авраам. – Думается, пока мы тут, они будут охранять амбары днем и ночью.

– Ни о какой силе не может быть и речи, – сказал Шеридан. – Вы ведь знаете, что будет с нами, если мы прибегнем к ней против инопланетян, кроме случаев явной самообороны. У

команды будет отобрана лицензия. И вы, ребята, проведете остаток своих дней, натирая полы в управлении.

– Но, может быть, тайком? Каким-нибудь детективным способом?

– Это идея, Нав, – сказал Шеридан. – Езекия, у нас есть сменники-детективы?

– Насколько мне известно, нет, сэр. И я ни разу не слышал, чтобы хоть какая-нибудь команда ими пользовалась.

– Тем лучше, – вставил Авраам. – Каким бы способом мы изменили свою внешность?

– Если бы нашелся доброволец, – увлеченно заговорил Лемуил, – мы могли бы его реконструировать...

– Мне кажется, – сказал Сила, – нам следует разработать все возможные подходы, а потом опробовать их на разных деревнях, пока какой-нибудь не сработает.

– То есть ты исходишь из предпосылки, – заметил Максимилиан, – что все деревни будут одинаково реагировать на каждый.

– Именно это я и предполагаю, – ответил Сила. – Как-никак культура у них единая, а средства сообщения, конечно, самые примитивные. Ни одна деревня не получит сразу известия о том, что происходило в другой, так что каждая деревня послужит нам прекрасной морской свинкой в этом маленьком эксперименте.

– Си, по-моему, ты хорошо придумал, – одобрил Шеридан. – Так или иначе, но мы должны сломить их нежелание торговать. Мне все равно, какую цену мы заплатим за подарки для начала. Я позволю им ободрать нас заживо. А едва они начнут покупать, мы снизим эту цену и в конце сведем баланс. Ведь наша цель – загрузить в прицеп столько подарков, сколько он способен вместить.

– Ладно, – сказал Авраам. – За работу!

И они взялись за работу, потратив на нее весь день. Продумали возможные подходы, наметили деревни, где испробовать каждый. Шеридан разделил роботов на бригады и поручил каждой проверить такой-то подход. Они обсудили каждую мелочь и ничего не оставили на волю случая.

Шеридан сел ужинать, убежденный, что они вышли из положения – не тот, так другой подход даст желаемый результат. Беда была в том, как ему казалось теперь, что они заранее не провели нужной подготовки и настолько уверовали в легкость своей задачи, что бездумно ринулись продавать с места в карьер.

Утром роботы отправились в свои деревни, полные оптимизма.

Бригаде Авраама было поручено обходить дома, и они взялись за дело со всей добросовестностью. Не пропустили в своей деревне ни единого дома. И в каждом доме получали отказ. Иногда они слышали простое, но твердое «нет», иногда перед ними со стуком захлопывали дверь, иногда ссылались на бедность.

Одно было ясно: соблазнить гарсопиан индивидуально оказалось так же невозможно, как соблазнить их в совокупности.

Гедеон и его бригада испробовали метод бесплатных образцов, обходя дома и предлагая в подарок то или иное изделие, с тем чтобы позднее явиться с товарами. Гарсопианские домовладельцы на крючок не попались, отказавшись принять дары.

Лемуил возглавил организацию лотереи. Странники этого метода указывали, что лотерея взывает к корыстным инстинктам. А условия их лотереи были очень соблазнительными. Цена за билет была установлена самая низкая – один подарок. Список призов выглядел сказочным. Но гарсопиане, видимо, чуждались корысти. Ни один билет продан не был.

А самым странным – нелогичным, сводящим с ума, немислимым – было то, что гарсопианам словно бы очень хотелось обзавестись предлагаемыми вещами.

– Просто видно, как они борются с искушением, – сообщил Авраам вечером на совещании. – Видно, что им требуются наши товары, но они принуждают себя отказаться. И упрямо стоят на своем.

– Возможно, мы истощили их сопротивление, – заметил Лемуил. – Еще чуть-чуть, и все будет в ажуре... А не распустить ли нам слухи, что в такой-то и такой-то деревне у нас раскупили весь товар? Это может побороть их упрямство.

Однако Эбенезер усомнился:

– Надо докопаться до причины. Необходимо выяснить, что кроется за этой забастовкой покупателей. Может, что-то очень простое. Если бы знать...

Эбенезер отправился со своей бригадой в дальнюю деревню. Они захватили с собой раскладной супермаркет и установили его посреди площади, красиво разложили товары, создали атмосферу элегантности и радостного возбуждения. И повсюду развесили громкоговорители, чтобы восхвалять свои товары, предлагаемые по самой дешевой цене.

Авраам и Гедеон возглавили две бригады, расставлявшие озвученные рекламные щиты где только могли – заманчивые краски, зазывные приглашения.

Шеридан зарядил Оливера и Силу сменниками психологов, и они с большим искусством составили текст приглашений. Никакого подчеркивания коммерческой стороны, хотя она, бесспорно, присутствовала. Местами тексты мило улещивали, местами полнились откровенностью. И все отличались глубокой искренностью. В них восхвалялись гарсониане, высокопорядочные, принципиальные люди, проповедовались на увлекательных примерах честность и справедливость, а также скрупулезное соблюдение договоров и соглашений. Пришельцы расписывались в них как своего рода помесь бескорыстных благодетелей и наивных дурачков, которых ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Тексты эти прокручивались круглые сутки. Они обрушивали на беззащитных гарсониан завораживающе вкрадчивую рекламу, и результаты ожидалось оптимальные, поскольку для гарсониан любая реклама была в диковинку.

Лемуил оставался в лагере и, заложив руки за спину, мерил шагами берег в глубоком раздумье. Иногда он останавливался и с лихорадочной быстротой записывал осевшие его идеи.

Он пытался приспособить к местным условиям старинный заход, по его мнению беспроигрышный, – «я должен заработать на оплату за обучение в колледже».

Исус Навин и Фаддей попросили у Шеридана пару сменников драматургов. Шеридан сказал, что таких не имеется, но Езекия, неунывающий оптимист, пошарил на самом дне инструментария и обнаружил сменник с надписью «аукционщик», а потом – с надписью «оратор». Если и не драматурги, так что-то родственное.

Исус и Фаддей брезгливо от них отказались и уединились, яростно работая над созданием комического реву, насколько это было в их возможностях.

Например, как сочинять скетчи и анекдоты для инопланетян? Что они считают смешным? Рискованные шуточки – отлично, но для них требуются мелкие подробности сексуальной жизни тех, для кого они предназначаются. Анекдоты о тещах? Опять-таки это требовало информации: в одних местах тещи свято почитались, в других – само их упоминание было верхом неприличия. Естественно, никакого обыгрывания диалектов и жаргона, что следовало приветствовать. Не годились для гарсониан и анекдоты о дельцах – гарсониане, понятия не имевшие о бирже и биржевых нравах, просто ничего бы не поняли.

Тем не менее Исус и Фаддей обескураженными себя не чувствовали. Они забрали у Шеридана все своды сведений о Гарсоне-IV и часами их штудировали, выискивая и анализируя аспекты жизни его обитателей, которые казались подходящим материалом, не сулящим подвохов. Они писали груды заметок, рисовали сложные диаграммы соотношения гарсониан-

ских слов и графики социальной жизни туземцев. Они творили, редактировали, шлифовали. И наконец сценарий был готов.

– Лучше комического ревью не придумаешь, – с убеждением сказал Исус Навин Шеридану, – когда надо расшевелить людей. Приводишь их в хорошее настроение, и они преодолевают свои фобии. И при этом они оказываются в некотором долгу у тебя. Ты подарил им развлечение, и у них не может не возникнуть желания чем-то тебе отплатить.

– Будем надеяться, – сказал Шеридан уныло.

Ибо ничто не сработало.

Жители дальней деревни настолько смягчились, что посетили супермаркет – чтобы поглазеть, а не покупать. Ну просто словно это был музей или выставка. Они прогуливались по проходам, таращили глаза на товары, иногда трогали их, но ничего не покупали и даже оскорблялись, если их спрашивали, не желают ли они что-нибудь приобрести.

В других деревнях щиты сначала привлекли всеобщее внимание. Перед ними собирались толпы и слушали часами. Но они перестали быть новинкой, и больше никто не останавливался послушать. И все по-прежнему игнорировали роботов. Еще более подчеркнуто они игнорировали или отвергали любое предложение продать им что-нибудь.

Лемуил сдался, перестал расхаживать и выбросил свои заметки. Он признал свое поражение – на Гарсоне-IV использовать заход со студентом было невозможно.

Болдуин возглавил бригаду по распусканию слухов. Но туземцы категорически отказывались верить, что в другой деревне кто-то что-то купил.

Оставалось комическое ревью, и Исус с Фаддеем подобрали исполнителей и начали репетировать. К сожалению, даже Езекии не удалось откопать сменники актеров, но тем не менее получалось у них недурно.

Несмотря на полный провал всех их ухищрений, роботы продолжали посещать деревни, продолжали пытаться продать хоть что-нибудь в надежде, что в один прекрасный день они уловят какой-то намек, какую-нибудь подсказку и сумеют преодолеть барьер молчания и упрямства туземцев.

Затем Гедеон, отправившийся в деревню один, сообщил по радио:

– Тут под деревом такое, на что вам следует взглянуть.

– Такое? – переспросил Шеридан.

– Новое существо. По виду разумное.

– Гарсонианин?

– Вообще-то гуманоид, но не здешний.

– Сейчас буду, – сказал Шеридан. – А ты оставайся на месте, покажешь мне его.

– Оно, наверное, меня видело, – добавил Гедеон, – но я к нему не подходил. Подумал, лучше будет вам за него взяться.

Как и сказал Гедеон, существо сидело под деревом. Перед ним была расстелена сверкающая скатерть, на которую оно уже поставило изукрашенный кувшин, а теперь вынимало всякую всячину из емкости, которая, возможно, была корзинкой для пикника.

Оно было гуманоидом и более привлекательным, чем гарсониане. Тонкие черты лица, худощавая гибкая фигура. Одежда на нем была из пышных тканей, инкрустированных драгоценными камнями. Вид у него был приветливый.

– Привет, друг, – сказал Шеридан.

Гуманоид, казалось, его понял, но улыбнулся с некоторой надменностью, словно появление Шеридана его не очень обрадовало.

– Возможно, – сказал он наконец, – у вас найдется время посидеть со мной?

Его тон недвусмысленно приглашал Шеридана отказаться: спасибо, но, к сожалению, времени у него нет, он торопится.

– Конечно, найдется, – сказал Шеридан. – Благодарю вас.

Он сел, а гуманоид продолжал вынимать из корзинки свои припасы.

– Нам несколько трудно общаться на этом варварском языке, – сказал гуманоид. – Но что поделаться! Или вы говорите по-балликски?

– Извините, – ответил Шеридан, – но я впервые слышу про этот язык.

– А я подумал... Он широко распространен.

– Обойдемся и языком этой планеты, – невозмутимо сказал Шеридан.

– О, разумеется! – согласился гуманоид. – Надеюсь, я не вторгся на вашу территорию?

В таком случае я сейчас же...

– Все нет. И я рад нашей встрече.

– Я бы предложил вам перекусить со мной, но побаиваюсь. Обмен веществ у вас, несомненно, иной, чем у меня. И мне было бы горько отравить вас.

Шеридан наклонил голову в знак благодарности. Еда, бесспорно, выглядела очень аппетитно. Красивая упаковка, восхитительное на вид содержимое. Ему сразу захотелось есть.

– Я часто прилетаю сюда для... – Он не сумел найти нужного слова на языке гарсониян.

Шеридан пришел ему на помощь.

– На моем языке, – сказал он, – это называется пикник.

– Еда под открытым небом, – сказал гуманоид. – Точнее на языке наших гостеприимных хозяев я выразиться не могу.

– Мы тоже это любим.

Гуманоид явно обрадовался такому доказательству взаимопонимания.

– Мне кажется, друг мой, у нас есть много общего. Не оставить ли мне вам образчик этой еды? Вы бы сделали анализ и в следующий раз могли бы разделить мою трапезу.

Шеридан покачал головой.

– Думаю, я тут долго не задержусь.

– О! – произнес гуманоид словно бы довольным тоном. – Значит, и вы непоседа! Мимолетные встречи! Слышишь шорох один миг – и вновь тишина.

– Очень поэтично, – сказал Шеридан. – И очень точно.

– Впрочем, – продолжал гуманоид, – я прилетаю сюда довольно часто. Я полюбил эту планету. Чудесное место для еды под открытым небом. Такой покой, такая простота и неспешность! Никакой суеты, и люди такие непосредственные, хотя несколько грязноватые и очень, очень глупые. Но мое сердце открылось им за их безыскусственность, близость к почве, светлый взгляд на жизнь и непритязательный образ этой жизни.

Он умолк и взглянул на Шеридана.

– Вы так не считаете, мой друг?

– Считаю, конечно считаю, – согласился Шеридан с излишней торопливостью.

– В Галактике, – сказал гуманоид печально, – так мало мест, где можно побыть одному в приятном уединении. О, одному не в буквальном, не в физическом смысле. Я имею в виду ощущение простора, когда тебя не теснит со всех сторон слепая жажда преуспеть, не душит напор других личностей. Бесспорно, есть пустынные планеты – пустынные лишь в силу их непригодности для жизни. Такие мы должны сбросить со счетов.

Он изящно, даже жеманно съел кусочек чего-то. Но из изукрашенного кувшина отпил внушительный глоток.

– Дивный напиток! – Гуманоид протянул кувшин Шеридану. – Вы уверены, что не хотели бы рискнуть?

– Пожалуй, не стоит.

– Вполне разумно, – признал гуманоид. – Жизнь – это вещь, с которой не расстаются с бездумной легкостью.

Он отхлебнул еще, потом поставил кувшин между ног, нежно его поглаживая.

– Хотя, – сказал он, – я не стал бы ставить благо обладания жизнью превыше всего. Несомненно, в структуре бытия должны быть другие грани, дарящие не меньше...

Они приятно провели время до вечера.

Когда Шеридан вернулся к стрекозе, его собеседник, допив кувшин, блаженно растянулся в сильном подпитии среди остатков пикника.

4

Цепляясь за соломинку, Шеридан попытался определить место инопланетного любителя пикников в происходящем, но оно не определялось. Быть может, он действительно был тем, чем казался: порхающий дилетант, одержимый страстью к еде под открытым небом вдали от шумных толп, и большой любитель выпить.

С другой стороны, он знал туземный язык, сказал, что часто прилетает сюда, что само по себе было более чем странно. Имея в своем распоряжении всю Галактику, чтобы порхать, почему он пристрастился к Гарсону-IV, планете – во всяком случае, на человеческий взгляд – мало чем привлекательной?

И еще – как он сюда попал?

– Гедеон, – спросил Шеридан, – ты случайно не видел поблизости какого-либо транспортного средства, на котором наш приятель мог бы прибыть сюда?

Гедеон покачал головой.

– Я об этом как-то не подумал. Но уверен, что ничего подобного там не было. Не то я бы обязательно заметил.

– Вам не пришло в голову, сэр, – осведомился Езекия, – что он мог овладеть искусством телепортации? Это ведь возможно. Ну, та раса на Пилико...

– Верно, – ответил Шеридан. – Но пиликояне телепортировались от силы на милю за один раз. Помнишь, как они выскакивали неизвестно откуда, будто кролики, перемахивающие одним прыжком милю, но так быстро, что не успеваешь их разглядеть? А этот тип должен перемахивать расстояния во много световых лет. Он спросил меня про язык, о котором я никогда не слышал. И заявил, что им широко пользуются по крайней мере в одном секторе Галактики.

– Вы напрасно тревожитесь, сэр, – заметил Езекия. – У нас есть заботы поважнее этого пикникующего инопланетянина.

– Ты прав, – ответил Шеридан. – Если мы не сбудем наш груз, мне каюк.

Но выкинуть из головы эту беседу под деревом он не сумел.

Перебирая в уме долгую праздную болтовню, он, к своему изумлению, убедился, что она была абсолютно пустопорожней. Гуманоид, насколько ему помнилось, совершенно ничего не сказал о себе. Разглагольствуя битых три часа, если не больше, он умудрился не сказать ровно ничего.

Когда вечером Наполеон принес ужин, он присел на корточки рядом со стулом Шеридана, аккуратно подобрав на колени белоснежный фартук.

– Положение скверное, так? – спросил он.

– Да, пожалуй.

– А что мы будем делать, Стив, если совсем ничего не продадим, если не выручим ни единого подарка?

– Наппи, – вздохнул Шеридан. – Я так стараюсь не думать об этом!

Но теперь он представил себе реакцию Торгового центра, если он вернется назад со всем миллиардным грузом. И даже еще более ярко он вообразил, что ему придется услышать, брось он груз тут.

Как ни крутись, а груз продать необходимо! А не то его карьере придет конец.

Да что его карьера! Речь идет обо всем человечестве!

Транквилизатор, получаемый из подарков, был действительно необходим, и срочно! Поиски такого средства начались века и века тому назад, и потребность в нем доказывалась тем фактом, что на протяжении этих веков поиски не прерывались никогда. Человеку что-то подобное было абсолютно необходимо, и необходимость эта возникла, едва он стал не просто животным.

И тут, на этой самой планете, имелось вещество, которое удовлетворило бы эту страшную потребность. Но доступ к нему перекрывало упрямство тупого, грязного, отсталого народца.

– Если бы только эта планета была нашей! – сказал он больше себе, чем Наполеону. – Если бы мы могли захватить ее, то получили бы столько подарков, сколько нужно. Мы превратили бы ее в одно огромное поле и выращивали бы подарков столько, сколько туземцам и не снилось!

– Но ведь мы не можем, – заметил Наполеон. – Это противозаконно.

– Да, Наппи, ты прав. Очень и очень противозаконно.

Ведь гарсониане обладали разумом, пусть и не слишком большим, но отвечающим определению, данному в законе.

А против разумных существ нельзя пустить в ход ничего, даже отдаленно пахивающего насилием. Даже купить или арендовать их земли было нельзя – согласно закону такая покупка рассматривалась бы как лишение их одного из прав, неотъемлемо принадлежащих любым инопланетным разумным существам.

Можно сотрудничать с ними, учить их – не только можно, но и похвально. Но гарсониане не желали ничему обучаться. Разрешалось наладить с ними обмен, но скрупулезно честный! А они отказывались от обмена!

– Не знаю, что нам делать, – сказал Шеридан. – Как нам найти выход?

– У меня есть идея. Если бы мы приобщили туземцев к тонкостям игры в кости, то могли бы все-таки чего-нибудь добиться. Мы, роботы, как вам известно, в ней преуспели.

Шеридан поперхнулся кофе и осторожно поставил чашку на стол.

– При обычных обстоятельствах, – ответил он Наполеону, – я не одобрил бы такой тактики. Но в подобном положении... Почему бы тебе не сговориться с кем-нибудь из ребят и не попробовать?

– С радостью, Стив.

– И... э... Наппи.

– Что, Стив?

– Ты, конечно, подберешь самых умелых игроков?

– А как же, – ответил Наполеон, выпрямляясь и разглаживая фартук.

Исус и Фаддей отправились со своей группой в дальнюю деревню, не включенную в их первоначальную программу, где они появились в первый раз, и дали представление.

Оно имело исключительный успех. Туземцы катались по земле, прижимали руки к животу от хохота. Они стонали, охали, утирали слезы. Хлопали друг друга по спине, упиваясь шутками. Ничего подобного они в жизни не видели. На Гарсоне-IV не было ничего, хотя бы отдаленно сравнимого.

И пока они пребывали в эйфории, в точный психологический момент, когда они должны были забыть упрямство и враждебность, Исус предложил им купить товары по дешевке.

Смех оборвался. Веселость исчезла. Зрители просто стояли и молча смотрели на него.

Труппа собрала реквизит и уныло отправилась восвояси.

Шеридан сидел в палатке, мрачно размышляя о будущем. В лагере царила могильная тишина. Ни болтовни, ни пения, ни взрывов смеха. Ни даже шагов.

– Шесть недель, – с тоской сказал Шеридан Езекии. – Шесть недель, и ничего не продано. Мы сделали все, что могли, – и ничегошеньки! – Он стукнул кулаком по столу. – Если бы мы добрались до причины! Они заглядываются на наши товары – и отказываются покупать. Что за этим кроется, Езекия? Попытайся отгадать.

– Бесплезно, сэр. – Езекия покачал головой. – Я в полном тупике. Как и все мы.

– В Центре из меня фарш сделают, – объявил Шеридан. – Распнут на стене в жуткое назидание на десять тысяч лет вперед! Бесспорно, и прежде случались неудачи. Но чтоб такая!

– Конечно, не мне это предлагать, сэр, – сказал Езекия, – но мы могли бы смыться. Вот и выход. Ребята согласятся. Теоретически они преданы Центру, но, если копнуть, преданы они вам. Мы могли бы забрать груз для начала, и у нас будет такая фора...

– Нет! – твердо сказал Шеридан. – Попытаемся еще и, может быть, найдем выход из положения. Ну а не найдем, буду держать ответ как положено. – Он почесал подбородок. – И ведь команде Наппи, возможно, улыбнется удача. Бред, конечно, но случались вещи и пострашее.

Наполеон и его приятели вернулись в угнетенном настроении.

– Они нас раздели, – сообщил повар Шеридану потрясенным голосом. – У них это просто в природе. Но когда мы хотели расплатиться, они от всего отказались.

– Попробуем собрать их и поговорить по душам, – сказал Шеридан. – Хотя вряд ли будет толк. Как по-твоему, Наполеон, если бы мы им прямо рассказали, в каком мы жутком положении, они бы не пошли нам навстречу?

– Не думаю, – сказал Наполеон.

– Будь у них правительство, – заметил Эбенезер, один из игроков Наполеона, – может, что-нибудь и получилось бы. Вы бы говорили с представителем всего населения. А так придется беседовать в каждой деревне. Тут никакого времени не хватит!

– Ничего не поделаешь, Эб, – ответил Шеридан. – Ничего другого нам не остается.

Но тут как раз начался сбор подарков. Туземцы трудились на полях с невероятным усердием: выкапывали клубни, раскладывали их сушить, погружали в тележки и на себе везли к амбарам – тягловых животных на Гарсоне-IV не было.

Они выкапывали клубни и свозили их к амбарам, тем самым амбарам, в которых, согласно их клятвенным заверениям, никаких подарков не было.

Они не открывали больших дверей, как им, казалось, следовало бы сделать, а пользовались дверкой, прорезанной в одной створке. И стоило кому-нибудь из земной команды появиться поблизости, как они расставляли охрану вокруг всей площади.

– Лучше к ним не соваться, – посоветовал Авраам. – Если попробуем на них надавить, неприятностей не оберешься.

А потому роботы собрались в лагере, дожидаясь окончания уборки. Наконец она завершилась, но Шеридан решил выждать еще несколько дней, чтобы гарсониане успели войти в обычную колею.

Затем они вновь отправились в свои деревни, и на этот раз Шеридан пристроился на платформе с Авраамом и Гедеоном.

Первая деревня на их пути мирно дремала в лучах солнца. Нигде не было видно ни единого ее обитателя.

Авраам посадил платформу на площади, и троица сошла с нее.

Площадь была пуста, и все окутывала тишина – глубокая, могильная тишина.

У Шеридана по спине забегали мурашки – в этой безмолвной пустоте словно затаилась жуткая угроза.

– Может, они устроили на нас засаду? – предположил Гедеон.

– Не думаю, – возразил Авраам. – Народец этот очень мирный.

Они осторожно пересекли площадь и медленно пошли по улице.

Улица тоже была абсолютно безлюдна. И – совсем уже странно! – двери некоторых домиков были раскрыты настежь, а окна слепо шурились на пришельцев – занавески из пестрой грубой ткани исчезли.

– Может быть, – предположил Гедеон, – они отправились на праздник урожая или еще какое-нибудь ритуальное торжество?

– Они бы не оставили двери открытыми, – объявил Авраам. – Я прожил рядом с ними несколько недель и изучил их привычки. Они бы закрыли дверь очень тщательно и для надежности еще подергали бы.

– Но ветер...

– Ну нет, – возразил Авраам. – Тогда бы, может, открылась одна, а я отсюда вижу их четыре.

– Надо бы посмотреть, – сказал Шеридан. – Пожалуй, пойду я.

Он свернул в калитку и медленно пошел по дорожке к домику с открытой дверью. У порога он остановился и заглянул внутрь. Комната перед ним была пуста. Он вошел и заглянул в остальные комнаты. Они тоже оказались пустыми – в них не было не только хозяев, но и вообще ничего: ни мебели, ни утвари, ни хозяйственных мелочей – голые стены, пустые стойки, сиротливые крючки. Никакой одежды. Ничего. Дом стоял мертвый, выпотрошенный, жалкий, убогий, брошенный за ненадобностью.

Шеридану стало не по себе: «Что, если их прогнали мы? До того их допекли, что они скрылись, лишь бы не встречаться с нами».

Нет, это чушь, сказал он себе. За этим невероятным по сложности массовым исходом, несомненно, кроется иная причина.

Он вернулся на улицу. Авраам и Гедеон побывали в других домах, тоже пустых.

– Возможно, только в этой деревне так, – предположил Гедеон. – А в остальных ничего не произошло.

Но Гедеон ошибся.

Вернувшись на платформу, они связались с лагерем.

– Не понимаю, – заявил Езекия. – Четыре другие бригады сообщили о том же самом. Я как раз собирался радировать вам, сэр.

– Разошли все платформы, какие есть, – распорядился Шеридан. – Пусть проверят все окрестные деревни. И пусть выглядывают людей. Они могут оказаться где-нибудь в полях. Празднуют окончание уборки урожая.

– Если они ушли на праздник, сэр, то зачем забрали с собой все свое имущество? Когда вы отправляетесь на праздник, то мебель оставляете дома.

– Я знаю, – ответил Шеридан. – Ты уловил самую суть. Так разошли ребят.

– А может быть, – предположил Гедеон, – у них в обычае обмениваться деревнями? Скажем, племенной закон требует, чтобы они через какой-то срок строили новую деревню. Отголосок древнего гигиенического правила, гласившего, что стойбище после определенного времени надо переносить в другое место.

– Пожалуй, – устало сказал Шеридан. – Подождем – увидим.

Авраам махнул кулаком в сторону амбара.

Шеридан поколебался и решил забыть про осторожность.

– Пошли! – сказал он.

Гедеон поднялся по пандусу к дверям и ухватил доску, прибитую поперек ее. Он рванул, раздался отчаянный скрип выворачиваемых гвоздей, и доска осталась у него в руках. Он оторвал вторую, третью, а потом навалился плечом, и одна створка открылась.

Внутри в смутной мгле тускло поблескивала металлическая масса – на земляном полу стояла огромная машина.

Шеридана оледенил ужас.

Не может быть, подумал он. Откуда тут взялась машина?

Какие машины у гарсониян! Их культура была абсолютно доиндустриальной. Их достижения исчерпывались мотыгой и колесом, причем они еще не додумались объединить колесо и мотыгу, чтобы сотворить плуг.

Когда вторая экспедиция улетела отсюда пятнадцать лет назад, машин у них не было, а за такой срок создать их они никак не могли. Да сам он за время, проведенное на планете, не заметил, чтобы они продвинулись в этом направлении хотя бы на дюйм.

И все же в амбаре стояла машина.

Вертикальный, порядочных размеров цилиндр с дверцей сбоку. Вверху он завершался куполообразным закруглением. Если бы не дверца, он выглядел бы как сильно увеличенная разрывная пуля.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. Кто-то побывал тут в промежутке между отлетом второй экспедиции и прибытием третьей.

– Гедеон! – сказал он.

– Что, Стив?

– Смотайся в лагерь за инструментарием. Скажи Езекии, чтобы он доставил сюда мою палатку и все прочее как можно скорее. Отзови ребят с разведки. Нам предстоит работа.

Кто-то побывал тут, подумал он. Бесспорно! Изысканно любезный гуманоид, который сидел под деревом перед уставленной закусками скатертью, попивал из кувшина и болтал без умолку битых три часа, так ничего и не сказав.

5

Посланец Торгового центра посадил свой кораблик у края деревенской площади неподалеку от палатки Шеридана. Он откинул колпак обозрения и вылез наружу. Минуту постоял, сверкая на солнце и поправляя на металлической груди табличку с надписью «спецкурьер», которая утратила строгую горизонтальность. Затем неторопливо направился к амбару и спросил у Шеридана, сидящего на пандусе:

– Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, оглядывая его. Великолепное изделие!

– Я с трудом разыскал вас. Ваш лагерь, видимо, брошен.

– У нас возникли определенные трудности, – спокойно сказал Шеридан.

– Надеюсь, не слишком серьезные. Я вижу, ваш груз не тронут.

– Скажем так: скучать нам не приходилось.

– Так-так, – сказал робот, обескураженный тем, что более внятного объяснения не последовало. – Мое имя – Товий, и у меня есть для вас сообщение.

– Слушаю.

Этих управленческих роботов полезно иногда осаживать, решил Шеридан.

– Устное сообщение. Могу вас заверить, что я получил исчерпывающие инструкции и готов ответить на любой ваш вопрос.

– Очень хорошо, – сказал Шеридан. – Начнем с сообщения.

– Торговый центр ставит вас в известность, что фирма, именующая себя «Галактической компанией», предложила поставлять ему препарат калентроподенсия в неограниченном количестве. Нам хотелось бы узнать, не можете ли вы пролить свет на это дело.

– «Галактическая компания»? – повторил Шеридан. – Никогда о ней не слышал.

– Как и Торговый центр. Не скрою от вас, мы выведены из равновесия.

– Могу себе представить.

Товий расправил плечи.

– Мне поручено указать вам, что вас командировали на Гарсон-IV для приобретения большой партии подарков, из которых изготавливается указанный препарат, и что это задание ввиду предварительной подготовки, ранее проведенной на указанной планете, не должно было встретиться при выполнении каких-либо значительных затруднений, и...

– Потихе, потихе, – перебил Шеридан, – не надо так волноваться. Чтобы тебя не грызла совесть, будем считать, что я дослушал до конца разнос, который тебе поручено мне устроить.

– Но вы...

– Видимо, – сказал Шеридан, – «Галактическая компания» запросила хорошую цену за свой препарат?

– Чистейший грабеж! Торговый центр прислал меня узнать...

– Доставлю ли я большую партию подарков. В данный момент мне ответить нечего.

– Но я обязан вернуться и доложить!

– Не сейчас. Я смогу дать тебе отчет не раньше чем через несколько дней. Так что придется подождать.

– Но мои инструкции...

– Дело твое! – резко сказал Шеридан. – Хочешь – жди или возвращайся без моего отчета.

Мне плевать.

Он встал с пандуса и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, наконец удалось снять колпак с большой машины. Они положили его на пол так, чтобы можно было увидеть его внутренность.

– Стив, – сказал Авраам с горечью, – посмотрите-ка!

Шеридан посмотрел. Внутри все было сплавлено воедино.

– Тут находились какие-то механизмы, – сказал Гедеон, – но их уничтожили.

Шеридан почесал в затылке.

– Нарочно? Релейная защита?

Авраам кивнул.

– По-видимому, они тут все закончили. Наверное, не будь здесь нас, они бы забрали эту машину и все остальное с собой, каково бы ни было их назначение. Но рискнуть, что хоть одна попадет к нам в руки, они не могли, а потому нажали на кнопку или еще что-нибудь сделали – и от рабочих механизмов не осталось ничего.

– Но ведь таких машин тут много. Думается, в каждом амбаре стоит одна.

– И с ними, наверное, то же, – сказал Лемуил, поднимаясь с колен и отворачиваясь от колпака.

– И что это, по-вашему? – спросил Шеридан.

– Перебросчик материи, телепередатчик, называйте как хотите, – ответил Авраам. – Вывод, естественно, подсказан не машиной, а сопутствующими обстоятельствами. Поглядите! В амбаре нет ни единого подарка. Значит, весь урожай куда-то переправлен. Этот ваш приятель, поклонник пикников...

– Они себя именуют «Галактической компанией», – сказал Шеридан. – Только что прибыл курьер. По его словам, они предложили Торговому центру партию препарата, изготавливаемого из подарков.

– И теперь Торговый центр, – заключил Авраам, – попав в тяжелое положение, финансово взятый за горло, свалит все на нас, потому что мы остались без подарков.

– Не сомневаюсь, – ответил Шеридан. – Теперь все зависит от того, сумеем ли мы отыскать наших друзей-туземцев.

– Это вряд ли удастся, – сказал Гедеон. – Наша разведка установила, что все деревни пусты на всей планете. А не могли они покинуть ее с помощью этих машин, как по-вашему? Если они перебрасывают подарки, то могут перебрасывать и людей.

– Словом, все, – неловко пошутил Лемуил, – что начинается на «п» или на «л».

– Нельзя ли установить принцип их действия? – спросил Шеридан. – Центру бы это очень пригодилось.

– Не берусь сказать, Стив. – Авраам покачал головой. – По закону вероятности среди машин на этой планете – а их столько, сколько амбаров, – может, одна и уцелела. Шанс есть.

– Но и найди мы такую, – возразил Гедеон, – куда больше шансов, что она самоуничтожится, едва мы к ней прикоснемся.

– А если мы не отыщем неповрежденной?

– Одна возможность есть, – объявил Лемуил. – Несомненно, степень их разрушения должна различаться. И разрушаться идентично они тоже не могли. Значит, исследовав, скажем, тысячу, можно будет получить достаточное представление о том, как был оборудован цилиндр.

– Ну а предположим, мы сумеем это установить?

– Трудно сказать, Стив, – ответил Авраам. – Даже найди мы функционирующий аппарат, я, честно, не знаю, сумели бы мы установить принцип его действия настолько, чтобы создать свой аппарат. Не забывайте, что человечество ни о чем подобном понятия не имеет.

Шеридан прекрасно понимал, какая горькая истина кроется за словами робота. Если теоретическая основа не разработана, никакие наблюдения за работой неизвестного аппарата или даже его подробные чертежи ничем не помогут. А в их распоряжении было даже меньше того, что дали бы чертежи или хотя бы работающая модель.

– Они использовали эти машины, – сказал Шеридан, – чтобы перебросить подарки, а возможно, и людей. Если так, то люди пошли на это добровольно. Будь применено насилие, мы бы об этом узнали. Ав, ты мне не объяснишь, почему люди согласились на переброску?

– Не по моей части, – ответил Авраам. – У меня в мозгу сменник физика. Вставь мне социолога, и я займусь этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и все обернулись к двери. По пандусу поднимался Эбенезер, держа на руках бессильно обвисшее тельце.

– Туземец! – ахнул Гедеон.

Эбенезер опустился на колени и бережно положил маленького туземца на пол.

– Нашел его в поле. Лежал в канаве. Боюсь, ему конец.

Шеридан нагнулся над туземцем. Это был старик – таких стариков он видел в деревнях тысячи. Та же старая задубелая кожа и морщины, оставленные ветром и непогодой, те же мохнатые брови над провалившимися глазами, те же клочковатые усы, то же ощущение забытой беззаботности и угрюмого упрямства.

– Его бросили, – сказал Эбенезер. – Все покинули планету, а его оставили. Наверное, ему стало дурно и он упал в канаву...

– Принеси мою фляжку, – распорядился Шеридан. – Она висит у двери.

Старик открыл глаза и обвел взглядом кольцо наклонившихся над ним лиц. Он провел рукой по лбу, оставляя полосы грязи.

– Я упал, – пробормотал он. – Помню, как я падал. Я упал в канаву.

– Вот вода, Стив, – сказал Авраам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прислонил его к своей груди и прижал горлышко к его губам. Туземец пил с трудом, захлебывался. Вода стекала по его усам на живот.

Шеридан отвел фляжку.

– Благодарю тебя, – сказал старик, и Шеридану пришло в голову, что это первая вежливая фраза, которую он услышал от обитателей планеты.

Старик снова потер лицо грязной лапкой.

– Люди все ушли?

– Все.

– А я опоздал, – сказал старик. – Я бы успел, если бы не упал. Может, они меня искали... – Его голос замер.

– С вашего разрешения, сэр, – сказал Езекия, – я схожу за сменником врача.

– Да, пожалуй, – ответил Шеридан. – Хотя, думается, толку будет чуть. Он столько дней пролежал в этой канаве. Чудо, что он еще жив.

– Стив, – вполголоса сказал Гедеон, – врач-человек не способен лечить инопланетян. Со временем – если это время у нас будет – мы кое-что узнаем об этом старце, об особенностях его организма и обмена веществ. Вот тогда мы попробуем его подлечить.

Шеридан пожал плечами.

– Ну так обойдемся без сменника, Езекия.

Он опустил старика на пол, поднялся с колен, но тут же сел на корточки, слегка раскачиваясь.

– Не ответишь ли ты на один вопрос? – обратился он к туземцу. – Куда ушли твои люди?

– Туда! – ответил туземец и с трудом приподнял слабую руку, указывая на машину. – Туда. А потом исчезли, как раньше собранный урожай.

Шеридан так и остался сидеть на корточках рядом с умирающим туземцем.

Рубен принес охапку травы и подложил ее под голову старика вместо подушки.

Так, значит, гарсонiane и правда покинули планету, сказал себе Шеридан. Собрались и ушли в машину, которая предназначалась для переброски подарков. А если «Галактическая компания» располагает такими машинами, то они – кем бы они ни были – имеют перед Торговым центром огромное преимущество. Как могут конкурировать с такой техникой громоздкие грузовые прицепы, ползущие по космосу немногим быстрее скорости света?

Ему припомнилось, как в день их высадки на планету он подумал, что небольшая толика конкуренции очень пошла бы Торговому центру на пользу. И вот пожалуйста – конкуренция, причем конкуренция без намека на этику. Конкуренты украдкой, за спиной Торгового центра, перехватили рынок, который жизненно важен для Центра и которым Центр давно бы заручился, если бы не валял дурака, не тянул бы время, цинично решив обойтись без туземцев и выращивать подарки на Земле.

Интересно, где и как «Галактическая компания» пронюхала о подарках и о значении получаемого из них препарата? Каким образом они там узнали, сколько времени в их распоряжении, чтобы манипулировать рынком подарков без вмешательства Центра? Но затем из-за самонадеянности попали в положение, когда им пришлось уничтожить все свои чудесные машины на планете.

Шеридан усмехнулся при мысли, как они себя при этом чувствовали.

Впрочем, нетрудно было вообразить сотни, а то и тысячи способов, с помощью которых компания могла проведать про подарки.

С такими обаятельными, такими обезоруживающе безобидными представителями! Его не удивило бы, если бы выяснилось, что они внедрились своих людей в Торговый центр.

Туземец пошевелился, протянул исхудалую руку и дернул Шеридана за рукав.

– Чего ты хочешь, друг?

– Ты посидишь со мной? – умоляюще спросил старик. – Эти там не такие, как ты и я.

– Я посижу с тобой, – сказал Шеридан.

– А нам, по-моему, лучше уйти, – заметил Гедеон. – Возможно, мы его пугаем.

Шеридан положил ладонь на лоб старика. Он был холодным и липким.

– Старый друг, – сказал Шеридан. – Мне кажется, ты мне кое-чем обязан.

Старик отрицательно задвигал головой. В глазах у него появилось упрямство с примесью хитрости.

– Мы вам ничем не обязаны. Тем, другим, – да.

Шеридан, разумеется, подразумевал совсем не это. Но слова были произнесены – слова, таившие в себе ключ к загадке, которой стала для Шеридана планета Гарсон-IV.

– Так вот почему вы отказывались торговать с нами! – пробормотал Шеридан, обращаясь не столько к старику, сколько к самому себе. – Вы так запутались в долгах, что вам потребовались все подарки, чтобы расплатиться с этими людьми?

Ну конечно же так! Теперь он видел, что это было единственно логичным объяснением всего, с чем им пришлось столкнуться. Поведение туземцев, почти отчаянный отказ что-либо покупать – именно этого следовало ожидать от людей, по уши сидящих в долгах.

И вот почему они не заботились о своих домах и ходили чуть не в лохмотьях. Вот объяснение, из-за чего веселая беззаботность исчезла, вот откуда унылый, подавленный вид. Издерганные, затравленные, терзаемые страхом, что им не удастся уплатить долг вовремя, они истощили все свои ресурсы и надрывались в полях, выжимая из почвы все подарки, какие они могли произвести.

– Дело в этом? – спросил он. – Так оно было?

Туземец неохотно кивнул.

– Они явились и предложили вам такую выгодную сделку, что вы не смогли отказаться? Возможно, машины? Машины, чтобы вы могли переноситься в другие места?

Старик покачал головой:

– Нет, не машины. В машины мы складывали подарки, и подарки исчезали. Так мы платили.

– Платили все эти годы?

– Да, – ответил туземец и добавил с проблеском гордости: – Но мы расплатились сполна.

– Замечательно, – сказал Шеридан. – Разделаться с долгом всегда приятно.

– Они простили последние три года, сказали, что выплачено столько, сколько требуется, – сказал старик, чуть оживившись. – Очень щедро с их стороны, правда?

– Очень, – ответил Шеридан не без горечи.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к легкому шелесту ветра под крышей и хриплому дыханию умирающего туземца.

– А потом твои люди воспользовались машинами и ушли. Ты не можешь объяснить, почему они так поступили?

Старика сотряс пароксизм судорожного кашля, он задыхался.

Шеридана охватил стыд. «Я должен бы дать ему умереть спокойно, – подумал он. – Не приставать к нему. Не теребить, не допрашивать его, когда он вот-вот испустит последний вздох, не отнимать у него возможности уйти в небытие с достоинством!»

Но оставался последний ответ, и получить его Шеридану было необходимо. Он сказал ласково:

– Мой друг, объясни мне, какую сделку вы заключили? Что вы приобрели?

Но слышит ли его старик? Он словно впал в забытие.

– Что вы купили? – не отступал Шеридан.

– Планету, – сказал туземец.

– Но у вас же была планета!

– Та совсем другая, – слабым шепотом произнес старик. – Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда-никогда не умрет.

Шеридан замер, онемев от неожиданности и гнева.

И из тишины донесся шепот – шепот, все еще полный непоколебимой веры, полный тоски, шепот, который будет преследовать человека всю жизнь.

– Вот что я потерял, – прошелестел шепот. – Вот что я потерял...

Шеридан развел руки, а потом стиснул в них изящную шею, стирая обаятельную улыбку, обрывая культурное словоизлияние.

«Был бы он здесь сейчас! – думал он. – Был бы он здесь!»

Он вспомнил расстеленную скатерть, изукрашенный кувшин, аппетитные закуски, гладкую вкрадчивую речь гуманоида, его самоуверенность. И как он рассчитанно напился, чтобы встреча обошлась без неприятных вопросов и не возбудила лишних подозрений.

И надменность, с какой он осведомился, не говорит ли человек по-балликски, хотя сам-то, почти наверно, успел выучить английский.

Итак, у Торгового центра появился-таки конкурент. С этой минуты Центр прижат к стене, и ему предстоит тяжелый бой. Ведь типчики из «Галактической компании» предпочитают бить ниже пояса и наповал.

Гарсониане, конечно, были наивными дурачками, но, вероятно, «Галактическая компания» способна обработать и не таких. Естественно, у нее есть разная наживка для разной рыбы, но извечная несбыточная мечта о бессмертии, если сервировать ее должным образом, может оказаться смертельным соблазном для самых искушенных личностей.

Полное отсутствие этики и машины для переброски материи – два крупнейших козыря в распоряжении «Галактической компании».

А что, подумал он, произошло с обитателями этой планеты? Куда они в действительности попали, когда последовали за подарками в машины?

Может быть, типчики из «Галактической компании» нашли, куда сбыть несколько миллионов рабов?

Или они просто решили разделаться с гарсонианами, чтобы лишиться Торговый центр источника подарков, обеспечив себе все условия для выгодного сбыта транквилизатора?

Или они выманили гарсониан с планеты, чтобы забрать ее себе?

Но в этом случае – а возможно, и в любом случае – «Галактическая компания» споткнулась на первом же шагу. Пожалуй, сказал себе Шеридан, не такие уж они ловкие пройдохи.

«Они подарили нам как раз то, что нас устроит больше всего! – сказал он себе с довольной улыбкой. – Они оказали нам большую услугу!»

Неповоротливый, надутый важностью Торговый центр победил в первом раунде, несмотря ни на что.

Он встал и пошел к двери, но вдруг остановился и обернулся к туземцу.

– Возможно, друг, – сказал он, – тебе выпал счастливый жребий.

Старик его не услышал.

– Как он? – спросил Гедеон, ожидавший у двери.

– Умер, – ответил Шеридан. – Ты не займешься похоронами?

– Само собой, – сказал Гедеон. – Дадите мне материалы об их обычаях? Надо установить, какие у них погребальные обряды.

– Но прежде сделай кое-что для меня.

– Только скажите, Стив.

– Знаешь Товия, курьера Торгового центра? Отыщи его и присмотри, чтобы он не улетел.

– Можете быть спокойны! – Гедеон ухмыльнулся.

– Спасибо, – отозвался Шеридан.

По пути к своей палатке он прошел мимо кораблика курьера. Скоростная машина! Только приборная доска и кресло, присобаченные к мощнейшему двигателю.

На таком космолете можно ставить рекорды, подумал он.

У самой палатки он встретил Езекию.

– Пойдем со мной, – сказал он. – У меня есть для тебя задание.

В палатке он опустился в кресло и взял лист бумаги.

– Езекия! – приказал он. – Поройся в инструментарии и отыщи самый лучший сменник-дипломат, какой только у нас есть.

– Я знаю, где он лежит, сэр, – ответил Езекия, перебирая ящички.

Он достал искомый сменник и положил на стол.

– Езекия, – сказал Шеридан, – слушай меня внимательно. Запомни все до единого слова.

– Сэр, – обиженно проворчал Езекия, – я всегда слушаю внимательно.

– Знаю, знаю. Я тебе верю и полагаюсь на тебя абсолютно. Вот почему я отправляю тебя в Центр.

– В Центр, сэр? Да вы шутите! Как же я полечу, сэр? А кто будет обслуживать вас? Кто будет следить, чтобы вы...

– Как-нибудь продержусь. Ты же вернешься. И у меня остается Наполеон.

– Но я не хочу лететь, сэр!

– Езекия, мне нужен кто-то, кому я доверяю. Вставим тебе сменник и...

– Но на полет же недели уйдут, сэр!

– Нет, если ты воспользуешься корабликом курьера. Отправишься вместо него. Я напишу тебе доверенность, чтобы ты мог выступать от моего имени. Я как бы сам буду присутствовать.

– Но есть же Авраам. И Гедеон. Да пошлите любого другого.

– Кроме тебя, некого, Езекия. Ты мой самый старый друг.

– Сэр, – сказал Езекия, вытягиваясь в струнку, – что я должен буду делать?

– Ты доложишь Центру, что Гарсон-IV теперь необитаем. Ты скажешь, что ввиду этого обстоятельства я вступаю во владение планетой от имени Торгового центра. Ты скажешь им, что мне потребуется подкрепление, и немедленно, так как не исключено, что «Галактическая компания» попытается отобрать ее у нас. Пусть пришлют прицеп, нагруженный роботами для обороны и колонизации. И еще прицеп с сельскохозяйственными машинами и орудиями, чтобы мы могли немедленно приступить к обработке полей. И все подарки, какие им удастся наскрести. И, Езекия, еще одно...

– Слушаю, сэр.

– Эти роботы. Пусть перед погрузкой их деактивируют и разберут. Так их в прицеп больше поместится. А мы соберем их тут.

– Скажу, сэр, – ответил Езекия с содроганием.

– Мне очень жаль, Езекия, но сказать ты должен.

– Ничего, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

– Скажи Центру, что со временем мы превратим всю планету в одну огромную плантацию подарков. Но им не следует терять ни минуты. Никаких комиссий, никаких заседаний правления, никакого хождения вокруг да около. Наступай им на хвост с утра и до вечера.

– Я не дам им ни минуты покоя, сэр, – заверил его Езекия.

6

Курьерский кораблик скрылся вдали. Как Шеридан ни напрягал зрение, он его уже не видел.

«Старина Езекия свою задачу выполнит, – думал он. – Центр и через месяц не оправится от его натиска».

Он наклонил голову и потер занывшую шею, а потом обернулся к Гедеону и Эбenezеру.

– Можете слезть с него!

Они, ухмыляясь, поднялись с распростертого на земле Товия. Тот вскочил вне себя от ярости.

– Вам это так не пройдет! – заявил он Шеридану.

– Я знаю, ты мне готов печенку выгрызть, – ответил Шеридан.

– Что дальше? – спросил Авраам, подходя к ним.

– Ну, – ответил Шеридан, – думаю, мы станем сборщиками урожая.

– Сборщиками?

– Туземцы наверняка выкопали не все подарки. А нам необходимо найти хоть сколько-нибудь, чтобы высадить на семена.

– Но мы же все физики, инженеры, химики и тому подобное. Не потребуете же вы, чтобы такие высококвалифицированные специалисты...

– Это дело поправимое, – ответил Шеридан. – Думается, сменники космовиков никуда не делись. Они сойдут, пока Центр не пришлет сельскохозяйственного набора.

Товий выступил вперед и встал рядом с Авраамом.

– Раз уж я должен оставаться тут, то требую, чтобы меня использовали! Не в натуре работа бездельничать...

Шеридан похлопал себя по карманам и нащупал твердую выпуклость – сменник, который он извлек из Езекии.

– Думается, – сказал он Товию, – у меня для тебя есть именно то, что требуется.

У меня нет головы, мои глаза висят в воздухе *Перевод Г. Корчагина*

Его звали Чарли Тьерни, но у него больше нет имени. Он был человеком, но и это уже дело прошлое.

Теперь он нечто иное, сшитое на живую нитку. Теперь у него ни головы, ни рук, и глаза на стебельках покачиваются над пробуждающимся туловищем.

Будучи Чарли Тьерни, он имел только две заслуживающие упоминания черты: алчность и нелюдность. Алчен был без преувеличения патологически – каждый его поступок отравлен этим ядом. Нелюдим – и в детстве, и в зрелости. Но все свои одинокие годы он провел в космосе, не имея ни малейшего шанса открыть, что его корыстность – врожденная болезнь.

А сейчас он одинок, как никогда прежде... но совсем не алчен. Алчность – человеческое качество, а он более не человек. Но одиночество никуда не делось, ведь другого такого, как он, не сыщется во Вселенной.

Тьерни сидит, поглощая солнечный свет, и вспоминает.

Я победил!

Сколько лет я прозябал, сколько лет глотал звездную пыль, сколько лет согревал себя надеждой – и вот наконец я здесь, на моей собственной планете, спускаюсь с холма. Да, планета – моя, весть о ее открытии уже летит в эфире, осталось только оформить заявку. Овчинка стоит выделки: это не бросовый метановый или углекислотный мир, здешний воздух – не кисель, им можно дышать. И есть где разгуляться. Тут и горы, и равнины, и растительность, и чистые реки, и не слишком обширный океан. А самое главное – в избытке рабочая сила: не обремененные интеллектом туземцы при надлежащем руководстве обустраивают этот мир для меня. Конечно, придется повозиться, но я сумею запрячь их в хомут – миндальничать уж точно не стану.

Похоже, я малость нетрезв. Ну так и неудивительно. Пока общался на вершине холма с тупыми дикарями, вылакал столько местного пойла, что впору бы вырубиться. Но слишком уж много было на моем веку грязных кабаков на космических стоянках, слишком много алкогольных – и не только алкогольных – интоксикаций, чтобы сейчас свалиться от какой-то сомнительной бурды. Когда возвращаешься из долгого и многотрудного поиска с пустыми руками и застарелой головной болью, будешь хлестать все без разбору, лишь бы забыться. А мне того, что нужно забыть, всегда хватало с лихвой.

Но все мои беды миновали. Очень скоро я буду купаться в деньгах. Главный приз – эти туземцы. И ведь с них нисколько не убудет, они даже не заметят перемен. Они для того и появились на свет, чтобы вкалывать на дядю Чарли. Глядишь, им даже понравятся новые порядки.

Сколько понадобилось терпения, сколько ушло времени на изучение этих тупиц – я в жизни так не корпел, – но теперь их натура разгадана, и я убежден, что смогу держать их в повиновении. У них имеется культура, если это можно так назвать. Наличествует и какой-никакой умишко – прикажешь пойти туда-то и сделать то-то, туземец пойдет и сделает. Пока я разбирался с этими олухами, они поверили, что лучшего друга у них еще не бывало и для такого славного парня надобно расстараться. Они сами зазвали меня в гости. Принесли на холм еду, которая не лезла мне в глотку, и питье, которое шло чуток полегче. И у нас была застольная беседа – дружеская, солидная и обстоятельная.

Теперь эти дурачки у меня в кулаке.

Ох и дикий же видок у них! Впрочем, где найти инопланетянина, который бы выглядел не дико?

У здешних средний рост примерно четыре фута, и есть в них что-то от омаров. Должно быть, тут эволюционировали ракообразные, как на Земле – приматы. Конечно, туземцы далеко ушли в развитии от панцероносного предка, но все же сходство бросается в глаза. Живут они в норах, и куда ни пойдешь, обязательно встретишь деревню – большое скопление этих нор. Ну, мне это только на руку – чтобы выжать из планеты все соки, нужно иметь вдоволь рабочей силы. Ввозить трудяг или машины – дело заведомо убыточное.

И вот я спускаюсь с холма: ноги заплетаются, зато душа поет. Аккурат через долину ясно виден в лунном свете мой корабль. Утром взлечу – нужно оформить права на планету и встретиться кое с кем из знакомых дельцов, чтобы начать добычу ресурсов. Больше не придется мотаться по неизученному космосу, выпрашивать ссуду на очередную экспедицию, ютиться в ночлежках на крошечных планетарных аванпостах, глушить мозги дрянным пойлом и тешиться с неряшливыми шлюхами. Отныне для меня – только самое лучшее! Я сорвал куш, о котором мечтают все искатели планет! Я взлетел из грязи в князи! Ах, какой же это восторг – заполнить абсолютно девственную планету, битком набитую сокровищами и населенную наивными туземцами, готовыми вкалывать на меня!

Впереди каменная осыпь. Нужно было ее просто обогнуть, и будь я в ясном уме, наверняка бы так и поступил. Но я сильно захмелел от местного горячительного – и от счастья. Да и как не захмелеть, ведь мне несказанно повезло: то, за чем я охотился всю жизнь, наконец-то в моих руках!

Пожалуй, выиграю маленько времени, если двинусь по осыпи напрямик. Выглядит она неопасно. Это просто слой щебня – века назад от крутой скалы у вершины холма отвалился изрядный кусок и сполз, раздробившись на большие и малые камни. Они лежат себе и не выказывают намерения двигаться дальше; из крупных многие успели врасти в землю.

Помнится, сделав первые шаги, я подумал: все же нужна осторожность, а то, чего доброго, случится камнепад. Но повторюсь: осыпь выглядела вполне безобидно, да и соображалось мне неважнецки.

Переход давался потруднее, чем я ожидал. Но мало-помалу я продвигался, стараясь не сорваться и не сломать шею. Нужно было тщательно выбирать, куда поставить ногу, и это занятие не позволяло глазеть по сторонам.

Внезапно где-то выше по склону раздался скрежет. Я резко обернулся; из-под ступни вывернулся камень, я рухнул на колени и увидел, как прямоком на меня покатались глыбы – поначалу медленно, будто неохотно, но с каждым мигмом все решительнее и целеустремленнее, сталкиваясь и громоздясь друг на дружку. Я закричал от ужаса. Не помню, что выкрикивал – должно быть, просто вопил благим матом. Отбежать в сторону уже не успел бы, но попытался. Для этого необходимо было встать, и почти получилось, но тут опять из-под ноги выскочил обломок, и опять я упал. А каменики уже совсем близко, они набирают скорость, налетают на лежащих собратьев и высоко взмывают, и вся осыпь надо мной, потревоженная сорвавшимися глыбами, пришла в движение, как будто эти куски горной породы вдруг обрели жизнь.

За мгновение до того, как до меня добралась первая каменика, я увидел мельтешащие у вершины холма темные фигурки и подумал: «Чертовы омары!»

Не прекращая орать, я выпростал руки навстречу камнепаду в отчаянной и абсурдной попытке остановить его.

Камни обрушились на меня и убили. Растерзали плоть, размозжили кости. Проломили грудную клетку, раскололи череп. Кровавые брызги разлетелись и запятнали щебень. Лопнул мочевого пузырь, разорвались кишки.

Но похоже, уничтожен я был не целиком. Пребывая во мгле, я понимал, что погиб под камнепадом. И тем не менее что-то осталось от меня; кровавыми ногтями оно цеплялось за само это понимание.

Кажется, поначалу я даже не пытался угадать, что со мной происходит. Достаточно было того, что я существую. Во мраке, в пустоте, в небытии – я есть, я не мертв!

Но можно ли это назвать жизнью? Забыто все, что я знал.

Я начал с того, что осталось. С крохотного червячка сознания. Постарался успокоиться, но покой оказался недостижим. Непонятно, почему я волновался. Волновался бесцельно. Только потому, что хотел существовать, держаться за бытие разможенными пальцами. Неистово корчащийся червячок – слепой, ничего не понимающий...

Спустя некоторое время напряжение отчасти спало и я обрел способность размышлять. Причем это были не простые коротенькие мысли, а длинные и хитро закрученные; следовать им сквозь хаос деформированного сознания было куда труднее, чем держаться одними ногтями за существование. И что страшнее всего, я – или то жалкое, что от меня осталось, – еще даже не понимал, ответа на какой вопрос ищу столь мучительно.

На смену раздумьям пришло изумление – спокойное, жесткое, пугающее, оно расстелилось вдаль и вширь. Изумление спросило меня: а может, это загробная жизнь? Может, и впрямь душа бессмертна? И вот что происходит с ней, когда умирает тело? Человек надеется, что это не так. Страстно желает, чтобы этого не случилось. Отчаянно боится попасть в когти к вечной жизни, такой мрачной, пустой и холодной.

Я не искал ответа, не гадал, не строил версий; то жалкое, что от меня осталось, было заполнено одним лишь изумлением – безнадежным, бесполезным, не крепнувшим и не слабеющим, но простиравшимся незапятнанным полотном в самое вечность.

А потом изумление сошло на нет. Как и тьма. Вернулись свет и ясность рассудка. Я не только осознавал настоящее, но и помнил прошлое. Как будто кто-то, перекинув тумблер или нажав кнопку, включил меня.

Я был человеком (и мне известно, что такое человек), но больше им не являюсь. Не являюсь с того момента, когда невидимый оператор сдвинул рубильник. Понять этот факт несложно: у меня нет головы, мои глаза висят в воздухе, и это очень необычные глаза. Их взор не в одну сторону направлен, он охватывает все вокруг и ничего не упускает. Где-то между глазами и мной – слух, нюх и вкус, и еще множество способностей восприятия, которых прежде не было: теплоулавливание, магнитная индикация, обнаружение живых организмов.

Я обнаружил скопление организмов, довольно крупное и подвижное. Это были омары, и они разбегались по своим норам, точно напуганные кролики: миг – и я совершенно перестал их ощущать, они отгородились толщей земли от моих «органов чувств». Но зато я теперь воспринимал больше тысячи других форм жизни, причем самых разнообразных. И я знал: в глубине моего «мозга» все эти организмы – деревья и травы, насекомые (вернее, их местные эквиваленты), вирусы и бактерии каталогизированы самым дотошным образом, что позволяет без малейших усилий идентифицировать любое встреченное существо.

Я догадался, что мой «мозг» прячется где-то в «животе». Да и где же еще ему быть, если головы нет и в помине? Живот – не самое подходящее место для мозга... хотя это как посмотреть. В животе мозг защищен, а болтаясь в воздухе, он бы подвергнулся бесчисленным опасностям.

Итак, у меня отсутствует голова, а мозг находится в середине туловища, которое имеет овальную форму, наподобие яйца, и твердый покров. Есть и ноги, причем добрая сотня; правда, они мелкие, как у гусеницы. Очень скоро я выяснил, что глаза не сами по себе висят, а держатся на гибких стебельках, которые, если не ошибаюсь, называются сяжками. И эти сяжки – не просто подставки для глаз, но еще и уши, причем куда чувствительнее моих прежних, человеческих. А также органы обоняния, вкуса, теплоосязания, определения жизненных функций, магнитоулавливания и всего такого прочего, в чем я еще не разобрался. Жуть берет при мысли, сколько средств восприятия упаковано в эти сяжки. Впрочем, чего бояться? Рано или

поздно освою их все, и с таким богатым арсеналом попробуй поймай меня! Пожалуй, им даже стоит гордиться.

Я понял, что нахожусь на вершине холма – на той самой вершине, где кутил с омарами. А вот как давно кутил – не узнать. Осталась зола – они торжественно развели костер с помощью лучкового веретена, и я в этот процесс не вмешивался: ни к чему туземцам знать, что я могу поджечь хворост, крутанув пальцем колесико зажигалки. Помнится, мне даже удалось изобразить зависть: ловко же вы, ребята, управляетесь со своей снастью. Сейчас кострище выглядит старым, зола сплошь в ямках от дождевых капель.

А вот и мой корабль – сразу же за долиной. Вскоре после попойки я бы добрался до него и улетел. Оформил бы все необходимые документы, чтобы владеть планетой на платной основе. Как было бы здорово, не угоди я по дороге под камнепад и не утрати свою человечность... Забавно: пока ее не утратишь, тебе даже в голову не придет спросить себя, что есть человек.

Перестав им быть, я, похоже, малость струхнул. А может, и не малость – ко всем этим нечеловеческим способностям, которыми я обзавелся, еще надо было привыкнуть. Не без усилий я внушил себе, что по сути остался человеком – хотя, конечно же, это было стопроцентной ложью. И я с тоской глядел через долину на корабль. Вот доберусь до него, и он меня защитит...

От чего защитит? Я погиб, но я не мертв. Впору плясать от радости, но что-то мне совсем не весело.

Я увидел, как из норы высунул голову омар. Не только увидел, но и услышал, и определил его жизненные функции, и замерил температуру. И предположил, что смогу получить от него ответ на мучивший меня вопрос.

– Что происходит? – обратился к нему я. – Что со мной случилось?

– Ничего уже не исправить, – сказал он. – Прими наши искренние соболезнования. Но не волнуйся, с тобой теперь все в порядке. Мы очень-очень старались, но ты был так неудачно собран...

– Неудачно собран! – вскричал я и кинулся к омару, а он так шустро скрылся в подземном лабиринте, что весь мой чувственный инструментарий оказался бесполезен.

И тут на мое сознание обрушились два факта.

Я говорил с омаром, и он отвечал, и мы друг друга понимали, а ведь ночью у костра едва удалось наладить общение на уровне жестов и морфем. И если я правильно понял, меня «собрали» заново его сородичи – это благодаря стараниям омаров я стал вот таким. Безумие, бред, абсурд! Какие-то убогие раки – и такая архисложная работа?! Они же в норах ютятся, как наши сурки, и огонь добывают трением! Даже приличное пойло делать не наловчились! Чтобы орда таких примитивных существ умела возвращать покойников к жизни, да еще и создавать для них новые тела – в это просто невозможно поверить.

Но именно это и произошло. Никаких иных обладателей разума на планете нет.

А раз омарам удалось сделать меня гусеницей, то они, конечно же, способны вернуть мне прежний облик. Наверняка туземцы поднаторели в биоинженерии, научились выращивать культуры ткани и делать многое другое, о чем я не имею представления. Если догадка верна, я добьюсь, чтобы эти мелкие ползучие твари превратили меня в человека.

Но что, если это розыгрыш? Богом клянусь: коли выяснится, что так и есть, негодяи дорого заплатят! Вернусь в прежний облик – хвосты им всем оторву! Я ведь тоже шутки шутить умею.

Итак, меня откопали и воссоздали в другой форме. Наверняка очень мало осталось от моего тела после того, как по нему прокатилась каменная лавина. Должно быть, омары располагали только куском мозга и прирастить к нему все остальное было совсем не просто. Я им, конечно, премного обязан, но вот какая штука: что-то не ощущаю я особой благодарности. Они же мне создали кучу проблем! Пусть я по-прежнему чувствую себя человеком, пусть могу совершать свойственные человеку поступки, но выгляжу-то совершенно не по-человечески.

Нигде в Галактике человеком меня не признают. Разве что какой-нибудь интеллеktуал умозрительно допустит мою принадлежность к роду людскому, но большинство сочтет всего лишь забавным капризом природы.

Конечно, я не пропаду. Такая богатая планета никому бы не дала пропасть. С деньжищами, которые я из нее выкачаю, где угодно смогу устроиться, как в раю.

Я зря опасался, что путь до корабля будет нелегk. По камням мелкие лапки несли меня быстрее, чем раньше человеческие ноги. Даже просто по неровной земле я не хаживал так резво. Вопреки ожиданиям, не пришлось сосредотачиваться на том, чтобы ряды лапок работали слаженно – я словно с рождения не передвигался иначе как по-гусеничьи.

Глаза – это тоже нечто. Я видел все кругом, да еще и сверху. Оказывается, в бытность мою приматом я всегда будто в туннель смотрел, то есть был слеп больше чем наполовину. Имей я тогда такое вот объемное зрение, наверное, постоянно пребывал бы в дезориентации и растерянности.

Изменилось не только мое тело, но и сенсорная система. Множество сенсорных центров находилось в глазных стебельках; с некоторыми я уже разобрался, но о предназначении уймы прочих мог пока лишь догадываться, и некоторые из них сбивали меня с толку, поскольку воспринимали информацию, к которой человеческие чувства всегда были глухи. Многие из воспринимаемого было для меня в диковинку, иным вещам я даже названия не смог бы подобрать. При этом, что любопытно, ни одно из новообретенных чувств не перегружалось, – похоже, они работали самым естественным образом, давая целостную картину всего, что меня окружало. Я постоянно сознавал с потрясающей четкостью все происходящее в моей среде обитания.

И вот я добрался до корабля. Лестница не понадобилась, достаточно было принять вертикальное положение и вскарабкаться по гладкому металлическому борту; я это сделал, даже не успев задаться вопросом, справлюсь ли. Только теперь обнаружилось, что на гусеничьих подошвах имеются круглые присоски. Интересно, сколько еще благоприобретенных качеств я открою, только когда в них возникнет надобность?

На мое счастье, я не запер люк, покидая корабль, – решил, что не найдется на планете существа, способного проникнуть внутрь. Если бы запер, ключ лежал бы сейчас на склоне холма, погребенный под камнями. Достаточно нажать, и дверь люка откинется. Протягиваю руку...

...и ничего не происходит. Нет у меня рук!

И я в полнейшей оторопи замираю, повиснув на борту. Мне холодно. И мутит. Я лишился не только рук с ладонями и пальцами – лишился человеческого тела. Осознание случившегося – как жестокий удар в лицо... Так ведь и лица у меня нет.

От этой мысли съжились внутренности, костный мозг будто в воду превратился. По телу растекалась горечь, как при разливе желчи.

Я прильнул к металлической тверди, прижался к тому последнему, что еще имело какой-то смысл в моей жизни. Из ниоткуда налетел студень ветер, оведал меня, продувал насквозь, стонал... Доигрался, подумал я. Что может быть хуже существования без органов-инструментов? А ведь я даже пожалеть себя не могу – нет у моей новой психики такого избыточного свойства, как жалость.

Мысли о жалости разозлили меня. Вернее, мысли о том, что кто-то способен меня пожалеть. Чужого сочувствия я сроду не переносил.

«Мерзкие раки! – подумал я. – Глупые портачи! Дикари смрадные! Дать мне такие тонкие чувства, такие ловкие ноги, такое совершенное туловище – и забыть про руки! Как я, по вашему, смогу без них обойтись?»

Я по-прежнему висел неподвижно, но холод и дурнота, а теперь еще и злость не помешали понять, что не было никакой ошибки. Туземцы не портачи и не дикари. Они умны; они

просчитывают свои ходы. Меня специально оставили без рук, чтобы я не смог ничего предпринять.

Беспомощный калека, я навсегда прикован к этой планете.

Рухнули грандиозные планы. Мне не выбраться отсюда, не сообщить никому об открытии нового мира, и ничто не помешает омарам до скончания века прозябать в своих грязных норах.

И это означает, что мои планы были раскрыты или по крайней мере разгаданы. Пока я изучал туземцев, они изучили меня – до миллиметра, как под микроскопом. Досконально поняли, что я собой представляю и как намерен поступить, – и приняли эффективные меры противодействия. Камнепад – не случайность. Я же помню, что заметил темные силуэты на холме, когда зашевелились обломки. Меня прикончили, и как бы ни был досаден сей факт, я понимаю логику такого деяния. Убив опасного чужака, туземцы решили свою проблему. Непонятно другое: почему они не удовлетворились этим? Зачем понадобилось выкапывать из-под завала кусок мозга и воскрешать меня?

Я прикидывал возможные последствия, и во мне клокотал гнев. Мало им было расправиться, они решили поразвлечься – сделали из меня игрушку. И забавляться будут издали, с безопасного расстояния. Хотя чем я могу быть для них опасен, без рук-то? Даже не вообразить. Но все равно я им не спущу этого издевательства, Богом клянусь!

Надо как-то проникнуть на корабль и улететь туда, где я найду человека или другое существо, обладающее руками или подобиями рук, и договориться с ним, и тогда вонючие омары поплачутся! Будут вкалывать на меня, пока не сдохнут.

Я согнул глазной стебелек и надавил им на крышку, но он оказался слишком мягок. Тогда я сложил его вдвое и повторил попытку, и крышка поддалась – но лишь самую малость. Снова и снова я давил, и крышка медленно уходила вглубь, и вот наконец она открыта! «Что, съели?! – возликовал я. – Эй, вы, рачки-дурачки, я еще вернусь! Хоть в середку планеты заройтесь, все равно выковырну! Я никому не спускал обид и вам не спущу!»

Я переместился к люку и совершил неприятное открытие. Великовато мое новое тело – ненамного, но все же не пролезть. Я давил и толкал, корчился и изворачивался – абсолютно без толку.

И это учли, подумал я. Все до мелочей продумали, ничего не упустили. Измерили люк и сделали меня хоть и самую чуточку, но пошире. Небось у себя в норах со смеху покатываются. Еще посмотрим, кто будет смеяться последним...

Но не об этом надо думать сейчас, когда мне совсем не до смеха. Я не могу преодолеть люк и улететь. У меня ни рук, ни головы, а раз нет головы, то нет и рта. Как можно есть, не имея ротового отверстия? Неужели меня обрекли не только на пожизненный плен, но и на голодную смерть?

Я решил спуститься на землю. Меня так трясло от страха и злости, что я двигался с излишней осторожностью – совсем не хотелось сорваться и разбиться.

Справившись с этой задачей, я скорчился возле корабля и постарался разложить события по полочкам, чтобы как можно точнее оценить ситуацию.

Итак, я теперь не человек. То есть человек по умственному складу, но уж точно не по телесному. Я пленник этой планеты, мне не вернуться в родную цивилизацию. Даже если каким-то чудом вернусь, многие прежние удовольствия будут мне недоступны. Девчонка в постели, стейк, выпивка... Чего ждать от моих соплеменников, от людей, кроме смеха или страха? Еще неизвестно, что хуже...

А омары? Я их «цивилизацию» ставил ничуть не выше колонии луговых собачек или пивной тарелки. И вдруг оказывается, что они способны на чудеса – вырастили живое существо из кусочка моего мозга. Туземцы ничем не выдали, что обладают такими потрясающими знаниями и навыками, они до последнего прикидывались скромняшками, обладающими какой-никакой разумностью, но недалеко ушедшими в культурном развитии. Тот самый случай, когда

внешность обманчива. Несомненно, это цивилизация с передовой технологией, которая осталась непроницаемой тайной для моих психотестов. Все правильно, подобным расам следует помалкивать о своих возможностях. Какой же я наивный: строил выводы не на фактах, а на сведениях, полученных от туземцев.

Но если они обладают такими выдающимися возможностями, почему не пользуются ими? Что заставляет их прозябать в норах? Разжигать огонь трением? Что мешает строить города и прокладывать дороги? Или хотя бы вести себя цивилизованно, а не как примитивные дикари?

Ответ лежит на поверхности. Вести себя цивилизованно – все равно что ходить с мишенью на спине. Другое дело – прятать свои истинные цели под дурацким поведением. И тогда недруг недооценит тебя, подпустит на дистанцию удара и получит между глаз.

Возможно, здесь уже побывали охотники за планетами. Возможно, у коварных омаров было вдоволь времени, чтобы найти способы борьбы с нашим братом.

Вот чего я никак не могу понять: что им мешало избавиться от меня самым простым способом? К чему все эти хитромудрые игры? Сумели же прикончить меня, так и оставили бы мертвым.

Я сидел на земле и разглядывал окружающий простор. Что ни говори, а находка отменная, не планета – мечта: вдоль рек с чистой водой – леса, где можно брать ценную древесину; за лесами – плодородные равнины; вон под теми холмами – месторождение серебряной руды... О черт! Откуда я знаю, что там лежит серебро?!

Этот вопрос поставил меня в тупик. По логике, не могу я знать наверняка, где и какие минералы прячутся, а могу только догадываться. Но ведь знаю! Не предполагаю, не надеюсь, а именно знаю. Разумеется, это благодаря моему новому телу – а сколько еще в него напихали подобных «приборов»? Когда разберусь с ними, смогу, взглянув на любой клочок земли, моментально определить, что и в каком количестве содержится в глубине. Ценнейшее приобретение – и горчайшее разочарование для того, кто не имеет рук, кто лишен возможности улететь с этой планеты.

Такие вот дела. Такие вот у здешних жителей игры-развлечения. Покажут малышу конфетку, а когда он протянет ручонки, чик! – и отхватят их по самые плечи.

Солнышко пригревало, и не было у меня никакого желания шевелиться. Надо бы встряхнуться и что-нибудь предпринять... но что? Кончились мои предприятия. Может, позднее и начну искать путь к спасению, а сейчас хочется просто нежиться в солнечных лучах.

И тут до меня дошло! Открылось в свой черед, как открывались другие новообретенные способности, дивные знания и умения. Мне не нужен рот, достаточно впитывать кожей солнечную энергию. И не обязательно солнечную, просто она наиболее доступна. При необходимости я смогу брать энергию откуда угодно. Хоть из водяного потока. Могу высосать все до капли из дерева, опустошить травинку. Да хоть из земли добуду себе питание.

Просто и эффективно. Трудно придумать более надежный организм. Та ползучая вонючка, высунувшая из норы башку, высказалась насчет моего прежнего тела – мол, плохо собрано. Что ж, с этим не поспоришь. Человеческий организм не умудренными инженерами создавался, а эволюцией за миллионы лет, учась извлекать максимум пользы из того минимума ресурсов, что был в его распоряжении.

Я ощущал падающий на меня солнечный свет, и впитывал его, и все про него знал: звезды изливают поток энергии, рождающийся в протон-протонном цикле, когда субатомные частицы стремительно переходят из одной формы в другую. Конечно, мне это было известно и раньше, в бытность мою человеком. Но тогда я просто получил однажды эти сведения и больше о них не вспоминал. Сейчас – совсем другое дело. Это не просто информация и даже не пища для интеллекта. Сейчас я осязаю энергию, вижу ее, осознаю. Без малейших усилий могу вообразить ядро атома водорода там, где оно подвергается воздействию мощнейших энергий и чудо-

вищных давлений. Могу слушать шипение гамма-лучей и наблюдать стремительный разлет новорожденных нейтрино.

И не только звездные недра открыты теперь для меня. Моим чувствам под силу проникнуть в тайны растений, изучить любой микроб или иной крошечный организм в глубине почвы, уловить возникновение нового геологического процесса. Я не только ощущаю и осознаю все это – я во всем этом участвую; я с ним одно целое; я понимаю его лучше, чем оно понимало бы самое себя, будь у него такая возможность.

И тут вдруг меня сковал холод, превозмогший солнечное тепло. В заледневшем мозгу почти прекратились мысли.

Я больше не человек. Я думаю не по-человечески.

Мой разум, мыслительные процессы, чувства и представления претерпели чужое вмешательство. Я подвергся перестройке, и теперь это начинает сказываться. Не только тело обновилось – я весь, до последнего фибра души, стал иным. Тем, кем стать никогда не хотел. Тем, в кого еще ни один человек на свете не желал превратиться.

И ведь нашел о чем думать – о протон-протонном цикле! Сейчас другими мыслями должны быть заняты мозги, куда более важными: как пробраться на корабль, как нажиться на этой планете. Ведь из нее можно выкачать столько денег, что и за всю жизнь не потратишь. С другой стороны, на что мне теперь деньги? Уж точно не на выпивку и еду, не на модные тряпки и женщин... Кстати, о женщинах – как теперь быть с репродуктивным процессом? Найдется ли для меня пара, или я на всю Галактику один такой? Может, я двуполоый? Сам способен выносить плод, или яйцо отложить, или споры выбросить? Что, если я бессмертный и в репродукции не нуждаюсь? Что, если другой такой совершенно без надобности, нет для него тут места? Если выяснится, что так и есть, деньги для меня потеряют всякий смысл...

И я вдруг поймал себя на том, что размышляю о них без прежнего вожеления.

Ну так и черт с ними! Человеческий черт. Плевать я хотел и на деньги, и на омаров, и на то, что они со мной сделали, и на утраченную мною человечность. Почему бы не допустить, что все к лучшему: не получив такой организм, не смог бы я существовать на этой планете...

Я со всем душевным ожесточением сопротивлялся накатившему великому безразличию. «Что ж, вы неплохо поработали, – мысленно обратился я к подлым ракам. – Сбросили с доски опасную фигуру, избавились от потенциального эксплуататора, на которого иначе пришлось бы горбатиться до седьмого пота. И создали экспериментальную модель новой формы жизни... Вы же давно об этом мечтали, правда? Мечтали, но так и не рискнули попробовать с кем-нибудь из своих. Все ждали, когда к вам пожалует чужак. И теперь будете непрестанно наблюдать за мной, выявлять изъяны и просчеты, чтобы когда-нибудь создать усовершенствованный организм».

Конечно, никто не доносил до меня этот факт, он просто лежал, совершенно голый, на поверхности моего сознания, словно был со мной с самого начала, – горькая правда о том, что я всего лишь экспериментальная модель.

У меня украли человечность, да так ловко, так скрытно, что я об этом не подозревал до самого конца, когда уже ничего не исправить. Взамен я получил великое безразличие – качество, которое они, должно быть, считают венцом своего творения...

Меня объяла паника, и я бросился на поиски – рылся в собственном разуме, как охотящийся на суслика пес. Надеялся, что где-то в глубине осталось что-то человеческое. Все глубже погружался в недра сознания, вынюхивал в нем тайники – и наконец нашел! На самом дне в крошечном мраке лежал жалкий клочок прежнего меня, такой знакомый, такой родной, – будь у меня руки, я бы сжал его в страстных объятьях и обрел с ним греховное утешение.

Я нашел ненависть.

Моя ненависть сильна, ее не так-то просто убить. Она не дала себя выкорчевать. Все еще цепко держится корнями.

Я все же обнял ее – мысленно – как старого друга, сжал, как привычное надежное оружие. Мелькнула смутная догадка, что омары просто дали маху, – возможно, у них не существует такого явления, как ненависть, и тому, что они сделали со мной, было много причин, кроме одной-единственной – защититься от моей мести.

Значит, теперь у меня есть преимущество, о котором они даже не догадываются. Ненависть к омарам дает мне цель: я буду ждать, надеяться и планировать, и никакой срок не покажется слишком длинным, если в конце его свершится отмщение.

У меня отняли мое тело, мои устремления, почти всю мою человеческую сущность. Перекроили сознание, вложили в него другие понятия и представления. Перехитрили меня по всем статьям, кроме одной – той, по которой, сами о том не подозревая, они перехитрили сами себя. Возможно, они все-таки обнаружили во мне ненависть, но сочли ее пустяковым изъяном биохимии. Сказал же тот омар: я плохо собран. Но не так уж важно, ошибка это или недосмотр. Важно, что теперь их эксперимент обречен на провал.

Человек, в котором сохранилась толика ненависти, никогда не потеряет полностью связь с человеческим.

Я держался за свою ненависть и чувствовал, как она остывает. Ледяная ненависть – самая сильная, самая надежная. Она ведет тебя, подстегивает, ни на миг не оставляя в покое. Жгучая ненависть быстро угаснет, а ледяная никуда не денется; она всегда в твоём сердце и во всех потрохах; она постоянно будоражит твой разум и заставляет сжиматься кулаки, даже когда некого бить.

Нет у меня кулаков, подумал я. Вообще нет рук. Я всего лишь покрытый броней овоид с дурацкими гусеничьими ножками и торчащими глазными стебельками.

И тут будто включился внутри меня биологический компьютер, и в сознание потекли данные обо мне – очень медленно, аккуратно, чтобы не ошеломить меня, не перегрузить.

Я узнал кое-что о руках.

Еще какое-то время я не смогу ими пользоваться. Но они уже есть, формируются под панцирем и в свое время выберутся на свободу. Случится это после линьки. И не только руками я обзаведусь – будут и другие придатки, и новые чувства, и дополнительные возможности; я уже смутно вижу их в тумане будущего. Насчет рук уверен только потому, что они мне не в диковинку. Руки у меня уже были, я знаю, как ими пользоваться.

Чего нельзя сказать о прочих ожидаемых новшествах. Но я и с ними разберусь, дайте только срок. Досконально изучу себя – опытный образец организма, тщательно сконструированного омарами с целью когда-нибудь самим обзавестись такими же превосходными телами.

Нет сомнений, что создать идеальное тело туземцы задумали давно. И они на славу поработали мозгами, все просчитали, учли все нюансы. А теперь я возьму их планы и расчеты, их светлые надежды и грязные комбинации – возьму да и запихну им же в глотку! Вот заполучу руки, новые чувства и бог знает что еще – и сразу же разберусь с негодяями.

Мне уже не вернуться в человеческий мир – к женщинам, деньгам, еде и выпивке. Но все это больше без надобности. Да если не кривить душой, по-настоящему я во всем этом и не нуждался никогда. Единственное, без чего не мог обойтись, и единственное, к чему у меня осталась тяга, – это чистая справедливость. Я должен поквитаться с теми, кто втоптал меня в грязь. Они еще проклянут тот день, когда вылупились из икры.

Я теперь не тот, что прежде, и я изменюсь еще больше. В конце концов у меня останется только одно человеческое свойство. Но оно важное – нет для меня ничего важнее, – и оно дает мне небывалые силы.

Это свойство родилось в незапамятные времена. Безвестный примат, недавно обретший коварство, спасающее в джунглях полутьму когтей и зубов, однажды взъярился по какому-то поводу – и впервые не дал ярости сойти на нет, а лишь дал ей остыть, закрепиться в памяти, затаиться в душе; и терпеливо холил и лелеял ее; и ярость переросла в стойкую ненависть. Еще

до того, как по земле зашагал австралопитек, у той злобной мелкой ветви приматов сформировалась тяга к мести. Свет еще не видывал столь опасных тварей.

Это свойство не подведет меня. Оно даст мне цель в жизни. А еще какое-никакое достоинство и самоуважение.

Биохимический компьютер вбросил в мозг новую порцию информации. Тысяча лет, сказал он. Тысяча лет до линьки. Тысяча лет ожидания.

Десять веков, тридцать человеческих поколений. Немалый срок. За тысячу лет успевали родиться и умереть империи, а еще через тысячу стиралась память о них. За тысячу лет я успею все досконально продумать, составить план, укрепить свою ненависть, открыть в себе и изучить все до единой способности, которые после линьки обязательно поднимутся на новый уровень.

Да, нужен безупречный план. Мне мало примитивной мести. Туземцев не ждет быстрая расправа, не будет им истязаний и убийств. Когда придет мой час, смерть станет для них наивысшим из благ, физическая пытка – мелким неудобством. И конечно, они не отделаются каторжным трудом – какой смысл эксплуатировать их, если они сами лишили меня потребности в ресурсах своей планеты? Останься у меня эта потребность, естественная человеческая алчность удержала бы мою карающую длань. Теперь же ничто не мешает мне обрушить ад на головы туземцев.

Я расквітаюсь с вами, негодяи. Тут мне в помощь холодный, трезвый, терпеливый расчет. Никакой ярости. Никакой спешки. И никакой милости! Милость – человеческая слабость, она нужна людям как противовес беспощадности; но нет во мне больше этого равновесия, осталась одна лишь ненависть.

Я еще не знаю, как свершится моя месть. Узнаю только после линьки, когда обрету новые возможности и определю их границы. Но в одном уверен уже сейчас: каждый туземец проживет свой век в неизбывном ужасе. Напрасно будет он искать укрытие от моего террора. Каждый новый день принесет ему новые страсти, и ни на миг не расслабятся его нервы, и измученная душа, едва выбравшись из пяток, с истошным визгом умчится туда вдругорядь. Изредка он будет получать слабенькую надежду на избавление – и как же умножатся его страдания, когда эта надежда рухнет! А я, глядя, как он мечется в панике и нигде не находит спасения, и внемля его воплям ужаса, но не мольбам о пощаде, – я со всей гуманностью позабочусь о том, чтобы он подольше оставался жив и не терял способности страдать.

Конечно, не о каком-то конкретном туземце речь, а обо всем этом гнусном племени. Уж я возьму свое сполна, я не буду знать усталости! Ненависть моя ненасытна! Мечта о мести вдохнула в меня энергию. Теперь это цель всей моей жизни – вместо всех тех, что были безжалостно отняты. Последний клочок человеческой сущности, который мне удалось сберечь, и я ни за что не поступлюсь этим сокровищем.

Тысяча лет... Падут империи, изменятся технологии, религии примут новые формы, подвергнутся переоценке социальные устои, расцветут и увянут идеи, звезды чуть приблизятся к своей смерти, фотон пролетит частичку пути через Галактику. Разум содрогнется, пытаюсь осознать столь огромный срок.

Разум человека, но не мой. Меня не страшит тысячелетнее ожидание. Я изучу туземца, как бактерию под микроскопом. Выясню его жизненные цели, постигну его философию. Узнаю, как можно лишить его всего этого. И вместо того, что туземцу дорого и мило, он получит то, что будет вечно внушать ему ужас и отвращение. И каждая минута его страданий доставит мне несказанное счастье.

Я могу подождать. Спешить мне некуда.

Овеваемый прохладным и ласковым ветерком чужого мира, Чарли Тьерни лежит и поглощает солнечный свет. Он вспоминает разные события, мысленно воспроизводит их вновь и

вновь, и от этого его ум с каждой минутой становится все острее. Он цепляется за последние крохи своей человечности, за ценнейший дар, полученный от предков-обезьян: тягу к убийству, к причинению страданий, к бесконечной мести.

Его спасение – в ненависти. Ненависть не позволит ему пасть духом, лучше любых пут или оков удержит от самогубительного буйства.

Омары, обитатели нор, учитывали это, когда превращали землянина в гусеницу. Чарли Тьерни должен продержаться тысячу лет, чтобы они смогли убедиться в успехе эксперимента, в живучести своего творения. Но если не оставить ему ничего, кроме понимания своей абсолютной беспомощности и невозможности вернуться в мир людей, он, чего доброго, покончит с собой от отчаяния. Этого допустить нельзя, а значит, необходимо сделать так, чтобы жизнь Чарли обрела какой-то смысл.

И лабораторное животное получило игрушку, которая его успокоила. Чарли Тьерри пестует в себе ненависть и с патологической страстью мечтает отомстить проклятым туземцам. Благодаря этому он просуществует целое тысячелетие – пока не придет к своему финалу эволюционный эксперимент.

Откуда ж ему знать, что туземцы сами давным-давно научились терпению? Они дождались Чарли Тьерни, и уж конечно, они сумеют дождаться результатов своего опыта.

Прекрасно обойдись без игрушек.

Мелкая дичь

Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Уиллоу-Бенд, Висконсин,
23 июня 1966 года
Доктору Уаймену Джексону,
колледж Вайалусинга,
Маскода, Висконсин

Мой дорогой доктор Джексон!

Я пишу вам, поскольку не знаю больше никого, кому мог бы это рассказать и кто сумел бы понять. Мне известно ваше имя, потому что я несколько раз прочитал вашу книгу «Динозавры мелового периода». Я пытался убедить Денниса прочитать ее, но, боюсь, он так и не послушал меня. Денниса всегда интересовали лишь математические аспекты времени, а не машина времени сама по себе. К тому же Деннис не любит читать. Для него это слишком трудное дело.

Быть может, для начала следует рассказать вам, что меня зовут Элтон Джеймс. Я живу с моей овдовевшей матерью и имею мастерскую, где чиню велосипеды, газонокосилки, радио-приемники и телевизоры – короче говоря, все, что мне приносят. Больше я ничего делать не умею, но так уж получилось, что я понимаю, как работают разные приборы и устройства, и сразу вижу, какую неполадку нужно устранить, чтобы они снова начали функционировать. Я никогда и нигде этому не учился, просто от природы наделен умением обращаться с механическими приспособлениями.

Деннис мой друг, но я сразу же должен предупредить, что он человек странный. Он вообще ничего ни о чем не знает, но совершенно помешан на математике. Люди в нашем городке посмеиваются над ним из-за его странностей, а ма ужасно меня ругает за нашу дружбу. Она утверждает, что Деннис ничем не отличается от деревенского дурачка. Боюсь, многие думают так же, как ма, но они не совсем правы, ведь Деннис здорово разбирается в своей математике.

Я не понимаю, как ему это удается. Я точно знаю, что он не мог научиться математике в школе. Когда ему исполнилось семнадцать и он не сумел продвинуться дальше восьмого класса, ему предложили уйти из школы. Впрочем, если честно, он и за восемь классов мало что узнал: учителям надоедало видеть его в одном и том же классе, и они переводили его в следующий. Время от времени поговаривали о том, чтобы отправить Денниса в специальную школу, но эти разговоры так ничем и не закончились.

Только не спрашивайте меня, в математике какого рода он разбирается. В свое время я пытался читать математические книги, взглянув на странные значки, которыми Деннис заполнял бумагу, я решил, что он разбирается в математике, как никто на свете. И я продолжаю так считать, но не исключено, что он изобрел какую-то совершенно новую математику. Дело в том, что ни в одной из книг мне не удалось найти символов, которые применял Деннис. Возможно, Деннис придумывал удобные для себя символы прямо по ходу дела, ведь никто не объяснял ему, чем пользуются обычные математики. Впрочем, я так не думаю: мне кажется, что обозначения пришли к Деннису вместе с новой математикой.

Прежде я пытался говорить с ним об этой математике, и всякий раз он ужасно удивлялся, что я ничего о ней не знаю. Мне кажется, он думал, что все люди владеют той математикой. Он постоянно повторял, что это просто и ясно, как день. Так уж устроен мир – и все.

Наверное, вы хотите спросить у меня, как мне удалось разобраться в его уравнениях настолько, чтобы построить машину времени. Так вот, я в них и не разобрался. Вероятно, мы

с Деннисом во многих отношениях похожи, но я умею заставить работать разные устройства (не зная принципов их действия), а Деннис видит Вселенную как нечто механическое (хотя с трудом может прочитать страницу обычного текста).

И еще одно. Наши с Деннисом родители жили в одном районе, и мы играли вместе с тех самых пор, как научились ходить. Позднее мы старались держаться друг друга. У нас не было выбора. Почему-то другие дети не хотели брать нас в свою компанию. И чтобы не остаться в полном одиночестве, мы подружились. Вот почему мы научились так хорошо друг друга понимать.

Наверное, никакой машины времени и не возникло бы, если бы я не заинтересовался палеонтологией. Не стану утверждать, что я стал настоящим специалистом, мне просто было интересно. В детстве я читал все подряд про динозавров, саблезубых тигров и подобных им существ. Позднее я отправился в горы, чтобы отыскать окаменелости, но мне никогда не удавалось найти что-нибудь действительно интересное. Главным образом мне попадались древние моллюски. Их очень много в известняках Плэтвилла. Множество раз я стоял на улице, глядя на отвесные берега реки, начинавшиеся за городом, и пытался представить себе, как здесь все было миллион лет назад или сто миллионов. Как только я в первый раз прочитал про машину времени, мне сразу же захотелось ее иметь. Некоторое время я даже размышлял о том, чтобы ее построить, но очень скоро понял, что мне это не по силам.

Деннис имел обыкновение приходить ко мне в мастерскую поболтать, но в основном он разговаривал сам с собой. Теперь я уже не помню, как все началось, но в какой-то момент Деннис вдруг заговорил только о времени. Однажды он сказал мне, что ему удалось понять все, кроме времени, но теперь до него начинает доходить его смысл, и он видит время в черных и белых тонах, как и все остальное.

По большей части я не обращал внимания на то, что он болтает, поскольку не понимал смысла его слов. Но после того, как он в течение двух недель рассуждал только о времени, я начал к нему прислушиваться. Не ждите, что я расскажу вам о том, что говорил Деннис или что он имел в виду, – для этого следовало прожить с ним бок о бок более двадцати лет. Тут дело не в том, чтобы понять, *что* Деннис говорил, – важно понимать *самого* Денниса.

Не думаю, что мы и впрямь принимали такое решение – построить машину времени. Идея проросла сама. Прошло несколько недель, прежде чем мы получили какие-то позитивные результаты – во всяком случае, Деннис назвал их именно так. Что касается меня, я ничего не понимал. Я лишь знал, что Деннис хочет, чтобы некое устройство работало определенным образом, и я пытался заставить его нам подчиниться. Иногда, даже в тех случаях, когда все срабатывало так, как он хотел, оказывалось, что мы ошиблись. Тогда мы начинали все с самого начала.

Наконец у нас появилась работающая модель машины времени, и мы взяли ее собой на высокий берег в нескольких милях вверх по реке, где всегда пустынно. Я соорудил таймер, который должен был включить машину на две минуты, а потом реверсировать поле и отправить ее обратно домой.

Мы установили кинокамеру внутри корпуса машины и включили ее, после чего я нажал на рубильник.

Честно говоря, я не был уверен, что машина сработает, но все получилось так, как мы рассчитывали. На две минуты машина исчезла, а потом вернулась обратно к нам.

Когда мы проявили пленку, то сразу же поняли, что камера совершила путешествие в прошлое. Сначала камера сняла нас обоих возле машины. Затем изображение на несколько мгновений исчезло, а на следующих кадрах возник мастодонт, шагающий прямо на камеру. Через секунду он поднял хобот, затрубил, резко развернулся и помчался куда-то с поразительной быстротой.

Периодически он поворачивал голову назад. Вероятно, его ужасно напугала наша машина времени, которая неожиданно возникла перед ним.

Нам просто повезло, вот и все. Мы могли бы послать эту камеру еще тысячу раз, но так и не заснять мастодонта, а увидеть лишь пустынный берег реки. Впрочем, мы бы все равно узнали, что переместились во времени, ведь ландшафт изменился, хотя и не слишком сильно. Конечно, по ландшафту трудно определить, вернулся ты назад на сто лет или на тысячу. Но после того, как мы увидели мастодонта, мы поняли, что наша машина времени преодолела десять тысяч лет.

Я не стану докучать вам рассказом о том, как нам удалось решить множество проблем, возникших при изготовлении второй модели, или как Деннис сумел изобрести счетчик времени, который позволял посылать машину в определенное время. Это не имеет значения. Важно то, что я обнаружил, когда вернулся в прошлое.

Я уже писал, что читал вашу книгу о динозаврах мелового периода. Мне понравилась вся книга, но более всего заинтриговала последняя глава, в которой говорилось о том, как динозавры вымерли. Множество раз я лежал по ночам без сна, размышляя о теориях, описанных вами в книге, и пытаюсь представить себе, как это могло произойти на самом деле.

Вот почему я твердо знал, куда нам следует направиться, как только машина будет построена.

Деннис не стал со мной спорить. По правде говоря, он решил не сопровождать меня в прошлое. Его это больше не интересовало. На самом деле идея машины времени с самого начала его не слишком занимала. Он лишь хотел получить подтверждение своим математическим выкладкам. И как только машина была готова, он потерял к ней всяческий интерес.

Должен признаться, что меня беспокоило одно очень серьезное соображение: за такой огромный период времени поверхность земли могла подняться или, наоборот, слишком сильно опуститься. Я знал, что территории вокруг Уиллоу-Бенд оставались стабильными в течение миллионов лет. Во время мелового периода море вторглось на континент, но не добралось до Висконсина, и геологи утверждают, что никаких серьезных изменений рельефа в нашем штате не было. Однако я продолжал беспокоиться. Мне совсем не хотелось попасть в позднюю часть мелового периода и оказаться вместе с машиной внутри скалы или на высоте в дюжину футов над землей.

Поэтому я достал прочные стальные трубы и забил их на глубину шести футов на высоком берегу реки, на котором мы проводили испытания в первый раз, так что еще десять футов торчали над поверхностью земли. Наверху я соорудил платформу, где установил машину, и небольшую лестницу, а затем мы все рассчитали так, чтобы трубы также оказались в поле машины времени. Однажды утром я собрал себе завтрак и наполнил флягу водой. Отыскал старый бинокль, который принадлежал отцу, и стал размышлять о том, стоит ли брать с собой ружье. У меня был лишь дробовик, и я решил оставить его дома. Конечно, я мог бы одолжить ружье, но мне не хотелось. Я старался держать в тайне свое предприятие, и в мои планы не входило, чтобы по нашему городку поползли слухи.

Я поднялся на высокий берег, взобрался на помост, установил счетчик времени на шестьдесят три миллиона лет назад и включил машину. Я не стал устраивать никаких церемоний. Просто включил машину и отправился в далекое прошлое.

Я уже писал о небольшом затемнении на пленке – наверное, это лучший способ описать мои ощущения. Перед глазами у меня потемнело, что-то сверкнуло. А потом вновь вспыхнул солнечный свет, и я оказался на высоком берегу, а передо мной расстилась долина.

Вот только никакой реки больше не было, я находился на вершине высокого холма. Да и долина изменилась. Теперь вокруг раскинулась огромная зеленая равнина, и лишь довольно далеко в стороне лениво катила свои воды широкая река. На западе я увидел, как солнце отражается в воде большого озера или моря. Но море, насколько мне известно, не должно было

продвинуться так далеко. Однако огромная масса воды добралась до Висконсина – я так и не выяснил, море это было или озеро.

И еще кое-что. Я посмотрел вниз и увидел, что до земли всего три фута. Как я обрадовался, что не поленился установить трубы!

Оглядывая долину, я заметил какое-то движение, но на таком большом расстоянии не сумел понять, что это такое. Тогда я взял бинокль, соскочил на землю и зашагал вниз по склону.

Усевшись на землю, я устроился поудобнее, поднес к глазам бинокль и принялся изучать долину.

Там были динозавры, их оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Они куда-то перемещались стадами. К моему удивлению, ни один из них даже не пытался что-нибудь съесть. Все находились в движении, и мне показалось, что динозавры чего-то боятся. Впрочем, сказал я себе, возможно, такое поведение для них характерно.

Все они находились довольно далеко, и даже в бинокль я мог разглядеть только некоторых из них. Я заметил несколько групп утконосов, которые шли вразвалочку, смешно подергивая головами. Рядом обнаружил небольшое стадо тесцелозавров – они шагали, наклонив вперед тело. Тут и там были маленькие группы трицератопсов. Но самым необычным мне показалось большое стадо бронтозавров, испуганно и осторожно бежавших прочь, словно у них болели ноги. И еще меня удивило то, что они находились так далеко от воды, а в вашей книге я читал, что они никогда не удалялись от водопоя на значительные расстояния.

И еще здесь было полно существ, совсем не похожих на те, что я видел на картинках в книгах.

У меня появилось странное чувство. Неужели, размышляя я, мне довелось присутствовать при великой миграции, когда динозавры решили изменить место обитания?

Я так заинтересовался происходящим, что перестал соблюдать осторожность и совершил серьезную ошибку. Ведь я находился в другом мире, полном неизвестных опасностей. Мне следовало оставаться настороже, но я спокойно сидел, не отрываясь от бинокля, словно не покидал родного дома.

Неожиданно послышался тяжелый топот, который стремительно приближался ко мне сзади. У меня возникло ощущение, будто кто-то включил копер. Я уронил бинокль и обернулся, и в этот момент мимо меня, на расстоянии никак не больше трех футов, так близко, что едва меня не задело, пронеслось нечто большое и высокое. Я лишь понял, что оно было огромным, серым и чешуйчатым.

Затем, когда существо устремилось вниз по склону, я сумел его разглядеть как следует, и внутри у меня все похолодело. Меня только что чуть не раздавил самый крупный из этих парней – тираннозавр.

Две огромные задние ноги работали как пара мощных поршней, солнечный свет сверкал на кривых страшных когтях. Мощный хвост находился совсем близко от земли, но показался мне весьма подвижным. Чудовищная голова болталась из стороны в сторону, и я даже сумел разглядеть ряды огромных зубов и почувствовать слабый отвратительный запах – наверное, он недавно откушал падали. Но самым большим сюрпризом оказалась небольшая борода, свисавшая под его челюстью и мерцавшая всеми цветами радуги – красное и зеленое, золотое и пурпурное, причем цвета менялись, когда он поворачивал голову.

Я наблюдал за ним не более секунды, а потом вскочил и устремился к машине времени. Меня охватил ужас. Должен признаться, я был сыт динозаврами до конца жизни.

Но мне не удалось добраться до машины.

На гребне холма появилось нечто новое. Я говорю «нечто», поскольку я не знал, с кем мне пришлось столкнуться. Не такое большое, как тираннозавр, но в десять раз страшнее.

Оно было длинным и гибким, обладало множеством ног, возвышалось над землей футов на шесть и имело омерзительный розовый цвет. Представьте себе гусеницу и увеличивайте

ее до тех пор, пока она не станет шести футов ростом, а затем приделайте ей длинные ноги, чтобы она могла бегать, а не ползать, и увенчайте это чудовищное создание посмертной маской дракона – быть может, вы получите отдаленное представление о существе, которое предстало моим глазам. Весьма отдаленное.

Страшилище увидело меня, повернуло в мою сторону голову и издало нетерпеливый скулящий звук, после чего побежало ко мне как-то боком – кажется, так бегают бешеные собаки.

Бросив на него один-единственный взгляд, я так быстро развернулся, что потерял кепку. В следующее мгновение я уже мчался вниз по склону вслед за стариной тираннозавром.

Теперь я видел, что не только мы с тираннозавром бежим по склону. Со всех сторон вниз неслись многочисленные существа, небольшими группами или стадами, хотя среди них попадались и одиночки.

К сожалению, не могу их назвать, поскольку в тот момент перестал быть свидетелем, достойным доверия. Я мчался, спасая собственную жизнь, словно меня по пятам преследовал лесной пожар.

Пару раз я оглянулся назад, но гибкое чудовище не отставало. Ему не удавалось сократить расстояние между нами, хотя меня не покидало ощущение, что ему ничего не стоит это сделать – нужно только захотеть. У меня даже сложилось впечатление, что диковинное существо преследовало не только меня. Оно как-то странно виляло из стороны в сторону и больше всего напоминало верного фермерского пса, загоняющего стадо в нужном направлении.

Как только эта мысль пришла мне в голову, я понял, что так и есть: верный старый пес загоняет стадо разных динозавров и одного невесть как попавшего сюда человека. У подножия холма я вновь обернулся, и теперь, когда мне удалось разглядеть весь склон, я увидел, что скота больше, чем я себе представлял. Весь холм был усеян фигурками бегущих животных, а за ними следовало полдюжины розовых собак.

Внезапно мне стало ясно, что с вершины холма я наблюдал вовсе не за миграцией динозавров. Их куда-то загоняли, чья-то воля направляла всех этих рептилий и динозавров к какому-то центру.

Я понял, что смогу спастись только в том случае, если сумею каким-то образом остаться в стороне. А для этого мне требовалось найти укромное место и незаметно туда проскользнуть. Проблема заключалась в том, что спрятаться было негде. Дно долины было совершенно голым, здесь могла найти укрытие лишь крохотная мышка.

Впереди меня возвышался довольно высокий пригорок, и я ринулся в ту сторону. Силы мои иссякали. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, в боку колело, и я понимал, что смогу пробежать еще совсем немного.

Поднявшись на пригорок, я бросился бежать по противоположному склону. Прямо передо мной оказался ошестинившийся шипами куст высотой фута в три. Я был слишком близко от него и свернуть в сторону попросту не успевал, поэтому я сделал единственное, что мне оставалось, – перепрыгнул через него.

Но за кустом не оказалось твердой земли. Я угодил в дыру. Увидев опасность в самый последний момент, я попытался упасть на бок, но все равно провалился вниз.

Дыра оказалась лишь немногим больше меня самого. В падении я заработал несколько синяков и наконец приземлился, сильно ударившись. У меня перехватило дыхание, и я согнулся, обхватив себя руками.

Постепенно дыхание восстановилось, боль утихла, и у меня появилась возможность осмотреться.

Дыра имела три фута в диаметре и футов семь в глубину. Она была слегка наклонена в сторону склона, и ее стенки оказались удивительно гладкими. Тоненькая струйка песка стекала вниз – результат моего падения. Неподалеку виднелось скопление небольших камней, самый крупный из них величиной с человеческую голову. Я смотрел на них и лениво размышлял, что

однажды они свалятся в яму. Встряхнувшись, я отодвинулся в сторону, чтобы они не попали в меня, если надумают покатиться вниз.

Посмотрев вниз, я обнаружил, что не провалился в дыру, поскольку застрял в том месте, где стенки резко поворачивали в сторону.

Наверное, я не заметил этого в первый момент, но теперь обратил внимание на мускусный запах. Он был не слишком сильным и показался мне каким-то странным: животным, но не совсем.

Дыра с гладкими стенками и мускусный запах – все понятно! Я провалился не в обычную дыру, а в чью-то нору. И эта нора наверняка принадлежит очень опасному животному, если оно сумело проделать такой широкий туннель.

Стоило мне об этом подумать, как снизу раздался какой-то шум: похоже, хозяин поднялся по туннелю вверх, чтобы выяснить, кто потревожил его покой.

Я не стал терять времени и решил выбраться из туннеля. Но тут же начал соскальзывать вниз. Ухватившись за верхнюю кромку, я попытался вылезти наружу, однако песчаная почва не давала опоры. Лишь упершись ногами в противоположную стену, я сумел остановить падение, но так и остался висеть, не в силах покинуть нору.

Между тем возня подо мной продолжалась. Хозяин норы быстро приближался ко мне.

Рядом со мной из стены торчало несколько камней. Протянув руку, я сумел расшатать и вытащить один из них. Камень оказался гораздо более тяжелым, чем я предполагал, и я с трудом удерживал его.

Из-за поворота вынырнуло рыло, щелкнули челюсти. Мне показалось, что раскрытая пасть занимает все пространство норы. Острые зубы были такими ужасными, что у меня перехватило дыхание.

Я не думал и ничего не пытался планировать. Сквозь расставленные ноги я бросил камень прямо в разверстую пасть. Тяжелый снаряд пролетел четыре фута, провалился между зубами и скрылся в темной глотке. Послышался звук глухого удара, челюсти захлопнулись, и существо скрылось из виду.

До сих пор не знаю, как мне удалось выбраться из норы. Я цеплялся руками за гладкие стены, упирался ногами и в конце концов выкатился на голый склон холма.

Голый, если не считать куста с шипами длиной в дюйм. Я с разбегу перескочил через него перед тем, как упасть в нору. Другого укрытия вокруг не было, и я устроился возле куста, рассчитывая, что большая часть животных уже пробежала мимо. Я решил, что, если я здесь спрячусь, у меня есть шанс спастись. В противном случае один из псов меня найдет и заставит двигаться дальше.

Я не сомневался, что они пасут динозавров, но едва ли я мог рассчитывать, что они сумеют отличить меня от других животных. Я был живым, мог бегать – значит меня следует гнать вместе со всеми.

Правда, хозяин норы мог в любой момент выбраться наружу, и тогда мне не сдобровать. Впрочем, я решил, что брошенный камень даст мне хотя бы несколько минут, ведь быстро вытащить такой булыжник из глотки совсем не просто.

Я сидел на карточках возле куста, и жаркое солнце припекало мне спину. Выглядывая между веток, я видел, как огромное множество животных движется по равнине. Розовые псы согнали их в огромный круг, снаружи которого бегали псы и кто-то еще – мне показалось, что это люди в крошечных машинах. Машины и люди были одного зеленовато-серого цвета, и я решил, что машина и человек составляют единый организм. Создавалось впечатление, будто люди не сидят в машинах, а вырастают из них. И хотя машины двигались довольно быстро, я не заметил колес. С такого расстояния ничего нельзя было сказать наверняка, но вроде бы они двигались прямо по земле, как улитки, причем по машинам проходила рябь, словно это были перемещающиеся мышцы.

Я сидел и наблюдал за ними. Только теперь у меня появилась возможность немного подумать и попытаться понять, что происходит. Мне удалось вернуться более чем на шестьдесят миллионов лет назад, чтобы увидеть динозавров, – и мне сопутствовал успех, но обстоятельства нашей встречи оказались уж слишком необычными. Динозавры были именно такими, как я и предполагал. Они выглядели так, как в книгах, которые я читал, но собаки и люди-машины никак не вписывались в эту картину. Как они сюда попали?

Псы бегали взад и вперед, а люди-машины сновали рядом с ними, и всякий раз, когда какое-то животное выбегало из общей кучи, полдюжины псов и пара людей-машин перехватывали его и заставляли вернуться обратно.

Круг, в котором находились животные, был диаметром в милю или даже больше – огромное пространство, забитое испуганными динозаврами. Многие палеонтологи не знали, обладали ли динозавры голосами. Теперь я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Они пронзительно визжали, ревели и кричали, а некоторые даже ухали – кажется, утконосы, но я не до конца в этом уверен.

Затем послышался другой звук, отчаянный рев, который доносился откуда-то с неба. Я быстро поднял голову и увидел, как они снижаются – около дюжины космических кораблей. Да, я в этом уверен, ничем другим они быть не могли. Они спускались быстро и не показались мне большими, еще я заметил тонкое голубое пламя, которое окутывало их основания. Никаких клубов дыма и режущего пламени, как у наших ракет, лишь тонкое синее мерцание.

С минуту мне казалось, что один из них сядет прямо мне на голову, но потом я сообразил, что место посадки находится далеко от меня. Так и оказалось: до кораблей было никак не меньше двух миль. Они приземлились так, что образовали большое кольцо, которое охватывало согнанных вместе динозавров.

Мне бы следовало догадаться, что должно произойти. Самое простое объяснение и к тому же самое логичное. Мне кажется, что мое подсознание уже знало ответ, но разум отталкивал его, как слишком простой и обыденный.

Из бортов выдвинулись узкие дула, и пурпурное пламя выплеснулось на несчастных динозавров. Животные падали на землю, превратившись в режущую, визжащую массу. Тонкие струйки пара поднимались над дулами орудий, а в центре круга лежали тысячи убитых динозавров.

Рассказать об этой бойне совсем нетрудно, но наблюдать за ней... Я скорчился за кустом, к горлу подкатила тошнота, и мне стало по-настоящему страшно, когда на смену реву и визгу пришла полнейшая тишина. И я был потрясен – но не страшной картиной, которая развернулась передо мной, а мыслью о том, что нечто подобное может прийти на нашу Землю.

У меня не было ни малейших сомнений, что они явились из космоса. И дело было не только в космических кораблях, но прежде всего в розовых собаках и серо-зеленых людях-машинах, которые не были машинами и людьми, а представляли собой единый организм, – нет, такие существа не могли родиться на нашей Земле.

Я выполз из-за куста, стараясь не разгибать спины. Оставалось рассчитывать, что куст прикроет меня от чужих существ, находившихся в долине, и мне удастся добраться до вершины холма. Один из псов посмотрел в мою сторону, и я замер на месте. К счастью, он вскоре отвернулся.

Я начал поспешное отступление к машине времени. Однако на середине склона я не выдержал и обернулся.

Никогда не забыть мне того, что я тогда увидел!

Псы и люди-машины копошились среди тел мертвых динозавров, некоторые машины уже ползли к кораблям, успевшим спустить трапы. Машины двигались медленно, поскольку были тяжело нагружены освежеванными тушами.

С неба вновь донесся шум, я посмотрел вверх и увидел, что спускаются новые корабли – маленькие грузовые суда, которые поднимут груз свежего мяса на большой корабль, ждущий где-то на орбите.

Тогда я развернулся и побежал.

Взобравшись на вершину холма, я сразу же влез на сиденье машины времени, установил отметку счетчика времени и отправился домой. Я даже не стал искать свой бинокль.

Теперь, когда я вернулся домой, у меня пропало всякое желание отправляться в прошлое. Никогда больше я не стану пользоваться машиной времени. Честно говоря, я боюсь того, что могу обнаружить в любом другом месте. Если колледж Вайалусинга нуждается в нашем устройстве, я охотно передам ему машину времени.

Но пишу я вам совсем по другой причине.

Теперь я точно знаю, почему исчезли динозавры. Их убивали, разделывали и увозили на какую-то другую планету, находившуюся, возможно, на расстоянии многих световых лет от нас, и существа, которые это делали, рассматривали Землю как пастбище скота, как планету, где можно добыть множество дешевого протеина.

Вы возразите мне, что это произошло более шестидесяти миллионов лет назад. Да, в те времена раса людей-машин существовала. Но за шестьдесят миллионов лет они наверняка изменились, или нашли охотничьи угодья в других районах Галактики, или, быть может, вымерли, как динозавры.

Но я так не думаю. Я считаю, что они где-то рядом. Мне кажется, Земля может оказаться одной из планет, где они добывают себе пищу.

И я скажу вам, почему я так думаю. Они вновь возвратились на Землю около десяти или одиннадцати тысяч лет назад и тогда прикончили мамонтов и мастодонтов, гигантских бизонов, большого пещерного медведя, саблезубых тигров и множество других зверей. Возможно, после уничтожения динозавров они сделали надлежащие выводы и оставили Африку на развод.

Теперь я перехожу к цели написания этого письма, к тому, что тревожит меня больше всего.

Сегодня на Земле обитает менее трех миллиардов человек. К двухтысячному году нас будет около шести миллиардов.

Конечно, мы довольно мелкая дичь, а существа из космоса стремились к большим массам, вроде динозавров и мастодонтов. Но нас так много! Вот почему мне кажется, что приближается время, когда мы можем вновь привлечь их внимание.

Страшилища

Перевод К. Королева

Новость сообщил мох. Весточка преодолела сотни миль, распространяясь различными путями, – ведь мох рос не везде, а только там, где почва была скудной настолько, что ее избегали прочие растения: крупные, пышные, злобные, вечно готовые отобрать у мха свет, заглушить его, растерзать своими корнями или причинить иной вред.

Мох рассказывал о Никодиме, живом одеяле Дона Макензи; а все началось с того, что Макензи вздумалось принять ванну.

Он весело плескался в воде, распевая во все горло разные песенки, а Никодим, чувствуя себя всего-навсего половинкой живого существа, мыкался у двери. Без Макензи Никодим был даже меньше, чем половинкой. Живые одеяла считались разумной формой жизни, но на деле становились таковой, только когда оборачивались вокруг тех, кто их носил, впитывая разум и эмоции своих хозяев.

На протяжении тысячелетий живые одеяла влачили жалкое существование. Порой кому-то из них удавалось прицепиться к какому-нибудь представителю растительности этого сумеречного мира, но такое случалось нечасто, и потом, подобная участь была не многим лучше прежней.

Однако затем на планету прилетели люди, и живые одеяла воспрянули. Они как бы заключили с людьми взаимовыгодный союз, превратились в мгновение ока в одно из величайших чудес Галактики. Слияние человека и живого одеяла являлось некоей разновидностью симбиоза. Стоило одеялу устроиться на человеческих плечах, как у хозяина отпадала всякая необходимость заботиться о пропитании; он знал, что будет сыт, причем кормить его станут правильно, так, чтобы поддержать нормальный обмен веществ. Одеяла обладали уникальной способностью поглощать энергию окружающей среды и преобразовывать ее в пищу для людей; мало того, они соблюдали – разумеется, в известной степени – основные медицинские требования.

Но если одеяла кормили людей, согревали их и выполняли обязанности домашних врачей, люди давали им нечто более драгоценное – осознание жизни. В тот самый миг, когда одеяло окутывало человека, оно становилось в каком-то смысле его двойником, обретало рас-судок и эмоции, начинало жить псевдожизнью куда более полной, чем его прежнее унылое существование.

Никодим, помыкавшись у двери в ванную, в конце концов рассердился. Он ощущал, как утончается ниточка, связывающая его с человеком, и оттого злился все сильнее. Наконец, чувствуя себя обманутым, он покинул факторию, неуклюже выплыл из нее, похожий на раздуваемую ветром простыню.

Тусклое кирпично-красное солнце, сигма Дракона, стояло в зените над планетой, которая выглядела сумеречной даже сейчас. Никодим отбрасывал на землю, зеленую с вкраплениями красного, причудливую багровую тень. Ружейное дерево выстрелило в него, но промахнулось на целый ярд. Нелады с прицелом продолжались вот уже несколько недель: дерево давало промах за промахом; единственное, чего ему удавалось добиться, – это напугать Нелли – так звали робота, отличавшегося привычкой говорить правду и являвшегося бухгалтером фактории. Однажды выпущенная деревом пуля – подобие земного желудя – угодила в металлическую стенку фактории. Нелли была в ужасе, однако никто не потрудился успокоить ее, ибо Нелли недолюбливали. Пока она находилась поблизости, нечего было и думать о том, чтобы позаимствовать со счета компании энную сумму. Кстати говоря, именно поэтому Нелли сюда и прислали.

Впрочем, пару недель подряд она никого не задевала, поскольку все увивалась вокруг Энциклопедии, который, должно быть, мало-помалу сходил с ума, пытаясь разобраться в ее мыслях.

Никодим высказал ружейному дереву все, что он о нем думал, – мол, спятило оно, что ли, раз стреляет по своим, – и направился дальше. Дерево, мнившее Никодима отступником, растительным ренегатом, выстрелило снова, промахнулось на два ярда и решило, по-видимому, не тратить зря патроны.

Тут-то Никодим и узнал, что Олдер, музыкант из Чаши Гармонии, создал шедевр. Это событие произошло, по всей видимости, пару-тройку недель тому назад – Чаша Гармонии располагалась чуть ли не на другом конце света, и новости оттуда шли долго; тем не менее Никодим круто развернулся и устремился обратно.

О таких новостях нужно извещать немедленно. Скорее, скорее к Макензи! Оставив за собой облако пыли, которую умудрился поднять, Никодим ворвался в дверь фактории. Висевшая над ней грубая вывеска гласила: «Галактическая торговая компания». Для чего она понадобилась, никто не знал; прочесть ее было под силу только людям.

Никодим с ходу врезался в дверь ванной.

– Ладно, ладно! – отозвался Макензи. – Уже выхожу. Потерпи чуток, я сейчас.

Никодим улегся на пол, весь трепеща от переполнявшего его возбуждения.

Макензи вышел из ванной, позволил Никодиму устроиться на привычном месте, выслушал его, а затем направился в контору, где, как и ожидал, обнаружил фактора Нельсона Харпера. Тот сидел, задрав ноги на стол и вперив взгляд в потолок; во рту у него дымилась трубка.

– Привет, – буркнул он и указал чубуком трубки на стоявшую рядом бутылку. – Угощайся.

Макензи не заставил себя упрашивать.

– Никодиму стало известно, что дирижер по имени Олдер сочинил симфонию. Мох уверяет, что это шедевр.

– Олдер, – повторил Харпер, убирая ноги со стола. – Никогда о таком не слышал.

– Кадмара тоже никто не знал, пока он не сочинил симфонию Алого Солнца, – напомнил Макензи. – Зато теперь он – знаменитость.

– Что бы ни сотворил Олдер, пускай даже крохотную пьеску, мы должны заполучить это. Народ на Земле сходит с ума от музыки деревьев. Взять хотя бы того парня... ну, композитора...

– Его зовут Уэйд, – сказал Харпер, – Дж. Эджертон Уэйд, один из величайших композиторов Земли всех времен. Перестал писать музыку после того, как услышал отрывок симфонии Алого Солнца. Затем исчез; никто не знает, куда он делся. – Фактор задумчиво повертел в пальцах трубку и продолжил: – Забавно, черт побери. Мы прилетели сюда, рассчитывая отыскать в лучшем случае новые наркотики или какой-нибудь необычный продукт – словом, нечто вроде деликатеса для первоклассных ресторанов по цене десять баксов за тарелку или, на худой конец, новый минерал, как на эте Кассиопеи. И вдруг на тебе – музыка! Симфонии, кантаты... Жуть!

Макензи снова глотнул из бутылки, поставил ее обратно на стол и вытер губы.

– Не то чтобы мне нравилось, – проговорил он. – Правда, в музыке я разбираюсь постольку-поскольку, но все равно: от того, что мне доводилось слышать, прямо выворачивает наизнанку.

– Главное – запастись сывороткой, – посоветовал Харпер. – Если не воспринимаешь музыку, знай себе коли укол за уколом, и все будет в порядке.

– Помните Александера? – спросил Макензи. – Он пытался столкнуться с деревьями в Чаше, и у него кончилась сыворотка. Эта музыка ловит человека... Александер не желал уходить, вопил, отбивался, кусался. Я еле справился с ним. Он так и не вылечился полностью.

Врачи на Земле привели его в норму, но предупредили, чтобы он и не думал возвращаться сюда.

– А он вернулся, – заметил Харпер. – Грант углядел его в фактории грумми. Представляешь, землянин связался с грумми?! Предатель! Не следовало тебе спасать его, пускай упивался бы своей музыкой.

– Что будем делать? – спросил Макензи.

– А что тут поделаешь? – отозвался Харпер, пожимая плечами. – Или ты ждешь, что я объявлю грумми войну? И не надейся. Ты разве не слышал, что между Землей и Грумбриджем – тридцать четыре теперь сплошные мир и дружба? Вот почему обе фактории убрали из Чаши. Компании заключили перемирие и соревнуются, кто честнее. Тьфу, до чего ж противно! Даже заслать к грумми шпиона и то не смей!

– Однако они заслали, – хмыкнул Макензи. – Да, мы его так и не обнаружили, но нам известно, что он здесь и следит за каждым нашим шагом.

– Грумми доверять нельзя, – заявил Харпер. – За ними нужен глаз да глаз. Музыка им ни к чему, она для них не ценность; скорее всего, они понятия не имеют, что такое музыка, ведь у них нет слуха. Однако чтобы насолить Земле, они готовы на все, а птички вроде Александра помогают им. Я думаю, у них такое разделение обязанностей: грумми добывают музыку, а Александр ее продает.

– Что, если мы столкнемся с Александром, шеф? – поинтересовался Макензи.

– Все будет зависеть от обстоятельств. – Харпер постучал черенком трубки по зубам. – Можно попробовать переманить его. Он неплохой торговец. Компания наверняка одобрит.

– Не выйдет, – покачал головой Макензи. – Он ненавидит компанию. По-моему, с ним несправедливо обошлись несколько лет назад. Сдается мне, на сделку с нами он не пойдет.

– Времена меняются, – буркнул Харпер, – и люди тоже. Может, он теперь благодарен вам за спасение.

– Что-то мне сомнительно, – пробормотал Макензи.

Фактор протянул руку, пододвинул поближе увлажнитель воздуха, а затем принялся заново набивать трубку.

– Меня вот еще что беспокоит, – проговорил он. – Как поступить с Энциклопедией? Он желает отправиться на Землю. Видно, наши мысли разожгли его аппетит. Утверждает, что хочет изучить нашу цивилизацию.

– Этот шельмец прочесывает наши головы частым гребнем, – фыркнул Макензи, состроив гримасу. – Он порой докапывается до того, о чем мы и сами давно позабыли. Я понимаю, что он не со зла, просто так устроен, однако мне все равно не по себе.

– Сейчас он обхаживает Нелли, – сказал Харпер.

– Ему повезет, если он сумеет выяснить, о чем думает Нелли.

– Я тут пораскинул мозгами, – продолжал Харпер. – Мне его манера нравится не больше, чем тебе, но если взять Энциклопедию на Землю, оторвать, так сказать, от родной почвы, может, мы сумеем кое-чего добиться. Он знает много такого, что наверняка пригодится нам. Мы с ним беседовали...

– Не обманывайте себя, шеф, – перебил Макензи. – Он рассказал вам ровно столько, сколько требовалось, чтобы убедить, что играет в открытую, то есть ничего сколько-нибудь ценного. Он ловкач, каких мало. Чтобы он вот так, за здорово живешь, выложил важные сведения...

– Пожалуй, тебе не мешало бы слетать на Землю проветриться. – Фактор пристально поглядел на Макензи. – Ты теряешь перспективу, ставишь эмоции впереди рассудка. Или ты забыл, что мы не дома? Здесь следует приноравливаться к чужой логике.

– Знаю, знаю, – отмахнулся Макензи, – но признаться откровенно, шеф, я сыт по горло. Стреляющие деревья, говорящий мох, электрический виноград да еще и Энциклопедия!

– А что Энциклопедия? – справился Харпер. – Естественное хранилище знаний, только и всего. Разве ты не встречал на Земле людей, которые учатся ради учебы, вовсе не собираясь пользоваться полученным образованием? Им доставляет удовольствие сознавать, что они великолепно информированы. Если сочетать подобное стремление к знаниям с феноменальной способностью запоминать и упорядочивать усвоенное, то вот тебе Энциклопедия.

– Но у него должна быть какая-то цель, – стоял на своем Макензи. – Я уверен, существует причина, которая все объясняет. Ведь к чему накапливать факты, если ты не намерен их использовать?

– Я согласен, цель должна быть, – произнес Харпер, попыхивая трубкой, – однако мы вряд ли сможем ее распознать. Мы находимся на планете с растительной цивилизацией. На Земле растения не имели возможности развиваться, их опередили животные. Но здесь все наоборот: эволюционировали именно растения.

– Мы просто обязаны установить, какую цель преследует Энциклопедия, – заявил Макензи. – Нельзя же все время шарить вслепую! Если он затеял какую-то игру, надо выяснить, что это за игра. Действует ли он по собственной инициативе или по указанию здешнего, ну, я не знаю, правительства, что ли? Или он принадлежит к представителям прежней, погибшей цивилизации? Этакая разновидность живого архива, которая продолжает собирать сведения, хотя необходимость в том уже отпала?

– Ты волнуешься по пустякам, – заметил фактор.

– Да как же не волноваться, шеф? Разве можно допустить, чтобы нас обставили? Мы относимся к здешней цивилизации, если это и впрямь цивилизация, свысока, что вполне логично, поскольку на Земле от деревьев, кустарников и цветов не приходится ждать никакого подвоха. Однако мы не на Земле, а потому должны спросить себя: что такое растительная цивилизация? К чему она стремится? Сознает ли свои стремления, и если да, каким образом намерена реализовывать их?

– Мы отвлеклись, – сказал Харпер. – Ты упоминал о какой-то новой симфонии.

– Что ж, как вам угодно, – буркнул Макензи.

– Наша задача – завладеть ею, – продолжал Харпер. – У нас не было ничего приличного с тех самых пор, как Кадмар сочинил «Алое Солнце». А если мы замешкаемся, грумми могут перебежать нам дорогу.

– Если уже не перебежали, – вставил Макензи.

– Пока нет, – отозвался Харпер, выпуская изо рта дым. – Грант сообщает мне обо всем, что они затевают.

– Так или иначе, – проговорил Макензи, – надо исключить ненужный риск. Ведь шпион грумми тоже не спит.

– Есть предложения? – осведомился фактор.

– Можно взять вездеход, – размышлял вслух Макензи. – Он медленнее, чем флаер, но с флаером грумми уж точно заподозрят что-то неладное. А на вездеходе мы выезжаем по десять раз на дню, так что все должно пройти гладко.

– Логично, – признал Харпер после недолгого раздумья. – Кого берешь с собой?

– Я предпочел бы Брэда Смита, – ответил Макензи. – Мы с ним оба старички и прекрасно справимся вдвоем.

– Хорошо. – Харпер кивнул. – На всякий случай возьми еще Нелли.

– Ни за что на свете! – так и взвился Макензи. – С какой стати? Или вы замыслили аферу, а потому хотите сплавить ее?

– Увы, увы, – покачал головой Харпер. – Она заметит, даже если на счету не будет хватать одного несчастного цента. К сожалению, незапланированные расходы остались в прошлом. И кто только придумал этих роботов с их пристрастием к правде?!

– Я не возьму ее, – объявил Макензи. – Не возьму, и все. Она же изведет меня рассуждениями о правилах Компании. И потом, за ней наверняка увяжется Энциклопедия, а у нас и без того возникнет достаточно хлопот с ружейными деревьями, электровиноградом и прочими прелестями, чтобы тащить с собой ученую капусту и напичканную законами жестянку!

– Тебе придется взять ее, – возразил Харпер. – Теперь при заключении сделок с абorigенами обязательно должны присутствовать роботы – чтобы никому не вздумалось ущемить права туземцев. Кстати говоря, сам виноват. Если бы ты не вел себя как осел с Алым Солнцем, Компания и пальцем бы не шевельнула.

– Я всего лишь сохранил Компании деньги, – запротестовал Макензи.

– Ты ведь знал, что стандартная цена за симфонию – два бушеля удобрений, – оборвал его Харпер. – Тем не менее Кадмар недосчитался половины бушеля.

– Да ему-то было без разницы! – воскликнул Макензи. – Он только что не расцеловал меня за полтора бушеля.

– В общем, – проговорил Харпер, – Компания решила, что лукавить не годится, пусть даже ты имеешь дело всего-навсего с деревом.

– Чертова инструкция, – вздохнул Макензи.

– Значит, Нелли едет с тобой, – подытожил Харпер, окинув Макензи изучающим взглядом. – Если что забудешь, обращай к ней: она подскажет.

Человек, которого на Земле знали под именем Дж. Эджертона Уэйд, притаился на вершине невысокого холма, полого спускавшегося в Чашу Гармонии. Тусклое алое солнце клонилось к багровому горизонту; скоро должен был начаться вечерний концерт. Уэйд надеялся вновь услышать чудесную симфонию Олдера. Подумав о ней, он задрожал от восторга и от мысли о том, что солнце вот-вот зайдет и наступят холодные сумерки.

Живого одеяла у него не было. Контейнер с пищей, оставшийся в крохотной пещерке под утесом, почти опустел. Пополнения запасов не предвиделось: Уэйд давно уже собрал все, что уцелело после катастрофы. Звездолет, на котором он прилетел с Земли, разбился при посадке и превратился в груды покореженного металла. С того времени миновал без малого год, и Уэйд сознавал, что скоро испытаниям придет конец. Впрочем, как ни странно, ему было все равно. Он прожил этот год в мире красоты и благозвучия, слушая из вечера в вечер грандиозные концерты. Их очарование было столь велико, что смерть представлялась чем-то совсем не страшным.

Уэйд посмотрел на долину, что образовывала Чашу. Стройные ряды деревьев производили впечатление искусственных насаждений. Возможно, так оно и было; возможно, их посадило некое разумное существо, обожавшее, как и он сам, слушать музыку. Правда, подобная гипотеза не выдерживала никакой критики. Здесь не было ни намека на развалины древних городов, ни признака иной цивилизации – в земном смысле этого слова, а потому вряд ли кто приложил руку к планировке долины, к преобразованию ее в Чашу. Однако откуда же тогда взялись загадочные письмены на отвесном склоне утеса, над пещеркой, в которой ютился Уэйд? Таинственные символы не имели ни малейшего сходства с любыми из виденных им прежде. Может статься, сказал он себе, их вырезали в камне какие-нибудь инопланетяне, прилетевшие сюда вроде него – насладиться музыкой – и нашедшие тут свою смерть.

Уэйд покачался на пятках, чтобы размять ноги, уставшие от долгого сидения на корточках. Может, ему тоже нацарапать что-нибудь на утесе? Ни дать ни взять – книга записи приезжающих. А что, неплохая идея. Одинокое имя на одинокой скале – единственном надгробии, которое ему, похоже, суждено обрести. Ладно, скоро зазвучит музыка, и тогда он забудет о пещерке, о скудных остатках еды, о корабле, что уже не доставит его на Землю, даже если бы он того захотел. Но он не хочет! Он не может вернуться! Чаша зачаровала его, он словно угодил в невидимую паутину. Уэйд знал, что без музыки погибнет. Она стала неотъемлемой частью

его существования. Забрать ее – останется шелуха, пустая скорлупа; музыка теперь составляла смысл жизни Уэйда, проникла в его плоть и кровь, объединила в себе все прежние побуждения и устремления.

В Чаше пока царила тишина. Возле каждого дерева возвышался приземистый бугорок, нечто вроде подиума для дирижера, а рядом виднелись черные зевы туннелей. Дирижеры прятались внутри, дожидаясь назначенного часа, отдыхали, поскольку принадлежали к животной форме жизни. Деревьям же отдыха не требовалось. Они никогда не спали и не ведали усталости, эти серые музыкальные деревья, которые пели под вечерним небом о давно минувших днях и о тех, что уже не наступят, о поре, когда сигма Дракона была ослепительно яркой звездой, и о времени, когда она обратится в космическую пыль. Они пели об этом и о многом другом, чего землянину не дано было постичь; он мог лишь чувствовать и томиться желанием понять. Пение деревьев будило странные мысли, переворачивало рассудок, заставляло ощущать то, чему не существовало названия ни в одном из человеческих языков. Чужие мысли, чужие эмоции, которые, однако, овладевали человеком, подчиняли его себе, запечатлевались, непознанные, в душе и сознании...

Если рассуждать с технической точки зрения, пели, разумеется, не сами деревья. Уэйд знал о том, но предпочитал не задумываться. Ему было удобнее считать, что поют они. Он редко отделял музыку от деревьев и намеренно забывал о крошечных существах, что обитали внутри стволов и творили волшебство, используя деревья для улучшения звучания. Существа? Ну да, существа – возможно, колонии насекомых или нимфы, духи, феи – словом, персонажи детских сказок. Хотя какие там духи? Он вышел из того возраста, когда верят в духов.

Существа, как их ни называй, играли каждое как бы на своем инструменте, повинувшись мысленным указаниям дирижеров, а те выдумывали музыку, сочиняли ее в голове и представляли для исполнения.

И почему размышления губят красоту, спросил себя Уэйд. Нет, лучше не думать, а просто принимать ее как данное, наслаждаясь, и не искать объяснений.

Сюда порой заглядывали люди, агенты торговой компании, обосновавшейся на планете. Они записывали музыку и уходили. Уэйд не понимал, откуда у человека, слышавшего пение деревьев, брались силы уйти из Чаши. Он смутно припомнил разговоры о сыворотке, приглушавшей восприятие; якобы она делала людей нечувствительными к музыке, устанавливала некое подобие иммунитета. Уэйд невольно содрогнулся. Какое кощунство! Впрочем, разве запись музыки для того, чтобы ее потом могли исполнять земные оркестры, – не кощунство? Зачем нужны оркестры, когда музыка звучит здесь из вечера в вечер? Если бы только меломаны Земли услышали чарующие звуки, плывущие над древней Чашей!

Завидев людей, Уэйд обычно прятался. С них станется забрать его с собой, разлучить с музыкальными деревьями!

Слабый ветерок донес непривычный звук, звук, которому здесь поистине не было места, – звяканье металла о камень. Уэйд привстал, пытаясь определить источник звука. Шум повторился; он раздавался на дальней стороне Чаши. Уэйд заслонил глаза от солнца и вгляделся в наползающие сумерки.

Чужаков было трое. Одного Уэйд сразу же причислил к землянам, тут не приходилось и сомневаться; двое других отдаленно напоминали жуков. Их хитиновые панцири поблескивали в последних лучах сигмы Дракона, головы походили на оскалившиеся в ухмылке черепа. Оба чудовища надели на себя нечто вроде упряжи, с которой свешивались то ли инструменты, то ли оружие.

Грумбриджиане! Но что общего может быть у грумбриджиан с человеком? Ведь две расы вели затяжную торговую войну, не останавливаясь, когда конкуренция слишком уж обострялась, перед неприкрытым насилием!

Что-то сверкнуло на солнце, вонзилось в почву, поднялось и вонзилось снова. Дж. Эджер-тон Уэйд замер, не веря собственным глазам. Невероятно, нет, нет! Троица на дальней стороне Чаши выкапывала музыкальное дерево!

Лоза возникла из шелестящего моря травы, осторожно растопырила щупальца, протянула их к жертве. Гнусная тварь появилась буквально ниоткуда. Она надвигалась медленно и неотвратно, не отвлекаясь на изучение местности, начисто игнорируя возможность неожиданной контратаки. Ее действия обескураживали: таким образом по поверхности этой планеты никто не передвигался. На мгновение она застыла, словно в сомнении: стоит ли нападать на того, кто кажется столь уверенным в себе? Однако сомнение не устояло перед предвкушением поживы, которое и заставило растение выползти из логова в чаще ружейных деревьев. Лоза затрепетала; ее пьянили вибрации, проникавшие по щупальцам. Мало-помалу трепет сошел на нет, растение напряглось, готовясь к схватке. Только бы ухватиться, только бы достать... Жертва между тем приближалась. На единый миг лозе почудилось, что растение окажется чересчур большим, но тут жертва вильнула, ее слегка подкинуло на кочке, и лоза прыгнула вперед, вцепилась, свернулась и потащила, поволокла на себя, пустив в ход всю крепость своего тела протяженностью в добрых четверть мили.

Дон Макензи ощутил рывок, наддал газу и бешено закрутил «баранку». Вездеход завертелся волчком, стараясь вырваться из ловушки. Брэдфорт Смит издал сдавленный вопль и нырнул за энергоизлучателем, который вылетел из кобуры и покатился по полу кабины. Нелли отшвырнуло в угол, где она и лежала, задрав кверху ноги. Энциклопедия в решающий момент умудрился обвиться стержневым корнем вокруг тянувшейся под потолком трубы и повис на ней, похожий одновременно на маятник и на привязанную за лапу черепаху.

Звякнуло стекло, послышался металлический скрежет – Нелли кое-как ухитрилась подняться. Вездеход встал на дыбы, из-под гусениц летели в разные стороны громадные комья земли.

– Лоза! – крикнул Смит.

Макензи кивнул. Плотно сжав губы, он пытался овладеть положением. Снаружи мелькали щупальца; растение обхватывало машину тугими кольцами. Что-то врезалось в лобовое стекло и рассыпалось облачком пыли – похоже, здешние ружейные деревья не страдали сбитостью прицела.

Макензи немного сбросил обороты, развернул вездеход так, чтобы лоза провисла, а затем надавил на педаль и направил машину прочь от леса. Лоза яростно извивалась в воздухе. Макензи был уверен: если разогнаться до приличной скорости и ударить с маху в натянутую лозу, та не выдержит и лопнет. Состязаться же, кто кого пересилит, было чистым безумием – вцепившаяся в жертву лоза обладала прочностью стали.

Смит исхитрился опустить боковое стекло и палил теперь из излучателя. Машину бросало из стороны в сторону, скорость все возрастала, пули ружейных деревьев так и свистели вокруг. Макензи рявкнул на Смита. Столкновения следовало ожидать в любую секунду – вездеход двигался по широкой дуге, неумолимо приближаясь к тому месту, откуда началась сумасшедшая гонка. Удар! Макензи кинуло на лобовое стекло; он каким-то чудом инстинктивно успел выставить перед собой руки. В его мозгу словно вспыхнуло пламя, затем наступила темнота, прохладная, успокаивающая... Он подумал, что все будет в порядке, все... все...

Едва очнувшись, он убедился, что до порядка далеко. Над ним нависало нечто невообразимое. Долгие секунды он лежал не шевелясь, даже не пытаясь сообразить, что произошло, потом двинул ногой и тут же вскрикнул от боли. Он медленно согнул ногу в колене; затрещала ткань, брючина порвалась, и сразу стало легче: нога оказалась вне досягаемости зазубренного куска железа.

– Лежи спокойно, – велел чей-то голос, исходивший будто изнутри его тела.

– Выходит, ты цел, – хмыкнул Макензи.

– Конечно цел, – отозвался Никодим. – А вот ты заработал кучу синяков и пару царапин. Вдобавок тебе не избежать головной...

Никодим не закончил фразы, ему было некогда. Сейчас он заменял бригаду «скорой помощи» – подпитывал Макензи энергией, излечивая тем самым синяки, царапины и прочие неприятные последствия крушения. Макензи принялся разглядывать хаос у себя над головой.

– Интересно, как мы отсюда выберемся? – проговорил он.

Внезапно обломки задрожали, затряслись, один из них оторвался от общей массы, упал и оцарапал Макензи щеку. Дон выругался без особого энтузиазма. Кто-то окликнул его по имени. Он ответил. Обломки разлетелись в разные стороны. Длинные металлические руки схватили Макензи за плечи и выволокли наружу.

– Спасибо, Нелли, – проговорил он.

– Заткнись, – бросила Нелли.

Макензи ощущал слабость в коленках, а потому вставать не рискнул. Он осторожно уселся и посмотрел на вездеход. Тот смело можно было списывать в утиль, поскольку он наскочил на полном ходу на валун и превратился в грудку металла. Сидевший неподалеку Смит захихикал.

– Что с тобой? – буркнул Макензи.

– Выдрали с корнем! – воскликнул Смит. – Раз – и готово! Эта лоза уже никому не страшна.

Макензи недоверчиво огляделся по сторонам. Лоза лежала на земле, вся какая-то обмякшая и, без сомнения, мертвая. Ее щупальца по-прежнему цеплялись за обломки вездехода.

– Она выдержала! – изумился Макензи. – Мы ее не порвали!

– Верно, – согласился Смит, – не порвали, но какая тебе разница?

– Нам повезло, что она не была электрической, – проговорил Макензи, – иначе – поминай как звали.

– Да уж, – мрачно кивнул Смит. – Она и так наделала дел. Вездеход разбился в лепешку, а до дома две тысячи миль.

Нелли вынырнула из обломков машины с Энциклопедией под мышкой и радиопередатчиком в кулаке. Она швырнула спасенных на землю. Энциклопедия откатился на несколько футов, внедрился корнем в почву и очутился в родной стихии. Нелли повернулась к Макензи.

– Я сообщу обо всем, будь уверен, – заявила она. – Ты разбил новую машину! Тебе известно, сколько стоит такой вездеход? Ну конечно, конечно нет. Тебя это не интересует! Надо же было додуматься! Эка невидаль, вездеход! Компания ведь не обеднеет, правда? Ты никогда не задавался вопросом, кто тебе платит? На месте руководства я бы заставила тебя оплатить покупку вездехода из собственного кармана, вплоть до последнего цента!

– Слушаю я, слушаю, – сообщил Смит, не сводя глаз с Нелли, – и так меня и подмывает выбрать молот поувесистей и задать тебе хорошую взбучку.

– Точно, – поддержал приятеля Макензи. – Сдается мне, Компания еще наплачется с этими роботами.

– Не смейте говорить так! – взвизгнула Нелли. – По-вашему, я – машина, на которую можно не обращать внимания? Сейчас ты скажешь, что твоей вины тут нет, что все случилось само собой, да?

– Мы ехали в четверти мили от леса, – огрызнулся Макензи. – Откуда мне было знать, что эта тварь такая длинная?

– А Смит? – не унималась Нелли. – Зачем ему понадобилось сжигать ружейные деревья?

Мужчины дружно обернулись к лесу. Нелли ничуть не преувеличивала. Над немногими уцелевшими деревьями, которые выглядели так, словно побывали под артобстрелом, висел полупрозрачный дымок. Смит с деланным сожалением прищелкнул языком.

– Они стреляли в нас, – сказал Макензи.

– Ну и что? – грозно справилась Нелли. – В инструкции сказано...

– Знаю, знаю, – перебил Макензи, жестом призывая ее замолчать. – Правило семнадцать главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Никто из служащих Компании не имеет права применять оружие или каким другим способом причинять вред или угрожать причинением оною коренным жителям иных планет за исключением случаев самообороны, при том условии, что все прочие способы убеждения оказались недейственными».

– Мы должны возвратиться в факторию, – объявила Нелли. – Нам придется вернуться, хотя мы почти у цели. О ваших подвигах скоро станет известно всей планете! Мох, вероятно, уже распространяет новость. Надо окончательно спятить, чтобы выдергивать лозы и расстреливать ружейные деревья! Собирайтесь! Нужно идти, иначе мы никогда не доберемся до дома, потому что вся здешняя растительность ополчится на нас.

– Лоза виновата сама, – возразил Смит. – Она пыталась поймать нас, хотела украсть нашу машину, наверняка бы прикончила нас ради того, чтобы завладеть несколькими паршивыми унциями радия из двигателя. А радий наш, он принадлежит твоей ненаглядной Компании.

– Зря ты ей сказал, – заметил Макензи. – Теперь она будет вырывать лозу за лозой, налево и направо.

– А что, разумно, – одобрил Смит. – Будем надеяться, ей попадетя электрическая. Нелли, ты провоняешь женой краской.

– Что с передатчиком? – спросил Макензи.

– Готов, – лаконично ответила Нелли.

– А записывающее оборудование?

– Как будто в порядке.

– Колбы с сывороткой?

– Одна уцелела.

– Вот и хорошо, – проговорил Макензи. – Тащи сюда два мешка с удобрениями. Мы идем дальше. До Чаши Гармонии всего-навсего около пятидесяти миль.

– Никуда мы не пойдём, – заупрямилась Нелли. – Каждое дерево, каждая лоза...

– Вперед безопаснее, чем назад, – прервал Макензи. – Когда мы не выйдем на связь, Харпер поймет, что что-то произошло, и вышлет за нами флаер. – Он поднялся с земли и вынул из кобуры пистолет. – Тащи мешки. Если откажешься, расплавлю на месте.

– Ладно, ладно, – пошла на попятную Нелли, – вовсе незачем так волноваться.

– Еще одно слово, – прорычал Макензи, – и ты у меня схлопочешь.

По дороге они старались держаться открытой местности, избегали приближаться к рощам и лескам и настороженно поглядывали по сторонам. Макензи шел первым, за ним вприпрыжку ковылял Энциклопедия, следом шагала Нелли, нагруженная оборудованием и мешками с удобрениями. Замыкал шествие Смит. Одно ружейное дерево выстрелило в них, но расстояние было слишком велико. Раз позади разрядилась с треском электрическая лоза. Идти было тяжело. Густая трава сильно затрудняла движение. Невольно возникало впечатление, что приходится брести по воде.

– Вы пожалеете, – бормотала Нелли, – вы...

– Заткнись! – прикрикнул Смит. – В кои-то веки ты занимаешься тем, для чего и предназначены роботы, а не роешься в своих отчетах, проверяя, кому достался лишний цент!

Они подошли к холму. Начался утомительный подъем по травянистому склону. Внезапно тишину нарушил звук, похожий на тот, с каким рвется ткань. Они остановились и прислушались. Звук повторился, еще и еще.

– Выстрелы! – воскликнул Смит.

Мужчины, не сговариваясь, побежали вперед. Нелли устремилась следом. Мешки с удобрениями нещадно колотили ее по плечам.

Очувтившись на вершине, Макензи с первого взгляда оценил ситуацию.

Ниже по склону притаился за валуном человек, с отчаянностью обреченного выпускавший из пистолета пулю за пулей в сторону перевернутого кверху дном вездехода, за которым прятались трое – землянин и двое насекомоподобных существ.

– Грумми! – вырвалось у Смита.

Прицельный выстрел из-за машины снес верхушку валуна, за которым скрывался одиночка, вынудив того прильнуть к земле. Смит кинулся вниз, в направлении другого валуна, что находился наискосок от первого, на фланге троицы. Его заметили. Послышался крик, мелькнуло пламя, и не далее чем в десяти футах за спиной Смита в земле появилась дымящаяся борозда. Тут же последовал новый залп, на сей раз – в Макензи. Дон нырнул за кочку. Луч прошел у него над головой. Он прижался к траве, будто норовя внедриться в почву. Снизу донесли раздраженные восклицания грумбриджиан.

Макензи рискнул осмотреться. Он увидел, что вездеход – отнюдь не единственное транспортное средство в долине. Неподалеку стоял прицеп, к которому было привязано дерево. Щурясь от солнца, Макензи пытался разобраться, что к чему. Дерево, судя по всему, выкапывала опытная рука: под тряпкой, несомненно влажной, которой были обернуты корни, угадывались необитые комья земли. Прицеп наклонился набок, и потому дерево касалось макушкой травы, а корневище задралось высоко в воздух.

Смит яростно палил по вражескому лагерю, троица тоже не оставалась в долгу, отвечая шквальным огнем. Если так пойдет и дальше, подумалось Макензи, через минуту-другую они в буквальном смысле слова поджарят Смита. Выругавшись сквозь зубы, он высунулся из-за кочки и тщательно прицелился, жалея, что в руках у него пистолет, а не винтовка. Человек за валуном продолжал стрелять по вездеходу, но помощи от него ожидать не приходилось. Макензи понимал, что сражаться по-настоящему будут только они со Смитом.

Интересно, спросил он вдруг себя, где сейчас Нелли? Верно, мчится на всех парах в факторию. Ну и черт с ней! Макензи устроился поудобнее, готовясь присоединиться к перестрелке.

Но прежде, чем он успел нажать на курок, стрельба из-за вездехода прекратилась. Раздались истошные вопли. Грумбриджиане вскочили и бросились бежать, но тут что-то просвистело по воздуху, ударило одного из них в грудь и повергло на землю. Второй заметался, словно испуганный заяц, не зная, как ему поступить; пока он раздумывал, наступила развязка. Отзвук глухого удара достиг укрытия Макензи. Грумбриджианин повалился навзничь, и в этот миг Макензи заметил Нелли. Она поднималась по склону, прижимая левой рукой к груди кучу камней; правая же рука Нелли действовала с отлаженностью поршня. Один камень пролетел мимо цели и угодил в вездеход; окрест раскатилось звучное эхо.

Спутник грумми улепетывал во все лопатки, старательно увертываясь от снарядов Нелли. Отбежав на известное расстояние, он остановился и хотел было выстрелить в нее, однако на него вновь обрушился град камней. Он кинулся дальше, споткнулся, упал, выронил винтовку, кое-как поднялся и побежал снова, подвывая от ужаса. Живое одеяло на его плечах топорщилось таким крохотным парусом. Нелли метнула последний камень, а затем ринулась вдогонку.

Макензи гаркнул на нее, однако она не подчинилась и вскоре исчезла за гребнем холма. Беглецу было не уйти.

– Ты только погляди на Нелли! – вопил Смит. – Ну и задаст она ему жару, когда поймает!

– Кто он такой? – справился Макензи, протирая глаза.

– Джек Александер, – отозвался Смит. – Грант говорил, что он вернулся.

Человек, прятавшийся за валуном, вышел на открытое место и направился к своим спасителям. Он не имел живого одеяла, одежда его представляла собой лохмотья, а лицо заросло бородой чуть ли не по самые брови.

– Великолепный маневр, – заявил он, тыкая пальцем в сторону холма, за гребнем которого скрылась Нелли. – Ваш робот застал их врасплох.

– Если она потеряла мешки с удобрениями и записывающее оборудование, я ее расплаваю, – мрачно пообещал Макензи.

– Вы из фактории, джентльмены? – спросил незнакомец.

Они утвердительно кивнули.

– Моя фамилия Уэйд. Дж. Эджертон Уэйд...

– Секундочку, – перебил Смит. – Не тот самый Дж. Эджертон Уэйд? Не пропавший композитор?

– Именно он. – Человек поклонился. – Правда, насчет пропавшего... Я никуда не пропал, просто прилетел сюда и провел здесь целый год, наслаждаясь чудесной музыкой. – Он окинул их испепеляющим взглядом. – Я человек мирный, но, когда эти трое выкопали Делберта, я понял, что должен вмешаться.

– Делберта? – переспросил Макензи.

– Да, музыкальное дерево.

– Чертовы воришки, – проворчал Смит. – Наверняка надеялись спихнуть его на Земле. «Шишки» не пожалели бы никаких денег за удовольствие видеть у себя во дворе такое дерево!

– Мы подросли вовремя, – сказал Макензи. – Если бы им удалось улизнуть, вся планета вступила бы на тропу войны. Нам пришлось бы закрывать лавочку. Кто знает, когда бы мы сумели вернуться?

– Предлагаю посадить дерево обратно, – заявил Смит, потирая руки. – Из благодарности они отныне будут снабжать нас музыкой совершенно бесплатно, верно, Дон?

– Джентльмены, – заметил Уэйд, – хотя вами движут соображения наживы, они подсказывают вам правильное решение.

Земля под ногами задрожала, и люди резко обернулись. К ним подходила Нелли. У нее в руке болталось живое одеяло.

– Убежал, – сказала она, – зато я разжилась одеялом. Теперь вы, ребята, не сможете передо мной задаваться.

– Зачем тебе одеяло? – удивился Смит. – Ну-ка отдай его мистеру Уэйду. Слышишь? Я кому сказал?

– Почему вы все у меня отбираете? – Нелли, похоже, обиделась. – По-вашему, я не человек...

– Разумеется, – подтвердил Смит.

– Если ты отдашь одеяло мистеру Уэйду, я позволю тебе вести машину, – подольстился Макензи.

– Правда? – обрадовалась Нелли.

– Ну зачем вы так, – проговорил Уэйд, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Берите одеяло, – велел Макензи. – Оно вам необходимо. У вас такой вид, будто вы последние два дня голодали.

– Признаться, так оно и было.

– Оно вас накормит, – утешил Смит.

Нелли протянула одеяло композитору.

– Где ты научилась так ловко швыряться камнями? – поинтересовался Смит.

Глаза Нелли сверкнули.

– На Земле я входила в состав бейсбольной команды, – ответила она. – Играла подающего.

Машина Александра оказалась в полном порядке, не считая нескольких вмятин на бортах и разбитого лобового стекла, в которое пришелся первый выстрел Уэйда: стекло разлетелось вдребезги, а ошарашенный водитель заложил крутой вираж, закончившийся наездом на камень и сальто-мортале вездехода. Музыкальное дерево ничуть не пострадало, поскольку его корни находились в земле и были обвязаны вдобавок влажной мешковиной. В салоне вездехода, в укромном уголке, обнаружился Делберт, дирижер двух футов роста, сильнее всего

напоминавший вставшего на задние лапы пуделя. Оба грумбриджианина были мертвы: хитиновые панцири раскололись на кусочки от камней, пущенных меткой рукой Нелли.

Смит с Уэйдом забрались в вездеход и принялись готовиться к ночевке. Нелли в сопровождении Энциклопедии отправилась на поиски винтовки, брошенной впопыхах Александром. Макензи сидел на корточках, привалившись спиной к боку машины, и докуривал трубку; Никодим свернулся клубочком у него на плечах. Поблизости зашуршала трава.

– Нелли, – окликнул Макензи, – это ты?

Нелли неуверенно подошла к нему.

– Не сердись? – спросила она.

– Нет, не сержусь. Ничего не поделаешь, так уж ты устроена.

– Я не нашла винтовки.

– А ты запомнила, где Александр выронил ее?

– Естественно. Там пусто.

Макензи нахмурился. Выходит, Александр вернулся и вновь завладел оружием.

– Да, плохо дело. Он, того и гляди, начнет палить по нам. У него свои счета с Компанией, а после сегодняшней неудачи с ним лучше не сталкиваться. – Он осмотрелся. – Где Энциклопедия?

– Я улизнула от него, потому что хотела поговорить с тобой.

– Что ж, давай выкладывай.

– Он пытался прочесть мои мысли.

– Знаю. Наши он уже прочел, все до единой.

– Со мной у него ничего не вышло.

– Чего и следовало ожидать. Я, собственно, и не сомневался, что так оно и будет.

– Не смей потешаться надо мной! – воскликнула Нелли.

– Не горячись, Нелли, – проговорил Макензи. – Насколько мне известно, с твоим мозгом все в порядке. Возможно, он даст нашим сто очков вперед. Суть в том, что он – другой. Мы наделены мозгами от природы, которая не придумала ничего лучше для того, чтобы мыслить, оценивать и запоминать. Такой тип сознания Энциклопедии хорошо знаком. Но твой мозг для него в новинку. Искусственный интеллект, отчасти механический, отчасти электрический, химический, бог знает какой еще, – в конце концов, я не роботехник. Ни с чем подобным Энциклопедия прежде не встречался. Может статься, ты сбила его с толку. Кстати говоря, не поразила ли его наша цивилизация? Понимаешь, если на этой планете и существовала когда-нибудь истинная цивилизация, то она была какой угодно, но не механической. Тут нет ни следа механической деятельности, ни единого шрама из тех, какие машины обычно оставляют на поверхности планет.

– Я дурачу его, – сказала Нелли. – Он пытается проникнуть в мой мозг, а я читаю его мысли.

– То есть... – Макензи подался вперед, совершенно позабыв о потухшей трубке. – Почему же ты до сих пор молчала? Верно, радовалась жизни, вынюхивала, о чем мы думаем, и посмеивалась над нами исподтишка?!

– Нет, нет, – возразила Нелли, – честное слово, нет. Я даже не знала, что умею. Просто когда я почувствовала, что Энциклопедия забрался ко мне в голову, то рассердилась настолько, что готова была пришибить его на месте, но потом передумала и решила быть похитрее. Мне показалось, что если он может копаться в моем мозгу, то чем я хуже? Ну вот, я попробовала, и у меня получилось.

– И впрямь очень просто, – язвительно заметил Макензи.

– Мне как будто подсказали, что надо делать.

– Если бы парень, который тебя изобрел, узнал об этом, он перерезал бы себе горло.

– Мне страшно, – пробормотала Нелли.

– Отчего?

– Энциклопедия знает слишком много.

– Шок от контакта с инопланетянином, – поставил диагноз Макензи. – Урок на будущее: не связывайся с инопланетянами без предварительной подготовки.

– Дело не в том, – сказала Нелли. – Он знает то, чего ему не следовало бы знать.

– Насчет нас?

– Нет, насчет мест, до которых земляне еще не добрались, и все такое прочее, до чего никак не мог прийти собственным умом.

– Например?

– Например, математические уравнения, ни капельки не похожие на те, что известны нам. Откуда он узнал их, если провел всю жизнь на этой планете? Чтобы пользоваться такими уравнениями, нужно даже лучше землян разбираться в природе пространства и времени. Кроме того, он напичкан философией, всякими идейками, что поначалу представляются попросту бредовыми, но от которых, стоит вообразить себе тех, кто придумал их, голова идет буквально кругом.

Макензи достал кيسет, заново набил трубку и раскурил ее.

– Ты хочешь сказать, что Энциклопедия побывал в мозгах других существ, прилетавших сюда?

– По-моему, такое вполне возможно, – отозвалась Нелли. – Мало ли что могло случиться в прошлом? Энциклопедия ведь очень старый. Он уверяет, что практически бессмертен, умрет только тогда, когда во Вселенной не останется ни единого непознанного явления. Мол, если нечего станет узнавать, зачем жить дальше?

Макензи постучал черенком трубки по зубам.

– Похоже на правду, – заметил он. – Я про бессмертие. С физиологической точки зрения растениям жить куда проще, чем животным. При надлежащей заботе они и впрямь могут цвести себе до скончания времен.

На склоне холма зашелестела трава. Макензи замолчал и сосредоточился на трубке. Нелли присела на корточки поблизости от него. Энциклопедия величаво спустился с холма, подобрался к вездеходу и вонзил свой корень в почву, решив, как видно, подкрепиться на сон грядущий. От его напоминавшей раковину спины отражался звездный свет.

– Я так понимаю, ты собираешься с нами на Землю? – спросил Макензи, чтобы завязать разговор.

Ответом ему была четкая, отточенная мысль, как бы пронизавшая мозг:

– Я бы не отказался. Ваша раса интересует меня.

Попробуй поговори с таким, подумалось Макензи. Как тут не растеряться, когда тебе отвечают не вслух, а мысленно?

– Что ты думаешь о нас? – справился он и немедленно ощутил всю бестолковость подобного вопроса.

– Я знаю о вас очень мало, – заявил Энциклопедия. – Вы создали искусственную жизнь, а мы живем естественной. Вы подчинили себе все силы природы, которыми смогли овладеть. На вас трудятся машины. Судя по первому впечатлению, вы потенциально опасны.

– Что хотел, то и получил, – пробормотал Макензи.

– Не понимаю.

– Забудем, – отмахнулся человек.

– Ваша беда, – продолжал Энциклопедия, – в том, что вы не знаете, куда движетесь.

– Так в том-то вся прелесть! – воскликнул Макензи. – Господи, да если бы мы знали, куда идем, жить было бы скучнее скучного. А так – ты только представь: за каждым углом, за каждым поворотом – новый сюрприз, новое приключение!

– Знание цели имеет свои преимущества, – возразил Энциклопедия.

Макензи выбил трубку о каблук башмака, затем затоптал угольки.

– Значит, ты нас раскусил?

– Ни в коем случае, – отозвался Энциклопедия. – Это лишь первое впечатление.

Понемногу светало. Музыкальные деревья выглядели такими кособокими серыми призраками. Все дирижеры, за исключением тех, которые не пожелали отказаться от сна даже ради землян, сидели на своих подиумах, черные и мохнатые, как бесы. Делберт восседал на плече Смита, вцепившись когтистой лапой ему в волосы, чтобы не потерять равновесия. Энциклопедия таялся позади всех. Уэйд шагал во главе маленького отряда, показывая дорогу к подиуму Олдера.

Чашу наполняли обрывки мыслей, излучаемых сознаниями дирижеров. Макензи ощущал, как эти чужеродные мысли норовят проникнуть в его мозг, и почувствовал, что волосы на затылке встают дыбом. Мысли шли не единым потоком, а разрозненно, как будто дирижеры сплетничали между собой.

Желтые утесы стояли часовыми над долиной; чуть выше тропы, что вела вниз, маячил вездеход, похожий в лучах восходящего солнца на огромного оседланного жука.

Олдер, малопривлекательный на вид гномик с кривыми ножками, поднялся с подиума, приветствуя гостей. Поздоровавшись, земляне уселись на корточки. Делберт с высоты своего положения на плече Смита состроил Олдеру гримасу. Некоторое время все молчали; затем Макензи, решив обойтись без формальностей, произнес:

– Мы освободили Делберта и привели его обратно.

– Он нам не нужен, – нахмурился Олдер, в его мыслях сквозило отвращение.

– То есть как? – изумился Макензи. – Он же один из вас... Нам пришлось изрядно потрудиться...

– От него сплошные неприятности, – объявил Олдер. – Он никого не уважает, ни с кем не считается, все делает по-своему.

– Вы лучше на себя посмотрите! – вмешался Делберт. – Тоже мне, музыканты! Вы злитесь на меня из-за того, что я – другой, что мне плевать...

– Вот видите, – сказал Макензи Олдер.

– Вижу, – согласился тот. – Впрочем, новые идеи рано или поздно обретают ценность. Возможно, он...

Олдер ткнул пальцем в Уэйда.

– С ним все было в порядке, пока не появился ты! Ты заразил его своими бреднями! Твои глупейшие рассуждения о музыке... – Олдер запнулся, вероятно, от избытка чувств, потом продолжил: – Зачем ты пришел? Кто тебя звал? Что ты лезешь не в свое дело?

Уэйда, казалось, вот-вот хватит удар.

– Меня ни разу в жизни так не оскорбляли, – прорычал он и стукнул себя кулаком в грудь. – На Земле я сочинял Музыку с большой буквы! Я никогда не...

– Убирайся в свою нору! – крикнул Олдеру Делберт. – Вы все понятия не имеете о том, что такое музыка. Пиликаете изо дня в день одно и то же, нет чтобы выбиться из колеи, сменить кожу, перестроиться. Дурни вы старые, пни замшелые!

– Какой язык! – воскликнул Олдер, в ярости потрясая над головой сжатыми кулаками. – Да как ты смеешь!..

Чашу захлестнула мысленная волна злобы.

– Тихо! – гаркнул Макензи. – Кому говорят, ну-ка тихо!

Уэйд перевел дух, его лицо сделалось чуть менее багровым. Олдер присел на корточки и постарался принять невозмутимый вид. Мысли остальных перешли в неразборчивое бормотание.

– Вы уверены? – спросил Макензи. – Уверены, что не хотите возвращения Делберта?

– Мистер, – ответил Олдер, – мы были счастливы, когда узнали, что его забрали.

Другие дирижеры поддержали это заявление одобрительными возгласами.

– По правде сказать, мы не прочь избавиться кое от кого еще, – прибавил Олдер.

С дальнего конца Чаши долетела мысль, содержавшая в себе откровенную издевательскую насмешку.

– Судите сами, можно ли ужиться с такими, – Олдер пристально поглядел на Макензи. – А все началось из-за... из-за... – Так и не найдя подходящего эпитета для Уэйда, он снова сел; возбуждение миновало, и мысли потекли с прежней четкостью: – Если они покинут нас, мы будем искренне рады. Из-за них у нас постоянные склоки. Мы не можем сосредоточиться, не можем как следует настроиться, не можем исполнять музыку так, как нам того хочется.

Макензи сдвинул шляпу на затылок и почесал лоб.

– Олдер, – заявил он наконец, – сдается мне, каша у вас тут заварилась нешуточная.

– Мы были бы весьма признательны, если бы вы забрали их, – сказал Олдер.

– За милую душу! – воскликнул Смит. – С превеликим удовольствием! Столько, сколько... – Макензи пихнул его локтем в бок, и Смит заткнулся.

– Мы не можем забрать деревья, – ядовито сообщила Нелли. – Это не допускается законом.

– Законом? – изумился Макензи.

– Да, правилами Компании. Или тебе неизвестно, что Компания разработала правила поведения для своих служащих? Ну разумеется, подобные вещи тебя не интересуют.

– Нелли, – рявкнул Смит, – не суй нос не в свое дело! Мы всего-навсего собираемся оказать Олдеру незначительную услугу...

– Которая запрещается правилами, – перебила Нелли.

– Точно, – со вздохом подтвердил Макензи. – Раздел тридцать четыре главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Служащим Компании возбраняется вмешиваться во внутренние дела других рас».

– Совершенно верно. – Судя по тону, Нелли гордилась собой. – Помимо всего прочего, если мы заберем деревья, то окажемся втянутыми в ссору, к которой не имеем никакого отношения.

– Увы, – сказал Макензи Олдеру, разводя руками.

– Мы дадим вам монополию на нашу музыку, – искушал Олдер. – Будем извещать вас всякий раз, как только у нас появится что-либо свеженькое. Мы обещаем не вести переговоров с группами и продавать музыку по разумной цене.

– Нет, – покачала головой Нелли.

– Полтора бушеля вместо двух, – предложил Олдер.

– Нет.

– Заметано, – воскликнул Макензи. – Показывай, кого забирать.

– Я не понимаю, – возразил Олдер. – Нелли говорит «нет», вы – «да». Кому верить?

– Нелли может говорить что угодно, – хмыкнул Смит.

– Я не позволю вам забрать деревья, – сказала Нелли, – не позволю, и все.

– Не обращайтесь на нее внимания, – посоветовал Макензи. – Ну, от кого вам не терпится избавиться?

– Мы благодарим вас, – произнес Олдер.

Макензи поднялся и огляделся по сторонам.

– Где Энциклопедия? – спросил он.

– Удрал к машине, – ответил Смит.

Макензи посмотрел на холм: Энциклопедия быстро поднимался по тропе, что вела к гребню.

Все происходящее казалось не слишком реальным, вывернутым шиворот-навыворот, словно на планете разыгрывались сценки из той старой детской книжки, которую написал человек по имени Кэрролл. Шагая по тропе, Макензи думал о том, что, может быть, стоит ущипнуть себя – глядишь, он проснется, и мир встанет с головы на ноги. Он-то надеялся всего-навсего успокоить аборигенов, вернуть им музыкальное дерево в знак мирных намерений землян, а вышло так, что ему предлагают забрать это дерево обратно, в придачу к нескольким другим. Нет, что-то тут не совсем так, вернее, совсем не так, но вот что именно? Впрочем, какая разница? Надо забирать деревья и уматывать, пока Олдер и его приятели не передумали.

– Забавно, – проговорил шедший следом Уэйд.

– Да уж, – согласился Макензи, – забавнее некуда.

– Я понимаю деревья, – пояснил Уэйд. – Знаете, Делберт и прочие изгнанники – они ничем не отличаются от остальных. Я слушал концерты много раз и готов поклясться: ни малейшим отступлением от канонов там и не пахло.

Макензи остановился, обернулся и схватил Уэйда за руку.

– То есть Делберт играл как все?

Уэйд кивнул.

– Неправда! – воскликнул Делберт, по-прежнему восседавший на плече Смита. – Я не желал играть как все! Мне всегда хотелось добиться известности! Я выпекал вещь за вещью, выкладывая их на блюдечки с каемочками, получалось до того здорово, что самому хотелось слопать!

– Где ты набрался этого жаргона? – справился Макензи. – Никогда ничего подобного не слышал.

– У него. – Делберт показал на Уэйда.

Тот покраснел и выдавил:

– Доисторический язык, им пользовались в двадцатом веке. Я прочитал о нем в исследовании по истории музыки. Там приводился словарь... Понимаете, термины были настолько необычными, что сами собой засели в памяти...

Смит облизал губы и присвистнул.

– Выходит, Делберт позаимствовал жаргон из ваших мыслей. Принцип тот же, что и у Энциклопедии, а вот результат похуже.

– Ему не хватает разборчивости Энциклопедии, – объяснил Макензи. – К тому же откуда он мог знать, что говорит на языке прошлого?

– Меня подмывает свернуть ему шею, – признался Уэйд.

– Не вздумайте, – предостерег Макензи. – Я согласен, сделка кажется подозрительной, но семь музыкальных деревьев – это вам не какая-нибудь ерунда. Лично я отступить не намерен.

– По-моему, – заметила Нелли, – вам не следовало связываться с ними.

– Да что с тобой, Нелли? – полюбопытствовал Макензи, хмуря брови. – С какой стати ты принялась там, внизу, рассуждать о законе? Правила правилами, но ведь на все случаи жизни они не годятся. Ради семи музыкальных деревьев Компания легко поступится парочкой правил, уверяю тебя. Ты догадываешься, как нас встретят дома? Чтобы послушать их, нам станут отваливать по тысяче баксов с носа, и придется выставлять оцепление, чтобы толпа не слишком напирала!

– А главное то, – прибавил Смит, – что народ будет приходить снова и снова. Чем дольше люди будут слушать музыку, тем сильнее она их заденет. Мне кажется, меломания превратится в одержимость. Найдутся такие, которые пойдут на что угодно, лишь бы еще разок услышать, как поют деревья.

– Вот единственное, чего я, кстати говоря, опасаясь, – вздохнул Макензи.

– Я вас предупредила, – отозвалась Нелли. – Мне известно не хуже вашего, что в такой ситуации правилами обычно пренебрегают. Просто в мыслях дирижеров сквозила насмешка.

Они вели себя, как уличные сорванцы, которые потешаются над тем, кого только что одурачили.

– Бред, – фыркнул Смит.

– Так или иначе, сделка состоится, – заявил Макензи. – Если мы упустим такую возможность, нас потом четвертуют.

– Ты собираешься связаться с Харпером? – спросил Смит.

– Нужно договориться с Землей, чтобы за деревьями прислали корабль.

– На мой взгляд, – буркнула Нелли, – мы сами себя сажаем в лужу.

Макензи щелкнул переключателем, и экран видеофона потемнел. Убедить Харпера оказалось нелегко. Впрочем, Макензи понимал шефа. В такое и впрямь верится с трудом. Но с другой стороны, здесь все не так, как положено.

Макензи извлек из кармана кисет и трубку. Нелли наверняка заартачится, когда ей велют выкопать остальные шесть деревьев, но ничего, переживет. Нужно торопиться, запасы сыворотки на исходе, осталась всего одна колба.

Внезапно снаружи раздались возбужденные крики. Макензи единым движением сорвался с кресла и выскочил в люк – и чуть было не врезался в Смита, который выбежал из-за машины. Уэйд, который находился у подножия утеса, спешил к товарищам.

– Ну Нелли дает! – воскликнул Смит. – Ты погляди на нее!

Нелли приближалась к вездеходу размеренным шагом, волоча за собой нечто, судорожно дрыгавшееся и сопротивлявшееся. Роца ружейных деревьев дала залп по роботу, одна пуля угодила Нелли в плечо, на долю секунды лишив ее равновесия. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что нечто на деле – Энциклопедия. Нелли тащила его за корень; бедное растение пересчитывало собственным телом все кочки, какие только попадались на пути.

– Отпусти его! – крикнул Макензи. – Отпусти немедленно!

– Он украл сыворотку, – заявила Нелли, – и разбил колбу о скалу.

Она швырнула Энциклопедию под ноги людям. Тот несколько раз подпрыгнул, как мячик, откатился в сторону, принял вертикальное положение и замер, надежно спрятав корень под собой.

– Я душу из тебя вышибу! – Смит, похоже, не собирался шутить. – Ты же знал, что сыворотка нам необходима!

– Вы угрожаете мне насилием, – произнес Энциклопедия, – что является наиболее примитивным методом убеждения.

– Зато всегда срабатывает, – сообщил Смит.

Если Энциклопедия и испугался, это никак не отразилось на течении его мыслей, как обычно сформулированных весьма определенным образом.

– Ваш закон запрещает применять насилие или угрожать им инопланетным формам жизни.

– Приятель, – хмыкнул Смит, – есть такая поговорка: «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло». На то и правила, чтобы из них существовали исключения.

– Минуточку, – вмешался Макензи и спросил Энциклопедию: – Что такое, по-твоему, закон?

– Правила поведения, которые необходимо соблюдать. Вы не можете нарушить их.

– Чувствуется влияние Нелли, – пробормотал Смит.

– То есть ты считаешь, что мы не можем забрать деревья, раз закон запрещает нам сделать это?

– Не можете, – подтвердил Энциклопедия.

– Едва до тебя дошло что к чему, ты стащил у нас сыворотку. Молодец, ничего не скажешь.

– Он рассчитывал одурачить нас, – объяснила Нелли, – если хотите, облапошить – в общем, использовать в своих целях. Насколько я поняла, он украл сыворотку для того, чтобы нам нечем было защищаться от музыки. А потом, вдоволь наслушавшись, мы бы забрали деревья.

– Наплевав на закон?

– Именно. Наплевав на закон.

– Что за ерунду ты порешь? – напустился на робота Смит. – Откуда тебе известно, что он там замышлял?

– Я прочла его мысли, – ответила Нелли. – Он прятал их ото всех, но, когда ты пригрозил ему, часть истины выплыла наружу.

– Нет! – воскликнул Энциклопедия. – Нет, не ты, не машина!

– Извини, дружище, – фыркнул Макензи, – но ты ошибаешься.

Смит ошеломленно уставился на товарища.

– Правда, правда, – заверил его Макензи. – Мы не блефуем. Нелли рассказала мне вчера вечером.

– Вас неправильно информировали, – отбивался Энциклопедия. – Вы неверно истолковываете факты...

– Не верь ему, – произнес тихий голос, прозвучавший, как почудилось Макензи, у него в голове. – Не слушай, он все врет.

– Никодим! Ты что, что-то знаешь?

– Дело в деревьях, – сказал Никодим. – Музыка изменяет тебя, и ты становишься не таким, каким был раньше. Уэйд уже изменился, хотя и не подозревает о том.

– Если вы хотите сказать, что музыка завораживает, я согласен с вами, – проговорил Уэйд. – Я не могу жить без нее, не могу покинуть Чашу. Возможно, вы, джентльмены, полагали, что я отправлюсь с вами. К сожалению, ничего не получится. Я не могу уйти отсюда. Подобное может произойти с любым человеком. У Александра, когда он был здесь, неожиданно закончилась сыворотка. Врачи поставили его на ноги, однако он вернулся, потому что должен был вернуться, просто-напросто должен.

– Перемена заключается не только в этом, – возразил Никодим. – Музыка подчиняет человека настолько, что изменяет образ мышления, переиначивает жизненные ценности.

– Ложь! – вскричал Уэйд, делая шаг вперед. – Я остался таким, каким был!

– Вы слушаете музыку, – сказал Никодим, – улавливаете в ней то, чего не передать словами, то, что стремитесь, но не можете постичь. Вас томят неосознанные желания, вам в голову приходят странные мысли.

Уэйд замер с раскрытым ртом и вытаращился на Макензи.

– Так и есть, – прошептал он, – ей-богу, так и есть. – Он принялся озираться по сторонам с видом загнанного животного. – Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я человек, я мыслю как человек, веду себя как человек!

– Разумеется, – подтвердил Никодим. – Они боялись вас спугнуть. Ощути вы, что с вами творится что-то неладное, вы наверняка постарались бы выяснить, что тому причиной. И потом, вы провели тут меньше года. Через пять лет вы отвернулись бы от людей, а через десять начали бы мало-помалу превращаться в нечто совершенно иное.

– А мы-то собирались везти деревья на Землю! – воскликнул Смит. – Целых пять штук! Помнишь, Дон? Чтобы земляне слушали их музыку, вечер за вечером, вживую и по радио. Ничего себе положеньице: семь деревьев изменяют мир!

– Но зачем? – проговорил потрясенный Уэйд.

– А зачем люди одомашнивают животных? – ответил вопросом на вопрос Макензи. – У животных о том спрашивать бесполезно, они не знают. Справляться у собаки, почему ее одомашнили, все равно что интересоваться тем, с какой стати деревьям вздумалось приручить

нас. Несомненно, они преследуют какую-то цель, и она для них вполне ясна и логична. Для нас же она, скорее всего, не станет таковой никогда.

– Никодим, – от мысли Энциклопедии веяло могильным холодом, – ты предал своих сородичей.

– Ты снова ошибаешься, – заметил Макензи с коротким смешком. – Никодим уже не растение, он – человек. С ним случилось то самое, что ты прочил для нас. Он стал человеком во всем, кроме разве что внешнего вида. Он мыслит как человек, разделяет не ваши, а наши убеждения.

– Правильно, – сказал Никодим. – Я человек.

Внезапно из зарослей кустарника в сотне ярдов от вездехода вырвалось ослепительное пламя, раздался треск раздираемой материи. Смит издал нечленораздельный вопль. На глазах у пораженного Макензи он пошатнулся, прижал руку к животу, словно переломился пополам, и рухнул на землю. Лицо его исказила гримаса боли.

Нелли устремилась к зарослям. Макензи нагнулся над Смитом.

Смит криво усмехнулся. Губы его зашевелились, но слов слышно не было. Неожиданно он весь обмяк, дыхание сделалось замедленным и прерывистым. Живое одеяло накрыло собой рану. Макензи выпрямился и вынул из кобуры пистолет. Засевший в кустарнике стрелок, завидев несущегося на него робота, вскочил и вскинул винтовку. Макензи страшно закричал и выстрелил, не целясь. Он промахнулся, зато чуть ли не половину зарослей охватило пламя. Стрелок пригнулся, и тут подросла Нелли. Она подхватила его на руки и с размаху швырнула на землю, остальное скрыл дым. Макензи, уронив руку с пистолетом, тупо прислушивался к доносившимся из зарослей глухим ударам, сопровождавшим отход в мир иной человеческой души.

К горлу подкатила тошнота, и Макензи отвернулся. Рядом со Смитом на коленях стоял Уэйд.

– Похоже, он без сознания, – проговорил композитор.

Макензи кивнул.

– Одеяло держит его под наркозом. Не волнуйтесь, оно прекрасно справится.

Послышался шелест травы. Энциклопедия воспользовался тем, что остался без призора, и улепетывал без оглядки, направляясь к ближайшей роще ружейных деревьев.

– Это был Александр, – сказала Нелли за спиной Макензи. – Больше он нас не потревожит.

Фактор Нельсон Харпер раскуривал трубку, когда прозвучал сигнал видеофона. Испуганно вздрогнув, он щелкнул переключателем. На экране появилось лицо Макензи – грязное, потное, искаженное страхом. Не тратя времени на приветствия, Макензи заговорил:

– Отменяется, шеф. Сделка не состоится. Я не могу забрать деревья.

– Ты должен их забрать! – рявкнул Харпер. – Я уже связался с Землей, и дело закрутилось. Они себя не помнят от радости и пообещали, что корабль вылетит к нам в течение часа.

– Ну так свяжитесь снова и скажите, что все сорвалось, – буркнул Макензи.

– Ты же уверял, что все на мази, никаких осложнений не предвидится! Или не ты клялся доставить их, даже если тебе придется ползти всю дорогу на четвереньках?

– Я, я, – отозвался Макензи, – кто же еще? Но тогда я не знал того, что знаю сейчас.

– Компания сообщила о нашей удаче всей Солнечной системе, – простонал Харпер. – Радио Земли ведет через Меркурий передачу на Плутон. Какой-нибудь час спустя все мужчины, женщины и дети узнают, что на Землю везут музыкальные деревья. Мы ничего не можем поделать, понимаешь, Макензи? Мы должны забрать их!

– Я не могу, шеф, – упорствовал Макензи.

– Но почему? – возопил Харпер. – Ради всего святого, почему? Если ты не...

– Потому что Нелли сжигает их. Она отправилась в Чашу с огнеметом в руках. Скоро на планете не останется ни одного музыкального дерева.

– Останови ее! – взвизгнул Харпер. – Чего ты ждешь, беги и останови ее! Как угодно, хоть расплавь на месте, я разрешаю. Эта дура...

– Я сам приказал ей, – перебил Макензи. – Вот закончу с вами и пойду помогать.

– Ты что, спятил? – вконец разъярился Харпер. – Идиот полоумный! Да тебя съедят живьем! Скажешь спасибо, если...

На экране мелькнули две руки. Они сомкнулись на горле Макензи и поволокли того прочь. Экран опустел, но не совсем, на нем что-то мельтешило. Впечатление было такое, будто прямо перед видеофоном идет жестокая драка.

– Макензи! – закричал Харпер. – Макензи!

Внезапно экран словно разлетелся вдребезги.

– Макензи! – надрывался фактор. – Макензи, что происходит?

Экран ослепительно вспыхнул, взвыл, точно баньши, и погас. Харпер застыл как вкопанный с микрофоном в руках. Его трубка валялась на полу, из нее сыпались тлеющие угольки. В сердце фактора мало-помалу закрадывался страх, холодная и скользкая змея; страх терзал Харпера и насмехался над ним. Он знал, что за такое Компания снимет с него голову. Лучшее, чего можно было ожидать, это ссылки на какую-нибудь третьеразрядную планетку в должности чернорабочего. Пятно на всю жизнь; человек, которому нельзя доверять, который не справился со своими обязанностями и подмочил репутацию Компании.

Впрочем, подождите-ка! Если он доберется до Чаши Гармонии довольно быстро, то сумеет положить конец безумию, сумеет по крайней мере сохранить хотя бы несколько деревьев. Слава богу, флаер на месте. Значит, через полчаса он будет в Чаше.

Харпер кинулся к двери, распахнул ее настежь, и тут что-то просвистело возле его щеки, ударилось о косяк и взорвалось, оставив после себя облачко пыли. Он инстинктивно пригнулся, и следующая пуля лишь чиркнула по волосам, зато третья угодила прямо в ногу. Он повалился навзничь; четвертая пуля взорвалась прямо перед самым его носом. Харпер кое-как встал на колени, покачнулся, когда очередной залп пришелся ему в бок, заслонило лицо правой рукой и немедленно получил удар, от которого мгновенно онемело запястье. Им овладела паника: превозмогая боль, он на четвереньках добрался до порога, переполз через него и захлопнул за собой дверь.

Он попробовал пошевелить пальцами правой руки. Те отказывались слушаться. Так, похоже, перелом запястья.

После долгих недель пальбы в белый свет ружейное дерево, что росло напротив фактории, наконец сообразило поправить прицел и стреляло теперь прямой наводкой.

Макензи приподнялся с пола, оперся на локоть, прикоснулся пальцами к саднящему горлу. Салон вездехода виделся неотчетливо, будто в тумане, голова раскалывалась от боли. Он передвинулся назад – ровно настолько, чтобы прислониться спиной к стене. Салон постепенно приобрел более-менее четкие очертания, но боль, похоже, и не думала отступать. В проеме люка стоял человек. Макензи напряг зрение, пытаясь определить, кто это.

– Я забираю ваши одеяла, – резанул слух неестественно высокий голос. – Получите их обратно после того, как оставите в покое деревья.

Макензи разжал губы, однако слова не шли с языка: тот еле ворочался во рту.

– Уэйд? – наконец выдавил он.

Да, он не ошибся, с ним говорил именно Уэйд. В одной руке того болтались живые одеяла, другой он сжимал рукоять пистолета.

– Вы спятили, Уэйд, – прошептал Макензи. – Мы должны уничтожить деревья, иначе человечество неминуемо погибнет. У них не получилось на этот раз, но они наверняка попро-

буют снова и однажды добьются своего, причем им не придется даже лететь на Землю. Они зачаруют нас через записи: этакая межпланетная пропаганда. Дело несколько затянется, однако результат будет тем же самым.

– Они прекрасны, – произнес Уэйд, – прекраснее всего, что есть во Вселенной. Я не могу допустить их гибели. Вы не смеете уничтожать их!

– Вы что, не понимаете – потому-то они и опасны? – прохрипел Макензи. – Их красота фатальна. Никто не может устоять против нее.

– Я жил музыкой деревьев, – сказал Уэйд. – Вы утверждаете, что она превратила меня всего лишь в подобие человека. Ну и что? Или расовая чистота как в мыслях, так и в действиях – фетиш, который вынуждает нас влачить жалкое существование, несмотря на то что рядом, рукой подать, нам предлагается иной, поистине великий выбор? Мы бы никогда ни о чем не узнали, ясно вам, никогда и ни о чем! Да, они изменили бы нас, но постепенно, исподволь, так, что мы ничего бы не заподозрили. Поступки и побуждения по-прежнему казались бы нам нашими собственными, и никто бы не сообразил, что деревья – не просто музыкальная забава.

– Им понадобились наши механизмы, – проговорил Макензи. – Растения не могут строить машины. При благополучном же для них стечении обстоятельств они ступили бы на новый путь и увлекли нас за собой туда, куда бы мы в здравом рассудке не согласились пойти ни за какие деньги.

– Откуда нам знать, – буркнул Уэйд, – что такое здравый рассудок?

Макензи сел прямо.

– Вы думали об этом? – спросил он, стараясь не обращать внимания на боль в горле и стук крови в висках.

– Да, – кивнул Уэйд. – Поначалу, что вполне естественно, мне стало страшно, но потом я осознал, что страх лишен оснований. наших детей учат в школе тому или иному образу жизни. Наша пресса стремится формировать общественное мнение. Так чего же мы испугались деревьев? Вряд ли их цель эгоистичнее нашей собственной.

– Не скажите, – покачал головой Макензи. – У нас своя жизнь. Мы должны следовать путем, предначертанным человечеству. Помимо всего прочего, вы попусту тратите время.

– Не понял?

– Пока мы тут беседуем, Нелли сжигает деревья. Я послал ее в Чашу перед тем, как связался с Харпером.

– Ничего она не сжигает, – пробормотал Уэйд.

– То есть как? – вскинулся Макензи, словно порываясь вскочить.

Уэйд выразительно повел стволом излучателя.

– А вот так, – отрезал он. – Нелли ничего не сжигает, поскольку не в состоянии что-либо сжечь, и вы тоже, потому что я забрал оба огнемета. Вездеход не тронется с места, я о том позаботился. Так что лежите спокойно, и никаких глупостей.

– Вы оставили его без одеяла? – проговорил Макензи, показав на Смита.

Уэйд кивнул.

– Вы хотите, чтобы Смит умер? Без одеяла у него нет ни малейшего шанса выкарабкаться. Одеяло вылечит его, накормит, согреет...

– Вот еще одна причина, по которой нам следует как можно скорее договориться между собой.

– Ваше условие – чтобы мы оставили в покое деревья?

– Совершенно верно.

– Нет, не пойдет, – прошептал Макензи.

– Когда передумаете, позовите меня, – сказал Уэйд. – Я буду держаться поблизости. – С этими словами он прыгнул на землю.

Смит отчаянно нуждался в тепле и пище. За час, который прошел с той поры, как его лишили одеяла, он очнулся, и у него началась жестокая лихорадка. Макензи сидел на корточках рядом с ним и старался хоть как-то облегчить страдания товарища. Стоило ему подумать о том, что ждет их впереди, как его захлестывала волна ужаса.

В вездеходе не было ни продовольствия, ни средств обогрева, ибо ни в том, ни в другом не возникало необходимости, пока люди имели при себе живые одеяла. Но теперь одеяла неизвестно где! Макензи отыскал аптечку первой помощи, перерыл ее снизу доверху, но не обнаружил ничего такого, что могло бы помочь Смигу: ни обезболивающих, ни жаропонижающих. И в самом деле, зачем нужны таблетки, когда их с успехом заменяют живые одеяла? Что касается тепла, можно было бы использовать атомный двигатель машины, однако мерзавец Уэйд снял механизм запуска. Между тем снаружи сгущались сумерки; значит, вот-вот похолодает, а для человека в положении Смита холод означает смерть.

«Если бы я только мог найти Нелли», – подумалось Макензи. Он попытался разыскать ее, пробежал около мили по краю Чаши, но никого не встретил, а отойти дальше от вездехода не отважился из-за страха за Смита.

Смит что-то пробормотал. Макензи нагнулся к нему, надеясь разобрать слова, но надежда оказалась тщетной. Тогда он встал и направился к люку. Перво-наперво необходимо тепло, затем пища. Тепло, тепло – что ж, открытый огонь не лучший способ согреться, но когда все прочие недоступны...

Впереди замаячил прицеп с музыкальным деревом, повернутым корнями к небесам. Макензи сломал несколько сухих веток, решив, что они пойдут на растопку. А вообще, придется разводить костер из сырой древесины. Ничего, до завтра как-нибудь протянем, а там, глядишь, подвернется побольше сухостоя.

Музыкальные деревья в Чаше настраивались на вечерний концерт.

Вернувшись в машину, Макензи достал нож, аккуратно расщепил сухие ветки, сложил их на полу и щелкнул зажигалкой. Неожиданно в проеме люка, словно привлеченная язычком пламени, возникла крохотная фигурка. Макензи ошарашенно уставился на незваного гостя, забыв поднести зажигалку к хворосту.

– Что ты делаешь? – проникла в его сознание возбужденная мысль Делберта.

– Разжигаю костер.

– Что такое костер?

– Это... А ты разве не знаешь?

– Нет.

– В костре горит огонь, – пояснил Макензи. – Происходит химическая реакция, которая уничтожает материю и высвобождает энергию в виде тепла.

– А из чего ты разводишь костер? – Делберт прищурился, глядя на зажигалку.

– Из веток.

Глаза Делберта расширились, в мыслях промелькнула тревога.

– Веток с дерева?

– Ну да. Мне нужна была древесина. Она горит и дает тепло.

– С какого дерева?

– С того... – начал было Макензи и запнулся на полуслове. Внезапно до него дошло! Он убрал палец с зажигалки, и огонек погас.

– Это мое дерево! – крикнул Делберт; его душили страх и злоба. – Ты разводишь костер из моего дерева!

Макензи промолчал.

– Когда ты сожжешь его, оно погибнет! – не успокаивался Делберт. – Верно? Оно погибнет?

Макензи кивнул.

– Зачем тебе убивать его? – воскликнул Делберт.

– Мне нужно тепло, – повторил Макензи. – Без тепла мой друг умрет. Костер – единственный способ получить тепло.

– Дерево мое!

– Какая мне разница! – пожал плечами Макензи. – Без тепла нам не обойтись, и я его добуду.

Он вновь щелкнул зажигалкой.

– Но я ведь не сделал тебе ничего плохого, – взвыл Делберт, раскачиваясь взад-вперед в проеме люка. – Я твой друг, я никогда не замыслил тебе зла.

– Да ну? – хмыкнул Макензи.

– Правда, правда, – уверил Делберт.

– А как насчет вашего плана? – справился Макензи. – Или не ты пробовал обмануть меня?

– Я тут ни при чем, – простонал Делберт. – Мы, деревья, не виноваты. Все придумал Энциклопедия!

– Вы про меня? – осведомилась обрисовавшаяся снаружи тень.

Энциклопедия вернулся. Он высокомерно отпихнул Делберта и очутился в салоне вездехода.

– Я видел Уэйда, – сказал он.

– И потому решил, что здесь безопаснее, – фыркнул Макензи, испепеляя его взглядом.

– Разумеется, – невозмутимо подтвердил Энциклопедия. – Ваша формула силы утратила всякий смысл. Вы не можете применить ее.

Макензи резко выбросил руку, схватил Энциклопедию за корень и швырнул в угол.

– Только попытайся вылезти, – прорычал он, – я покажу тебе формулу!

Энциклопедия встряхнулся, точно курица. Мысли его оставались спокойными и холодными.

– Я не понимаю, какая вам польза от силы.

– Поймешь, когда окажешься в супе, – пообещал Макензи. Он оценивающе взглянул на Энциклопедию. – Да, из тебя выйдет неплохой суп. Ты вполне сойдешь за капусту. Не то чтобы я любил капустный суп...

– Суп?

– Суп, суп. Жидкая пища.

– Пища! – Мысль Энциклопедии выражала волнение. – Вы собираетесь меня съесть?

– А почему нет? – справился Макензи. – В конце концов, ты всего-навсего растение, пускай разумное, но растение. – Он ощутил мысленное прикосновение к мозгу: Энциклопедия вновь взялся за старое. – Давай-давай, но предупреждаю сразу, тебе вряд ли понравится то, что ты там найдешь.

– Вы скрыли от меня! – возмутился Энциклопедия.

– Ничего подобного, – возразил Макензи. – У нас просто не было случая подумать об этом, вспомнить – для чего люди сажали растения раньше и как пользуются ими и по сей день. Впрочем, ныне мы нечасто прибегаем к ним, потому что необходимость отпала, однако стоит ей появиться снова...

– Вы едите нас! – пробормотал Энциклопедия. – Вы строите из нас дома! Вы уничтожаете нас, чтобы согреться. Эгоисты!

– Не горячись, – посоветовал Макензи. – Тебя ведь задел не сам факт, а то, что мы полагаем, что имеем на это право, так? Тебя возмущает, что мы рвем и рубим, не спрашивая, не задаваясь вопросом, каково растениям. Ты страдаешь от оскорбленного достоинства, верно? – Он передвинулся поближе к люку. Из Чаши раздались первые аккорды. Настройка завершилась, начался концерт. – К сожалению, я оскорблю его еще сильнее. Ты для меня – всего лишь

растение. Ты кое-чему научился, приобрел налет цивилизации, но со мной тебе не равняться. Мы, люди, не торопимся забывать прошлое. Минет не одно тысячелетие, прежде чем мы станем относиться к вам хоть чуть-чуть иначе; пока же вы для нас – обыкновенные растения, сродни тем, которыми мы пользовались в былом и можем воспользоваться сейчас.

– Капустный суп, – буркнул Энциклопедия.

– Молодец, – похвалил Макензи, – усвоил.

Музыка внезапно смолкла, оборвалась на середине аккорда.

– Видишь, – заметил Макензи, – даже музыка покинула тебя.

Тишина надвинулась на вездеход, окутала его, словно пеленой тумана; вдруг послышался некий звук: шлеп... шлеп... К машине приближалось нечто огромное и массивное.

– Нелли! – воскликнул Макензи, различив в темноте широкоплечую спину робота.

– Да, шеф, это я, – отозвалась Нелли. – Я принесла вам подарок.

Она швырнула в люк вездехода Уэйда. Тот перекатился на спину и застонал. С тела композитора спорхнули двое крохотных существ.

– Нелли, – проговорил Макензи сурово, – колотить его было вовсе незачем. Тебе следовало подождать с наказанием до моего решения.

– Шеф, – запротестовала Нелли, – я его не трогала. Он попался мне уже таким.

Никодим взобрался на плечо Макензи, а одеяло Смита устремилось в тот угол, где лежал его хозяин.

– Она ни при чем, босс, – подтвердил Никодим. – Это мы так отделали его.

– Вы?

– Ну да, нас было двое против одного. Мы напичкали его ядом.

– Он мне не понравился, – продолжал Никодим, устроившись на привычном месте. – Он был совсем не такой, как ты. Я не хотел подделываться под него.

– Яд? – переспросил Макензи. – Надеюсь, вы отравили его не до смерти?

– Конечно нет, приятель, – уверил Никодим. – У него просто расстроился желудок. Он и не подозревал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Мы заключили с ним сделку, пообещали перестать, если он отнесет нас обратно. Он послушался, но без Нелли вряд ли добрался бы сюда.

– Шеф, – попросила Нелли, – когда он очухается, позвольте мне потолковать с ним по душам.

– Нет, – отрезал Макензи.

– Он связал меня, – пожаловалась Нелли. – Он спрятался под утесом, набросил на меня лассо, связал и оставил валяться там. Я провозилась с веревками несколько часов. Честное слово, шеф, я его не убью, так, вразумлю немножко, и все.

Снаружи зашелестела трава, как будто по ней ступали сотни ног.

– У нас гости, – сказал Никодим.

Макензи увидел дирижеров; десятки карликовых существ толпились неподалеку от вездехода, посверкивая светившимися в темноте глазами. Один карлик шагнул вперед. Присмотревшись, Макензи узнал Олдера.

– Ну? – поинтересовался человек.

– Мы пришли сказать вам, что сделка отменяется, – проговорил Олдер. – Делберт рассказал нам.

– Что же он вам рассказал?

– Как вы поступаете с деревьями.

– А, это!

– Да.

– Но сделка состоялась, – возразил Макензи, – ее уже не расторгнуть. Земля с нетерпением ожидает...

– Не надо считать меня глупцом, – перебил Олдер. – Мы нужны вам не больше, чем вы нам. Мы повели себя некрасиво с самого начала, но нашей вины в том нет. Нас надоумил Энциклопедия. Он утверждал, что таков наш долг, долг перед расой, что мы должны нести просвещение другим народам Галактики. Мы сперва не согласились с ним. Понимаете, музыка – наша жизнь, мы создаем ее так давно, что и думать забыли о своем происхождении. Тем более что наша планета еще в незапамятные времена перешла зенит своего существования и теперь становится день ото дня все дряхлее. Однако даже в тот час, когда почва рассыплется у нас под ногами, мы будем сочинять музыку. Вы живете результатами поступков, а мы – созданием музыки. Кадмаровская симфония Алого Солнца для нас важнее, чем для вас – открытие новой планетной системы. Нам доставляет удовольствие, что вы охотитесь за нашей музыкой, и мы огорчимся, если после всего, что случилось, вы отвернетесь от нас. Но на Землю мы не собираемся.

– Монополия сохраняется? – спросил Макензи.

– Сохраняется, – отозвался Олдер. – Приходите, когда вам будет угодно, и записывайте мою симфонию. Как только появится что-то новое, мы сразу дадим вам знать.

– А пропаганда в музыке?

– Отныне ее не будет, – пообещал Олдер. – Если наша музыка и будет воздействовать на вас, то лишь сама по себе, как таковая. Мы не желаем определять вашу жизнь.

– Можно ли вам верить?

– Можно и нужно. Мы согласны и на проверки, хотя в них нет необходимости.

– Посмотрим, – буркнул Макензи. – Лично у меня оснований доверять вам – никаких.

– Очень жаль.

Похоже, Олдер говорил искренне.

– Я собирался сжечь вас, – произнес Макензи намеренно жестко, – уничтожить, искоренить. Вы не смогли бы помешать мне.

– Вы варвары, – заявил Олдер. – Вы покорили межзвездное пространство, создали великую цивилизацию, но ваши методы варварские и неоправданно жестокие.

– Энциклопедия назвал их «формулой силы», – заметил Макензи. – Впрочем, дело не в названии; главное, что они срабатывают. Вот почему нам удалось столького добиться. Предупреждаю вас: если вы снова попытаетесь одурачить людей, расплата будет ужасной. Человек ради собственного спасения уничтожит все, что угодно. Помните об этом: мы не остановимся ни перед чем.

Уловив за спиной движение, Макензи резко обернулся.

– Энциклопедия удирает! – закричал он. – Нелли, хватай его!

– Порядок, шеф, – мгновение спустя откликнулась Нелли. Она выступила из темноты, волоча за собой Энциклопедию.

Макензи повернулся к дирижерам, но они исчезли, лишь глухо шелестела в отдалении трава.

– Что теперь? – спросила Нелли. – Пойдем жечь деревья?

– Нет, – покачал головой Макензи. – Мы не будем их жечь.

– Мы их напугали, – изрекла Нелли, – так здорово, что они не скоро забудут.

– Возможно, – согласился Макензи. – По крайней мере, будем надеяться, что ты права.

Но они не только испугались. Они возненавидели нас, и это, пожалуй, гораздо лучше. Мы ведь ненавидим тех тварей, которые питаются людьми, считают, что человек ни на что больше не годен. Они мнили себя пупом Вселенной, величайшими из разумных существ, а мы задали им изрядную взбучку, напугали, уязвили гордость и дали понять, что зарываться не следует. Они столкнулись с теми, кому далеко не ровня. Что ж, в следующий раз подумают дважды, прежде чем ввязаться в очередную авантюру.

Из Чаши донеслись звуки музыки. Макензи запрыгнул в вездеход и подошел к Смигу. Тот крепко спал, укутанный одеялом. Уэйд сидел в углу, обхватив руками голову.

Внезапно спокойствие ночи нарушил рев ракетных двигателей. Макензи выскочил наружу. Над Чашей, заливая ее светом прожекторов, кружил флаер. Вот он круто пошел вниз, на какой-то миг замер в воздухе и совершил посадку в сотне ярдов от вездехода. Из него выбрался Харпер.

– Ты не сжег их! – закричал он, подбегая к вездеходу. – Ты не сжег деревья!

Макензи покачал головой.

Харпер стукнул себя в грудь кулаком левой руки – правая была на перевязи.

– Я так и знал, так и знал! Решил подшутить над шефом, а? Все развлекаетесь, ребята.

– Да уж, развлекаемся.

– Что касается деревьев... Мы не сможем забрать их на Землю.

– Я же вам говорил, – заметил Макензи.

– Полчаса назад пришло сообщение. Оказывается, существует закон, запрещающий доставку на Землю инопланетных растений. Какой-то идиот притащил однажды с Марса дрянь, которая чуть было не погубила все живое на планете, тогда-то и приняли закон. Просто за давностью лет о нем забыли.

– А кто-то раскопал, – буркнул Макензи.

– Правильно. Так что Компании запретили даже прикасаться к деревьям.

– Оно и к лучшему, – проговорил Макензи. – Дирижеры все равно отказываются лететь.

– А как же сделка? Что с ними стряслось? Они прямо умирали от желания...

– До тех пор, – перебил Макензи, – пока не узнали, что мы употребляем растения в пищу, и кое-что еще.

– Но... Но...

– Для них мы всего лишь шайка страшилищ. Они пугают нами своих отпрысков. Не балуйся, а то придет человек и заберет тебя.

Из-за корпуса вездехода вынырнула Нелли. За ней волочился по земле Энциклопедия, корень которого по-прежнему стискивал железный кулак робота.

– Эй, что происходит? – воскликнул Харпер.

– Нам придется построить концлагерь, – объяснил Макензи. – Желательно с высоким забором, – и ткнул пальцем в Энциклопедию.

– Но что он натворил? – озадаченно спросил Харпер.

– Так, ерунда: покушался на человечество.

Харпер вздохнул:

– Одним забором мы не обойдемся. Ружейное дерево напротив фактории палит по входу прямой наводкой.

– Ничего, – усмехнулся Макензи. – Поместим их в одну клетку, пускай на пару радуются жизни.

Крохоборы

Перевод А. Филонова

1

Табличка на двери гласила: «Исполнительный вице-президент, проектный отдел». А в левом нижнем углу, гораздо более скромным шрифтом: «Хэллок Спенсер».

Он торопливо прошмыгнул мимо.

Штука в том, что он и есть Хэллок Спенсер, но входить в эту дверь вовсе не собирался. У него и без того забот невпроворот, а там наверняка ждут люди. Никто в частности, а вообще – просто люди. И у каждого свои проблемы.

Он нырнул за угол, прошел еще шаг-другой по коридору и оказался у двери с табличкой «Только для персонала».

Дверь была незаперта, и он вошел.

В кабинете, откинувшись на спинку кресла и положив обутые в сандалии ноги на полированный стол Спенсера, сидел коренастый головорез в вылинявшей пыльной тоге. Безволосый череп прикрыт мышинного цвета войлочной шляпой; на поясе, скрытом складками тоги, висит короткий меч, острием своим уткнувшийся в ковер; давно не стриженные ногти обрамляют траурные полосы грязи, на щеках – запущенная щетина. Словом, совершеннейший неряха.

– Привет, И-Джи! – сказал Спенсер.

Человек в тоге не снял ног со стола и вообще не шелохнулся, продолжая сидеть как сидел, а вместо приветствия бросил:

– Опять прошмыгнул украдкой?

Спенсер положил портфель и повесил шляпу на вешалку.

– Приемная – это ловушка. – Он уселся в стоявшее позади стола кресло, подхватил листок с графиком работ и пробежал его глазами. – В чем проблема, И-Джи? Уже вернулся?

– Еще и не уходил. У меня пара часов в запасе.

– Тут говорится, – Спенсер задержал палец в нужном месте, – что ты римский купец.

– Так и есть. По крайней мере, это утверждают костюмеры. Дай бог, чтобы они были правы!

– Но меч...

– Коллега, в Римской Британии, на Римской дороге с загруженным товарами караваном человек и должен носить с собой булат. – И-Джи подхватил меч с ковра, положил его на колени и с неудовольствием оглядел клинок. – Скажу тебе без стеснения, что за такое оружие я бы и гроша ломаного не дал.

– Пожалуй, с пулеметом ты чувствовал бы себя спокойнее.

– Разумеется, – мрачно кивнул И-Джи.

– Но за отсутствием такового, – продолжал Спенсер, – мы делаем все, что в наших силах. У тебя лучший клинок второго столетия, если это хоть как-то тебя утешит.

И-Джи продолжал сидеть с мечом на коленях. Он явно решил что-то сказать – это у него на лбу было написано. Кудрявые бакенбарды и торчащие в стороны уши с длинными черными волосками на мочках придавали ему идиотский вид.

– Хэл, – наконец решился И-Джи, – я хочу отвалить.

Спенсер на миг оцепенел, потом взревел:

– Ты не можешь так поступить! Время – это вся твоя жизнь, ты отдал ему много лет!

– Я говорю не о Времени; я хочу отвалить из «Генеалогического древа». Меня от него тошнит.

– Ты сам не знаешь, что говоришь, – запротестовал Спенсер. – «Генеалогическое древо» – проект очень спокойный. Ты бывал в передрыгах куда похуже. А тут всего-то и делов, что отправиться в прошлое и поговорить там с людьми; ну, может, заглянуть в архивы. Тебе даже не приходится ничего тибрить.

– Да не в работе дело, – возразил И-Джи. – Работа проще простого, она мне не в тягость. Меня тяготит то, что следует за ней.

– Ты имеешь в виду Райтсон-Некрополь?

– Вот именно, ее самую. После каждого путешествия она втаскивает меня в свою жуткую берлогу и заставляет подробно расписывать ее разлюбленных пращуров...

– Это толстая мошна, – сказал Спенсер. – Мы должны служить ей.

– Я этого больше не вынесу! – стоял на своем И-Джи.

Спенсер кивнул. Он прекрасно понимал И-Джи и разделял его чувства.

Альма Райтсон-Некрополь, массивная матрона, комплекцией напоминающая надутого индюка, продолжает хранить ошибочное убеждение, будто по-прежнему полна девического очарования. Денег у нее куры не клюют, как и драгоценных камней, слишком дорогих и слишком крупных, чтобы свидетельствовать о хорошем вкусе. Год за годом она терроризировала окружающих и скупала всех направо и налево, пока окончательно не уверовала, что может купить все на свете, если только даст хорошую цену.

А за свое генеалогическое древо она платит чрезвычайно щедро. Спенсер часто ломал голову, с чего это вдруг взбрело ей в голову – ну ладно, можно проследить свои корни до времен Вильгельма Завоевателя, это еще имеет какой-то смысл, но не до каменного же века! Не то чтобы корпорация «Прошлое» не могла забраться в эти отдаленные времена – если только деньги будут продолжать литься рекой. С каким-то извращенным удовлетворением он подумал, что вряд ли клиентка довольна последним отчетом-двумя, поскольку ее род скатился до ничтожного крестьянствующего плебса.

Он высказал эту мысль вслух.

– Чего ей надо? Чего она ожидает?

– У меня есть ощущение, – отозвался И-Джи, – что она надеется отыскать родственные узы среди римлян. А уж если мы их отыщем – спаси нас Господь! Тогда конца-краю этому не будет.

Спенсер хмыкнул.

– Не будь так уверен, – предупредил И-Джи. – Нравы римских офицеров таковы, что я бы не стал биться об заклад против подобной возможности.

– Если такое случится, – пообещал Спенсер, – я сниму тебя с проекта. Направлю проводить римские исследования кого-нибудь другого. Скажу Райтсон-Некрополь, что ты не годишься для Рима, что у тебя интеллектуальный барьер, или психическая аллергия, или что-нибудь этакое, препятствующее Индоктринации.

– Большое спасибо, – без особого энтузиазма сказал И-Джи, одну за другой снял свои грязные ноги с блестящей поверхности стола и выбрался из недр кресла.

– И-Джи!

– Да, Хэл?

– удовлетвори мое любопытство: тебе не приходилось набредать на местечко, где ты хотел бы остаться навеки?

– Ага, пожалуй, да. Наверно, раз или два. Но я на это не пошел. Ты думаешь о Гарсоне?

– Ну, хотя бы и о Гарсоне. И о других тоже.

– Может, с ними что-то случилось. Иной раз попадаешь в такие местечки, что только держись, там совершить большую ошибку – раз плюнуть. А может, оператор промахнулся.

- Наши операторы никогда не промахиваются, – отрезал Спенсер.
- Гарсон был отличным мужиком, – вымолвил И-Джи с оттенком грусти.
- Гарсон!.. Не только Гарсон. Это все...

Спенсер внезапно умолк. Опять то же самое. Столько лет подряд, год за годом наступать на одни и те же грабли! Сколько бы он ни тратил усилий, как бы ни старался, но к одному все-таки привыкнуть не мог: к пропаже людей во времени. Тут он заметил слегка ироничный взгляд И-Джи – в уголках глаз у того, будто тень улыбки, залегли едва заметные морщинки.

– Да не терзайся ты так! – сказал И-Джи. – Ты же не виноват. Мы сами решились испытывать судьбу. И если бы дело того не стоило...

– Да заткнись ты! – отмахнулся Спенсер.

– Разумеется, – продолжал И-Джи, – время от времени приходится терять одного из нас, но дело обстоит ничуть не хуже, чем в любом другом бизнесе.

– Да не время от времени, – досадливо поморщился Спенсер. – За последние десять дней – трое.

– А-а, ну-у, – протянул И-Джи, – я как-то не уследил за последними событиями. Только вчера был Гарсон. А Тейлор? Давно это было?

– Четыре дня назад.

– Четыре дня?! – повторил потрясенный И-Джи. – Всего-то?

– Для тебя это было месяца три, а то и побольше, – бросил Спенсер. – Помнишь Прайса? Для тебя это было год назад, а для меня – десять дней.

И-Джи поднес немывтую пятерню к подбородку и поскреб щетину.

– Время-то как летит, а?

– Послушай, – несчастным голосом взмолился Спенсер, – все и так обстоит достаточно скверно. Пожалуйста, обойдемся без шуточек!

– Может, Гарсайд устраивает тебе разносы? Потерял слишком много людей?

– Да нет, черт побери! – с горечью воскликнул Спенсер. – Людей всегда можно раздобыть. Его волнуют лишь машины. Он неустанно мне напоминает, что они стоят четверть миллиона каждая.

И-Джи произвел губами непристойный звук.

– Убирайся отсюда! – заорал Спенсер. – И смотри у меня, чтобы вернулся!

И-Джи ухмыльнулся и вышел, по-девичьи игриво крутанув подолом тоги в дверях.

2

Спенсер остался при убеждении, что И-Джи не прав. Пусть твердят что угодно, но он, Хэллок Спенсер, отвечает за происходящее. Он командует этим вонючим парадом, он составляет планы, он назначает времяпроходцев и отправляет их; когда бывают ошибки или заминки, отвечать приходится именно ему, а не кому-либо еще. Хотя бы перед собой, если не перед другими.

Он встал и начал вышагивать взад-вперед, сцепив пальцы за спиной.

Три человека за последние десять дней. Что же с ними случилось?

Быть может, слова Гарсайда тоже не лишены смысла? Кристофер Ансон Гарсайд, главный координатор и неприятный в обращении человек с прилизанными седеющими серыми усами, прилизанным серым голосом и прилизанными серыми деловыми мыслями.

В прошлом исчезали не только люди. Вместе с ними пропадали выучка и опыт, вложенные в этих людей. В лучшем случае, подумал Спенсер, они немного пожили в прошлом, прежде чем дали себя убить или затаились и осели в какой-то иной эре, пришедшейся им по вкусу больше, чем настоящее.

Нельзя сбрасывать со счетов и машины. Всякий раз пропажа человека означала и утрату очередного носителя. Носители *действительно* стоят по четверть миллиона каждый, а эту цифру так просто не сбросишь со счетов.

Спенсер вернулся к столу и еще раз просмотрел дневной график. И-Джи отбывает в Римскую Британию по поводу проекта «Генеалогическое древо». Никерсон возвращается в эпоху Раннего Возрождения, чтобы еще раз разведать о пропавшем сокровище Ватикана. Хеннеси снова отправился на поиски документов, утерянных в Испании пятнадцатого века. Вильямс отправляется, чтобы, будем надеяться, наконец-то утащить попавшего куда не следует Пикассо. И еще полдюжины других. Не такой уж обширный график – но его хватит, чтобы весь день крутиться без передышки.

Спенсер пересмотрел списки не попавших в график. Пара человек находится в отпусках, один на Реабилитации, остальные на Индоктринации.

И тогда он в тысячный раз принялся ломать голову, гадая, каково же на самом деле путешествие во времени.

Иной раз ему удавалось уловить отрывочные намеки в словах времяпроходцев – но лишь намеки, поскольку распространяться те не любят. Наверно, они могут дать себе волю лишь наедине с коллегами, когда поблизости нет никого из посторонних. А может, отмалчиваются даже тогда. Словно есть нечто, не поддающееся попыткам описания; будто иные переживания обсуждать не следует.

Навязчивое ощущение нереальности, сознание, что попал куда-то не туда. Догадка, что ты здесь не на месте, и такое чувство, будто стоишь на цыпочках на дальнем краю вечности.

Со временем это, конечно, проходит, но, очевидно, избавиться от этих чувств до конца так никому и не удастся. Ибо прошлое благодаря работе каких-то неведомых доселе принципов стало миром жуткого очарования.

Впрочем, у Спенсера был шанс – и он им не воспользовался.

Он тешил себя мыслью что когда-нибудь отправится в прошлое, но не времяпроходцем, а обыкновенным отпускником – если только сумеет выкроить время. На само путешествие времени, конечно, не потребуется, а вот Индоктринация и инструктаж отнимают его немало.

Спенсер изучил график еще раз. Все отправляющиеся сегодня – люди надежные. О них можно не беспокоиться.

Отложив листок, он позвонил мисс Крейн. Мисс Крейн – секретарша безупречная, хотя смотреть не на что – всего-навсего костлявая старая дева. Делает все по-своему и, когда надо, умеет каждым поступком выразить безмолвный укор.

Спенсеру она досталась пятнадцать лет назад вместе с должностью, по наследству. Мисс Крейн работала в «Прошлом» с незапамятных времен, когда еще даже не было этого кабинета. Несмотря на невзрачную внешность, чопорность и пессимизм, сотрудница она незаменимая.

Знает работу проектного отдела не хуже его главы и частенько дает Спенсеру это понять – зато никогда ничего не забывает, не теряет и не путает; вся организационная работа благодаря ей делается как бы сама собой и всегда к сроку.

Спенсер порой предавался мечтам о юной симпатичной секретарше, прекрасно понимая, что им не дано воплотиться в жизнь; если убрать мисс Крейн из приемной, то работать станет просто невозможно.

– Вы опять пробрались украдкой, – не успев закрыть за собой дверь, с порога упрекнула она.

– Наверно, ко мне пришли посетители?

– Доктор Альдус Равенхолт из Гуманитарного фонда, – доложила она.

Спенсер содрогнулся. Ничего себе денек начинается! Только надутого чинуши из Гуманитарного фонда и не хватало. Эти гуманисты вечно держат себя так, будто ты им задолжал; да что там – будто весь мир перед ними в долгу.

– А еще мистер Стюарт Кейбл. Его прислали из отдела кадров, на предмет собеседования о приеме на работу. Как по-вашему, мистер Спенсер?..

– Да никак! – отрезал Спенсер. – Я знаю, что кадровики обижаются, но до сих пор я принимал всех, кого они к нам направляли, – и нате, пожалуйста! За десять дней не стало трех человек. Так что с нынешнего дня я буду лично беседовать с каждым кандидатом.

В ответ секретарша лишь фыркнула, и притом весьма пренебрежительно.

– Неужели все? – спросил Спенсер, не в силах поверить в такое счастье – всего двое посетителей!

– Еще мистер Бун Хадсон, пожилой джентльмен, имеющий нездоровый вид и подающий признаки беспокойства. Я полагаю, его следует принять первым.

Спенсер и сам хотел так поступить – если бы мисс Крейн потрудились оставить свое мнение при себе.

– Я приму Равенхолта. Не знаете, что ему нужно?

– Нет, сэр.

– Ну так попросите его войти. Наверно, хочет урвать кусочек Времени, – сказал Спенсер, про себя подумав: «Ох уж эти мне рвачи! Я и не думал вовсе, что на белом свете столько рвачей!»

Как и предполагалось, Альдус Равенхолт оказался надутым самодовольным типом, чопорным и опрятным. Стрелка на брюках такая, что хоть брейся. Манеры выдают профессионального общественного деятеля: доведенное до автоматизма рукопожатие, механическая улыбка. В предложенное кресло он уселся с таким самоуверенным видом, что вывел Спенсера из себя.

– Я пришел поговорить с вами, – с безупречным выговором сообщил пришедший, – по поводу снятия запрета на проведение исследований происхождения религиозных верований.

Спенсер мысленно поморщился – посетитель затронул весьма тонкий вопрос.

– Доктор Равенхолт, этот вопрос подвергся весьма тщательному рассмотрению, и не только с моей стороны. Им занимался весь наш отдел.

– Я в курсе, – сухо откликнулся Равенхолт. – Потому-то я и здесь. Насколько я понимаю, вы уклонились от окончательного решения.

– И вовсе не уклонились. Решение принято раз и навсегда. Интересно, откуда вы о нем узнали?

Равенхолт сделал неопределенный жест, подразумевавший, что ему известно почти все на свете.

– Как я понимаю, вопрос все еще открыт. – Увидев, как Спенсер отрицательно покачал головой, Равенхолт продолжил: – В толк не возьму, как можно было походя отказаться от проведения исследований по столь фундаментальному вопросу, жизненно важному для всего человечества.

– Да нет, не походя. Мы бились над ним очень долго, провели массу опросов общественного мнения. Психологи изучили его весьма и весьма тщательно. Мы приняли к рассмотрению все существенные факторы.

– И каков же результат, мистер Спенсер?

Спенсер начал испытывать раздражение.

– Во-первых, на исследования уйдет масса времени. Как вам наверняка известно, в нашей лицензии оговорено, что мы должны десять процентов времени уделять общественно полезным исследованиям. Мы весьма щепетильно выполняем это требование, хотя, признаться честно, оно доставляет нам массу ненужных хлопот.

– Но эти десять процентов...

– Если мы возьмемся за этот проект, за который вы так ратуете, доктор, то он займет все общественное время лет на десять вперед. А это означает полную остановку остальных программ.

– Надеюсь, вы осознаете, что данный вопрос представляет наибольший общественный интерес.

– Наши исследования говорят об обратном, – сообщил Спенсер. – Мы проводили опросы общественного мнения по всему земному шару, во всех мыслимых и немыслимых слоях общества. Так вот, вывод один: предлагаемые вами исследования – кощунство чистой воды.

– Вы шутите!

– Никоим образом. Изучение общественного мнения однозначно и недвусмысленно показывает, что общественность воспринимает изучение источников религиозных верований как святотатство. Мы-то с вами могли бы считать их простыми научными изысканиями, сославшись на то, что лишь добиваемся истины. Однако люди – я имею в виду простых людей всего мира, какую бы веру они ни исповедовали, в каких бы сектах они ни состояли, – не желают знать истину. Они вполне довольны нынешним положением и боятся, что мы опрокинем массу старых добрых традиций. Они твердят о святотатстве, но волнует их не только это. Люди инстинктивно защищаются от всего, что может разрушить привычный образ мыслей, они отчаянно цепляются за привычную веру и не хотят, чтобы кто-нибудь копался в самом святом для них, в том, с чем они сжились всем сердцем.

– Какое невежество! Не может быть! – с изумлением возрился на него Равенхолт.

– У меня есть выкладки. Могу показать.

Доктор Равенхолт снисходительно отмел все доказательства изящным взмахом руки.

– Раз вы говорите, что они у вас имеются, то проверять незачем.

Ему очень не хотелось оказаться в дурацком положении, получив документальное подтверждение своей неправоты.

– Далее, – продолжал Спенсер, – неизбежно возникает проблема объективности. Чем руководствоваться при отборе наблюдателей за событиями прошлого?

– Несомненно, найти их несложно. Множество священнослужителей всяческих вероисповеданий и убеждений обладают квалификацией, необходимой...

– Вот как раз их-то посылать и нельзя, – отрезал Спенсер. – Нам нужна объективность. В идеале нам нужны люди, не заинтересованные в религии, не получившие официального религиозного образования, не выступающие ни за, ни против религии, – и все-таки, даже отыскав таких людей, мы не смогли бы прибегнуть к их услугам. Чтобы постичь происходящее, они должны быть довольно подробно проинформированы о том, что следует искать, – но как только они пройдут полную выучку, то неизбежно утратят объективность. Уж такова суть религии: человек просто вынужден занять по отношению к ней определенную позицию.

– Вы говорите о какой-то идеальной ситуации, а не о сложившейся у нас.

– Ну ладно, – согласился Спенсер. – Скажем, мы задумали сделать работу слегка на тыпяп. Кого же послать в таком случае? Можно ли рискнуть отправить христианина, спрошу я вас, пусть даже самого никудышного, в дни, проведенные Иисусом на Земле? Разве можно надеяться, что даже посредственный христианин будет лишь наблюдать за реальными событиями? Я скажу вам, доктор Равенхолт, что рисковать мы не можем. Как по-вашему, что будет, если вместо двенадцати учеников вдруг окажется тринадцать? Что, если кто-то попытается спасти Иисуса от креста? А если, хуже того, он действительно будет спасен? Какой облик примет тогда христианство? Будет ли оно вообще? Могло ли оно возникнуть без распятия?

– Разрешить ваши сомнения очень легко, – холодно проронил Равенхолт. – Не посылайте христиан.

– Вот теперь мы действительно сдвинемся с мертвой точки. Пошлем мусульманина собирать факты о христианстве, христианина – проследить жизнь Будды, а буддиста – выучить черную магию в Бельгийском Конго.

– Это могло бы дать результат, – кивнул Равенхолт.

– Могло бы, но необъективный. Вы получили бы не только предвзятое мнение, но, что хуже, откровенное недопонимание.

Равенхолт беспокойно побарабанил пальцами по колену, обтянутому идеально отглаженной брючиной, и не без раздражения признался:

– Я понимаю вашу точку зрения, но вы кое-что проглядели. Факты вовсе не обязательно предъявлять общественности в полном объеме.

– А если факты отвечают интересам общества? В нашей лицензии говорится, что мы не должны их скрывать.

– А не упростится ли дело, – поинтересовался Равенхолт, – если я предложу внести кое-какие средства на покрытие затрат?

– В подобном случае, – вкрадчиво отозвался Спенсер, – вы оказались бы между двух стульев. Либо это дело общественной важности, и никакая плата не требуется, либо это коммерческий контракт, оплачиваемый по общепринятым ценам.

– Совершенно очевидно, что вы просто не хотите браться за такую работу, – бесцветным голосом проговорил Равенхолт. – Лучше бы так и сказали.

– Весьма охотно! Будь моя воля, я к ней на пушечный выстрел не подойду. Меня больше тревожит вопрос, зачем вы пришли.

– Я полагал, что раз проект вот-вот будет отвергнут, то я могу послужить в качестве посредника.

– То есть вы считали, что нас можно подкупить.

– Во все нет, – гневно отрезал Равенхолт. – Я просто решил, что этот проект, наверно, несколько выходит за рамки вашей лицензии.

– Он в них вообще не вписывается.

– Я не вполне понимаю суть ваших возражений, – стоял на своем Равенхолт.

– Доктор Равенхолт, – кротко откликнулся Спенсер, – а вам хочется нести ответственность за уничтожение веры?

– Но, – пролепетал Равенхолт, – это невозможно...

– А вы уверены? Насколько вы уверены, доктор Равенхолт? Даже в отношении черной магии Конго?

– Ну, я... Ну, раз вы так ставите вопрос...

– Значит, вы понимаете, что я имею в виду?

– Но даже в таком случае, – не сдавался Равенхолт, – определенные факты можно просто замять...

– Ну-ну! Долго ли вы сможете держать их под спудом? Тем более что, когда корпорация «Прошлое» выполняет какую-нибудь работу, – твердо заявил Спенсер, – она охотится за истиной. И когда мы ее узнаем, то тут же сообщаем. Мы продолжаем существовать лишь благодаря этому. У нас есть один проект – личный, полностью оплаченный контракт, согласно которому мы проследили генеалогическое древо почти на две тысячи лет в прошлое. Мы были вынуждены сообщить клиентам кое-какую неприятную правду – и сообщили.

– Именно это я и хочу донести до вас! – закричал Равенхолт, наконец-то утратив свою всепоглощающую невозмутимость. – Вы охотно хватаетесь за изучение генеалогического древа, но отказываетесь от такого!

– А вы путаете два совершенно несхожих типа деятельности! Исследование происхождения религий является предметом общественных интересов. А «Генеалогическое древо» – частный проект, за который нам платят.

Равенхолт в гневе вскочил.

– Обсудим это как-нибудь в другой раз, когда оба сможем держать себя в руках.

– Толку от этого не будет, – устало возразил Спенсер. – Я не намерен пересматривать свое решение.

– Мистер Спенсер, – угрожающе заявил Равенхолт, – мне есть к кому обратиться за помощью.

– Не сомневаюсь. Вы можете действовать через мою голову. И если ваши намерения именно таковы, то знайте: этот проект вы сможете осуществить только через мой труп. Я не предаю веру ни одного народа мира, мистер Равенхолт.

– А это мы еще посмотрим, – вновь с угрозой в голосе произнес Равенхолт.

– А теперь вы думаете, что сможете вышвырнуть меня с работы. Пожалуй, и правда сможете. Вы, несомненно, можете надавить на какие-нибудь кнопки. Но это не решение проблемы.

– А по-моему, это идеальное решение.

– Я буду продолжать борьбу с вами как рядовой гражданин. Если придется, обращусь в Организацию Объединенных Наций.

Теперь оба стояли лицом к лицу, разделенные лишь письменным столом.

– Мне жаль, – добавил Спенсер, – что все так обернулось. Но я готов подписаться под каждым своим словом.

– Я тоже, – бросил Равенхолт и гордо прошествовал в дверь.

3

Спенсер медленно уселся в кресло. Потрясающее начало дня! Но этот тип задел его за живое.

Вошедшая мисс Крейн положила на стол стопку бумаг.

– Мистер Спенсер, пригласить мистера Хадсона? Он уже давно ждет.

– Хадсон – кандидат на должность?

– Нет, это мистер Кейбл.

– Значит, я хочу видеть мистера Кейбла. Принесите мне его личное дело.

Она презрительно фыркнула и вышла.

«Черт ее дери, – подумал Спенсер, – я буду видеться с теми, кого хочу видеть, если хочу кого-нибудь видеть!»

Охватившая его ярость поразила Спенсера. Да что с ним стряслось? Все наперекосяк. Неужели он больше ни с кем не может поладить? Просто слишком натянуты нервы. Чересчур много дел, чересчур много поводов для беспокойства.

Быть может, просто надо перейти в оперативный отдел; работа в нем вполне сойдет за длительный отпуск. Обрато в добрый ранний каменный век, для которого не нужна Индоктринация. Народу там не очень много, а то и вовсе никого – зато в комарах недостатка нет. И в пещерных медведях. А еще в саблезубых тиграх и массе всяческих прочих, не менее противных тварей. Надо будет собрать кое-какое снаряжение и... Да ну его к черту!

Хотя идея не так уж плоха.

Спенсер частенько об этом думал. Когда-нибудь он непременно так и сделает. А пока что... Он подхватил принесенную мисс Крейн стопку бумаг и плюхнул ее на стол перед собой.

Это сегодняшняя доза измышлений на будущее – детище отдела мерзких выходов. С ними вечно какие-нибудь проблемы. Спенсер внутренне напрягся и взялся за бумаги.

Первая командировка оказалась достаточно заурядной – расследование на предмет дани, уплаченной готами Риму. Вроде есть легенда, что сокровище зарыто где-то в Альпах. Возможно, его так и не откопали. Розыск кладов – процедура стандартная.

А вот второй документ...

– Мисс Крейн! – взревел Спенсер.

Она возникла в дверном проеме с папкой под мышкой, внешне никак не отреагировав на прозвучавшую в его голосе муку: к этому она уже привыкла.

– В чем дело, мистер Спенсер? – осведомилась она по крайней мере на три порядка спокойнее.

Спенсер припечатал стопку листов кулаком.

– Они не имеют права так со мной поступать! Я этого не потерплю! Соедините меня с Роджерсом!

– Хорошо, сэр.

– Нет, погодите-ка минутку, – мрачно остановил ее Спенсер. – Лучше я сделаю это лично. Пойду к нему. В общем-то, я смогу разорвать его на куски голыми руками.

– Но вас ведь люди ждут...

– Пусть еще подождут. Это заставит их забыть о гордыне.

Он подхватил командировочный лист и устремился к выходу. Лифтом он пренебрег. Промаяхнув вверх по лестнице два пролета, он направился к двери с табличкой «Отдел оценки».

Роджерс сидел, откинувшись на спинку кресла, положив ноги на стол и глаза в потолок.

Опустив глаза, он уставился на Спенсера с явным беспокойством, снял ноги со стола и подался вперед.

– Ну? Что стряслось на сей раз?

– Вот это! – Спенсер швырнул лист на стол.

Роджерс легонько постучал по бумаге тонким пальцем.

– Ничего трудного. Всего лишь чуточку изобретательности и...

– Ничего трудного?! – взвыл Спенсер. – Кино об устроенном Нероном римском пожаре!

– Киношники нам порядочно заплатят за это, – вздохнул Роджерс.

– Всего-навсего! Значит, кто-то из моей команды просто появляется на улицах пылающего Рима и устанавливает кинокамеру – и это в эпоху, когда о кино и речи не шло!

– Ну, я же сказал, что нужно проявить изобретательность. Послушай, будет масса беготни, люди будут тащить барахло, пытаюсь спасти себя и свое имущество, насколько возможно. На вашего человека никто и внимания не обратит. Он может замаскировать камеру под что-нибудь, напоминающее...

– Толпы будут настроены весьма недоброжелательно, – настаивал Спенсер. – Это не просто городской пожар. Пойдут слухи, что поджог устроили христиане. Толпы будут высматривать подозрительных типов.

– Элемент риска есть в любом предприятии, – заметил Роджерс.

– Риска, но не такого же! – вспыльчиво отозвался Спенсер. – И не преднамеренного, как на сей раз. Но дело не только в этом.

– А в чем же еще?

– В доставке сложной техники в прошлое. Если твоя толпа побьет моего человека и расколошматит камеру...

– И что с того? – пожал плечами Роджерс. – Они в ней ничего не поймут.

– Быть может. Но по-настоящему меня тревожит, – стоял на своем Спенсер, – что скажут цепные псы-аудиторы, когда будут поднимать наши бумаги. Это предприятие должно принести нам бешеную кучу денег, прежде чем я решусь за него взяться.

– Поверь, оно и принесет кучу денег! А заодно откроет для нас новое поле деятельности. Потому-то оно мне и понравилось.

– Вам, спецам по низким выходкам, на все начхать! – с горечью бросил Спенсер. – Вы готовы всучить нам что угодно...

– Все не что угодно, – возразил Роджерс. – Но принять этот проект нас просто-таки вынуждают расценки...

– Расценки! – презрительно сплюнул Спенсер.

– На днях к нам заходила женщина, горевшая желанием послать двух своих детей к прапрапрадедушке в девятнадцатый век. На каникулы, прошу заметить. Чтобы провели лето на лоне природы в ином столетии. Дескать, это будет для них весьма познавательно, да и отдохнут на славу. Дескать, старики поймут и обрадуются, как только мы им все растолкуем. – Роджерс тяжело вздохнул. – Ну и разговорчик был! Плевать она хотела на наши правила. Она, мол...

– Вы прозевали прекрасную возможность, – саркастически усмехнулся Спенсер. – Это открыло бы новое поле деятельности – отдых в прошлом. Я вижу как наяву: воссоединение со старыми друзьями и соседями, нить, протянутая сквозь столетия!

– Как будто проблемы есть у тебя одного.

– Сердце мое кровью обливается, глядя на вас, – откликнулся Спенсер.

– А есть еще телевизионщики, жаждущие взять интервью у Наполеона, Цезаря, Александра и прочих древних шишек. Хватает и охотников, мечтающих отправиться в первобытную глушь и пострелять вволю. Университеты мечтают выслать исследовательские команды в...

– Ты же знаешь, что ни о чем таком не может быть и речи. Мы вправе посылать лишь обученных нами времяпроходцев.

– Но ведь были же случаи...

– А, ну да, пару раз. Но лишь по особому разрешению. И потом, с ними мы посылали охрану, так что получалась целая экспедиция, а не просто небольшая исследовательская команда. – Спенсер поднялся с кресла. – Так что там насчет последнего мозгового штурма?

Роджерс взял отвергнутый командировочный лист и швырнул его в переполненную корзину для бумаг.

– Пойду в отдел сбыта со слезами, сбегающими по щекам...

– Спасибо, – проронил Спенсер и вышел.

4

Вернувшись в кабинет, он уселся за стол и взял папку Кейбла.

Тут задребезжал интерком, и Спенсер щелкнул тумблером.

– Ну, что еще?

– Хэл, говорит оперативный. Уильямс только что вернулся. Все в порядке – он вытащил Пикассо без проблем. Только это заняло шесть недель.

– Шесть недель?! – завопил Спенсер. – Да за это время он мог написать это полотно сам!

– Возникли осложнения.

– А бывало такое, чтобы они не возникали?

– Хорошее полотно, Хэл. Не повреждено. За него можно сорвать изрядный куш.

– Ладно! Отнесите его в таможенный, пусть проведут формальности. Старое доброе правительство должно получить причитающееся. А как насчет остальных?

– Никерсон вот-вот отправится.

– А И-Джи?

– Поднял хай насчет локализации времени. Заявляет Дугу...

– Слушай, – возмущенно заорал Спенсер, – скажи ему от моего имени, что локализация времени – работа Дуга. Дуг ведает о ней больше, чем И-Джи узнает за всю свою жизнь. Как Дуг скажет, что пора делать скачок, так И-Джи пусть и отправляется вместе со своей нелепой шляпой и прочим!

Резко отключив интерком, Спенсер вернулся к личному делу Кейбла, мгновение посидев неподвижно, чтобы освободиться от нервного напряжения и дать снизиться кровяному давлению.

«Я завожусь слишком легко, – твердил он себе. – Слишком много вскидываюсь. Впрочем, другой работы с таким количеством осложнений еще не бывало!»

Открыв папку, он принялся читать личное дело Кейбла.

Стюарт Белмонт Кейбл, 27 лет, холост, блестящие отзывы, докторантура по социологии в престижном колледже. Неизменно высокие результаты по всем тестам, в том числе в отношении характера, и ошеломительно высокий коэффициент интеллекта. Безоговорочно рекомендуется для принятия на работу в качестве времяпроходца.

Захлопнув папку, Спенсер отодвинул ее в сторону и попросил мисс Крейн:

– Пригласите мистера Кейбла.

Долговязый и неуклюжий Кейбл выглядел моложе своих лет. Застенчиво ответив на рукопожатие Спенсера, он сел в предложенное кресло и без особого успеха попытался устроиться поудобнее.

– Значит, вы хотите войти в наш коллектив, – начал Спенсер. – Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что делаете.

– Да, сэр, – отозвался молодой человек. – Я знаю об этом все. А пожалуй, лучше сказать... Он запнулся и умолк.

– Все в порядке, – подхватил Спенсер. – Насколько я понимаю, вы очень этого хотите.

Кейбл ответил кивком.

– Я знаю, каково это. Кажется, что вы просто умрете, если вас не примут.

Спенсеру припомнилось, как сам сидел на месте юноши, испытывая жуткую, терзающую боль в сердце, когда ему сказали, что во времяпроходцы он не годится, и как он упорно держался за эту работу, несмотря на муку и огорчение. Сперва он был оператором, затем руководителем оперативного отдела и наконец оказался в этом кресле, получив вместе с ним и многочисленные поводы для головной боли.

– Хотя сам я никогда не был в роли времяпроходца, – закончил он.

– Я этого не знал, сэр.

– Я не подошел. Не тот склад характера.

Спенсер разглядел во взоре юноши по ту сторону стола знакомую надежду и жажду – а заодно еще какой-то огонек, наполнивший душу смутной тревогой.

– Это вовсе не развлечение, – бросил он чуточку грубей, чем намеревался. – Поначалу все окрашено романтическим ореолом, но это скоро проходит. Время становится просто работой, и порой несладкой.

Он помолчал, разглядывая Кейбла, в глазах которого по-прежнему тлел странный, тревожный огонек, и проговорил, на сей раз намеренно грубо:

– Да будет вам известно, что если вы войдете в наше число, то лет через пять умрете дряхлым старцем.

– Знаю, сэр, – беззаботно кивнул Кейбл. – В отделе кадров мне объяснили.

– Хорошо. Порой мне кажется, что отдел кадров чем дальше, тем хуже разъясняет ситуацию. Говорят ровно столько, чтобы это казалось убедительным, но всей правды не выкладывают. Чересчур пекутся о том, чтобы у нас было в достатке работников. У нас вечная нехватка времяпроходцев – они чересчур быстро выходят в тираж. – Он снова помолчал, разглядывая прибывшего, но никаких изменений в выражении лица юноши не заметил. – У нас есть определенные правила. И накладывает их не столько «Прошлое», сколько сама суть нашей работы. Вы не сможете вести оседлую жизнь. Ваша жизнь будет состоять из обрывков, как лоскутное одеяло; вам придется скакать с места на место, и все эти места будут разделены многими годами. У нас нет запрета на женитьбу, но ни один из наших времяпроходцев ни разу не женился. Это просто невозможно: через пять лет муж умрет от старости, а жена будет по-прежнему молода.

– По-моему, я это осознаю, сэр.

– На самом деле это вопрос элементарной экономии. Мы не можем себе позволить надолго лишаться машин и людей. Сколько бы человек ни отсутствовал – неделю, месяц или десять лет, – машина возвращается вместе с ним через шестьдесят секунд после старта. Эти шестьдесят секунд взяты с потолка; он мог бы вернуться в тот же миг, или через час, или через день – словом, как нам взбредет в голову. Одна минута показалась нам разумным периодом.

– А если он не вернется через минуту? – поинтересовался Кейбл.

– Тогда он не вернется никогда.

– И такое бывает?

– Разумеется, бывает. Путешествия во времени не поездка на пикник. Всякий раз, отправляясь в прошлое, человек ставит свою жизнь на карту, полагаясь на то, что сумеет выжить в совершенно чуждом окружении, порой столь же чуждом, как на иной планете. Конечно, мы помогаем ему, чем только можем. Мы сделали своей первейшей обязанностью заботиться о том, чтобы он был хорошо проинформирован и прошел полную Индоктринацию, а также обеспечиваем наилучшим возможным снаряжением. Его обучают всем языкам, какие могут пригодиться, одевают соответствующим образом. Но бывают случаи, когда мы просто не знаем житейских мелочей, от которых зависит его жизнь. Порой мы узнаем их после того, как наш посланец вернется и сообщит о них нам. Обычно и ему мало что известно об этом. А иногда мы вообще не получаем сведений – человек просто не возвращается.

– Можно подумать, – заметил Кейбл, – что вы пытаетесь меня отпугнуть.

– Вовсе нет! Я излагаю вам это лишь потому, что хочу избежать малейшего недопонимания. Обучение путешественников обходится весьма недешево. Мы хотим, чтобы затраты окупались. Нам не нужны люди, задерживающиеся у нас лишь ненадолго. Нам нужен не год-два вашей жизни, а вся она без остатка. Мы примем вас и выжмем каждую минуту вашего времени досуха...

– Могу уверить вас, сэр...

– Мы будем посылать вас туда, куда нужно нам, – не унимался Спенсер, – и хотя после отправки связь теряется, мы не хотим, чтобы вы валялись там дурака. Дело не в шестидесяти секундах, потому что вы, естественно, вернетесь вовремя – если вообще вернетесь. Но мы хотим, чтобы вы вернулись как можно более молодым. «Прошлое» – предприятие чисто коммерческое. Мы намерены выжать из вас все путешествия, на какие вы способны.

– Все это я осознаю, – отозвался Кейбл, – но в отделе кадров сказали, что я же сам в этом заинтересован.

– Разумеется, это верно, но вы довольно скоро обнаружите, что для времяпроходца деньги особой роли не играют. Раз семьи у вас нет и, мы надеемся, не будет – зачем же вам деньги? Единственный досуг, какой у вас будет, – это ежегодный шестинедельный отпуск; но за одно-два путешествия вы заработаете столько, что сможете провести свой отпуск в крайней роскоши или глубочайшем пороке.

Однако большинство времяпроходцев не дают себе труда заняться этим. Они просто блуждают без системы и заново знакомятся с родной эпохой. Порок и роскошь нашего века не привлекают их после того, как они задают жару в прошлых веках за счет фирмы.

– Вы шутите, сэр!

– Ну, разве что самую малость. Но в определенных случаях, которые я подразумеваю, это чистейшая правда. – Спенсер пристально взгляделся в лицо Кейбла. – Мои слова вас не настораживают?

– Пока что ни в малейшей степени.

– Тогда еще одно, мистер Кейбл, что вам следует знать. Это необходимость – крайняя, острейшая нужда в объективности. Отправляясь в прошлое, вы не можете в него вторгаться. Не должны вмешиваться. *Вы не имеете права на участие.*

– Это нетрудно.

– Предупреждаю вас, мистер Кейбл, это требует моральной стойкости. Человек, странствующий во времени, обладает ужасающей мощью. А ощущение собственной мощи зачастую понуждает человека ее применить. Идти рука об руку с мощью – это искушение приложить руку к истории. Направить меч правосудия, произнести то самое слово, которое крайне нужно произнести. Спасти жизнь, которая, продлившись на несколько лет, подтолкнула бы человечество еще на шаг к величию.

– Да, это может быть трудновато, – признал Кейбл.

Спенсер подтвердил это кивком.

– Насколько я знаю, мистер Кейбл, пока что никто не поддался этому искушению. Но я живу в постоянном страхе, что настанет день – и кто-нибудь уступит ему.

Говоря это, Спенсер гадал, не вздор ли он несет, не напускная ли это бравада. Без вмешательства наверняка не обошлось.

А как насчет тех, кто не вернулся?

Некоторые наверняка погибли. Но, несомненно, кое-кто остался. А разве остаться в прошлом – это не самое нарочитое вмешательство?! В самом деле, каковы могут быть последствия рождения ребенка вне своего времени – ребенка, которому вообще не следовало родиться? Дети этого ребенка и дети этих детей покатаются волнами темпоральной интерференции, стирающей сквозь века.

5

– Сэр, что-нибудь не так? – осведомился Кейбл.

– Нет, я просто думал о том, что наверняка придет день – когда-нибудь, – когда мы разработаем формулу безопасного вмешательства в прошлое. И тогда наша ответственность даже возрастет по сравнению с нынешней. Тогда нам дадут разрешение на вмешательство, но при условии определенных ограничений, дабы использовать свою власть лишь во благо. Как вы понимаете, я даже не догадываюсь, какие принципы лягут в основу этого, но уверен, что рано или поздно мы их отыщем. А заодно, наверно, мы отыщем и другую формулу, которая позволит нам вторгаться в будущее.

Спенсер тряхнул головой, подумав: «Это так по-стариковски – трясти головой в бессильном недоумении. Но я еще не стар – во всяком случае, не так уж стар».

– В данный момент, – продолжал он, – мы всего-навсего крохоборы. Мы выработали определенные правила, дабы никогда даже пальцем не коснуться снопов, а берем лишь упавшие на землю колосья.

– Вроде Александрийской библиотеки?

– Ну да, пожалуй... Хотя на извлечение всех этих рукописей и книг нас вдохновила вульгарная прибыль. Куда проще было скопировать их. С некоторыми мы именно так и поступили; но сами по себе оригиналы стоили грандиозную сумму. Мне даже не хочется вам говорить, сколько Гарвард уплатил нам за эти манускрипты. Впрочем, если подумать, – вдруг сообразил Спенсер, – это даже не покрыло расходы. Дело потребовало самого жесткого планирования, согласованного вплоть до долей секунды; пришлось задействовать всех до единого. Видите ли, мы могли брать манускрипты, лишь когда они угрожали вот-вот загореться. Мы не имели даже права позволить хоть одному человеку просто бросить взгляд на рукопись. Мы не можем взять вещь, пока она не утрачена. Это железное правило.

Возьмем, скажем, шпалеры из Эли. Мы ждали многие годы, приходя и уходя, пока не убедились, что они наконец потеряны. Но не могли притронуться к ним, пока они не были утрачены окончательно. Тогда-то мы их и утащили. – Он помахал ладонью. – Что-то я заболтался. Я вам наскучил.

– Мистер Спенсер, сэ, – запротестовал Кейбл, – подобные разговоры никогда мне не наскучат. Я мечтал об этом. Не могу выразить, насколько я счастлив...

Спенсер движением руки остановил его.

– Не так быстро. Мы вас еще не наняли.

– Но мистер Дженсен из отдела кадров...

– Я знаю, что сказал Дженсен. Но последнее слово за мной.

– А что я сделал не так?

– Вы ничего такого не сделали. Приходите во второй половине дня.

– Но, мистер Спенсер, если бы вы мне только сказали...

– Я хочу поразмыслить о вас. Зайдите ко мне после обеда.

Кейбл выбрался из недр кресла и встал. Ему явно было не по себе.

– Человек, что был тут до меня...

– Да. И что он?

– Он был ужасно зол, сэ. Словно замышляет что-то против вас.

– А это не ваше чертовое дело! – огрызнулся Спенсер.

– Я только хочу сказать, сэ, что узнал его, – стоял на своем Кейбл.

– И что же?

– Если он попытается навлечь на вас беду, вам стоило бы выяснить его взаимоотношения со стриптизершей из «Золотого часа». Ее зовут Серебряная Звезда.

Спенсер уставился на Кейбла, не отозвавшись ни словом. Тот дошел до двери, положил ладонь на ручку и обернулся.

– Наверно, это ее псевдоним, но зато прекрасный рекламный ход: Серебряная Звезда в «Золотом часе». «Золотой час» расположен в...

– Мистер Кейбл, – перебил его Спенсер. – Я бывал в «Золотом часе».

Бесстыдный юнец! Он что, удумал заработать место этим своеобразным подкупом?

После его ухода Спенсер немного посидел без движения, чтобы остыть и поразмыслить о юноше. Что-то в нем естьстораживающее. Взять хотя бы огонек во взоре. Неуклюжесть и застенчивость тоже какие-то ненатуральные, будто он их разыгрывает.

Но зачем, ради всего святого, пускаться на подобное действие, если оно совершенно явно говорит не в его пользу?

«Ты псих, – сказал себе Спенсер. – Ты на таком взводе, что подскакиваешь от каждой тени, видишь затаившуюся фигуру под каждым кустом. Ладно, от двоих избавились, осталось повидать еще одного – конечно, если в приемную не набежали другие желающие встретиться со мной».

Он протянул руку к интеркому, но не успел включить его, как задняя дверь с грохотом распахнулась и в кабинет ввалился человек с обезумевшим взором, сжимая в руках что-то белое и извивающееся. Швырнув белое и извивающееся на стол Хэллока Спенсера, он с несчастным видом отступил назад.

На столе сидел кролик – белый кролик с большим розовым бантом на шее.

Напуганный Спенсер поднял глаза на человека, принесшего кролика, выкрикнув:

– Аккерман, ради Христа, Аккерман, что с вами?! Еще не Пасха!

Аккерман страдальчески зашевелил губами, задергав кадыком вверх-вниз, но не сумел вымолвить ни слова.

– Ну же, в чем дело?!

Дар речи наконец вернулся к Аккерману.

– Никерсон! – выпалил он.

– Ладно. Итак, Никерсон принес кролика...

– Да не принес он его! Кролик прибыл сам!

– А Никерсон?

– Там был только кролик, – затряс головой Аккерман.

Спенсер, приподнявшийся в кресле, уселся обратно с куда большей силой, чем намеревался.

– Сэр, к банту привязан конверт.

– Я вижу, – безразлично отозвался Спенсер, ощутив, как по жилам разливается холод.

Кролик бродил по столу, пока не оказался перед Спенсером. Пошевелив ушами, он сморщил свой розовый нос, осторожно склонил голову набок и решительно задрал заднюю ногу, чтобы вычесать блоху.

Развернувшись в кресле, Спенсер взглядом проводил выходящего оператора. За последние десять дней пропали трое – и вот теперь четвертый.

Но на сей раз он хоть вернул носитель, доставленный обратно кроликом. Как только механизм взведен, любое живое существо может привести его в действие и одним лишь своим присутствием вернуть обратно. Человек для этого отнюдь не обязателен.

Но Никерсон?! Никерсон был одним из лучших. Если уж нельзя надеяться на Никерсона, то нельзя надеяться ни на кого.

Спенсер обернулся к столу и протянул руку к кролику. Тот и не пытался удрать. Вытащив сложенный лист бумаги, Спенсер сломал скрепляющий его сургуч. Бумага оказалась такой толстой и плотной, что хрустела, пока Спенсер ее разглаживал.

Корявые буквы были написаны угольно-черными чернилами. Это явно не авторучка, а не что иное, как гусиное перо.

Адресованное ему письмо гласило:

Дорогой Хэл!

У меня нет логичного оправдания и потому не стану вдаваться в объяснения. Я ощутил свою весну и не могу вынудить себя покинуть ее. Ты получил свой носитель, и это куда лучше, чем поступали с тобой остальные. Кролик возражать не станет. Кроликам неведомо время. Будь добр к нему, ибо это не грубый дикий заяц из чащи, а любящий ручной зверек.

Ник.

Просто в голове не укладывается! Спенсер уставился на записку: черные каракули больше напоминали каббалистическую вязь, чем послание.

Итак, он ощутил весну. Что он хочет этим сказать? Весну сердца? Весну духа? Может, и так, ведь Никерсон отправился в Италию Раннего Возрождения. Весна духа и ощущение величия грядущих свершений. Быть может, дело не только в этом. Не исключено, что причиной всему чувство некой духовной безопасности в более миниатюрном мире – мире, не балующемся со временем, не устремляющемся к звездам.

Негромко запищал зуммер. Спенсер толкнул рычажок интеркома.

– Да, мисс Крейн?

– Звонит мистер Гарсайд.

Кролик покусывал телефонный провод, и Спенсер оттолкнул его в сторону.

– Да, Крис.

– Хэл, что там у тебя с Равенхолтом? – послышался серый прилизанный голос. – Он мне полчаса нервы мотал.

– Это насчет проекта «Бог».

– Да, он говорил. Угрожал поднять хай насчет этичности проекта нашего журнала.

– Это у него не выйдет, – возразил Спенсер. – У него нет никаких оснований. Этот проект чист. Ему дали зеленый свет и юридический, и этический отделы, а комитет надзора дал свое благословение. Это просто исторический отчет. Свидетельство очевидца битвы при Гет-

тисберге, обзор мод, бытовавших во времена королевы Виктории, – это самое крупное, что мы затронули. Рекламная ценность журнала, не говоря уж о доходах...

– Да-да, знаю, – устало отозвался Гарсайд. – Все это верно. Но я не хочу затевать ссоры ни с кем – а уж с Равенхолтом и подавно. У нас слишком много железа, которое давно надо ковать, пока не остыло. Мы не можем позволить себе роскошь непредвиденных осложнений, а Равенхолт в поединке не остановится ни перед какими низостями.

– Слушай, Крис, Равенхолта я беру на себя.

– Я так и думал. Более того, это в твоих же личных интересах.

– В каком смысле? – ошетинился Спенсер.

– В общем, если честно, Хэл, твои дела обстоят не лучшим образом. У тебя были проблемы...

– Ты имеешь в виду людей, которых мы лишились.

– И машины, – подхватил Гарсайд. – Ты все время упускаешь из виду, что каждая машина стоит четверть миллиона.

– А люди? – с горечью бросил Спенсер. – Наверно, ты считаешь, что они сравнительно дешевы.

– Я не предполагал, – вкрадчиво отозвался Гарсайд, – что можно определить реальную стоимость человеческой жизни.

– Сегодня мы потеряли еще одного, – сообщил Спенсер. – Полагаю, ты будешь счастлив слышать, что он оказался лоялен сверх велений долга и послал назад кролика. Машина цела и невредима.

– Хэл, – сурово отрезал Гарсайд, – это мы можем обсудить как-нибудь в другой раз. Сейчас меня волнует только Равенхолт. Если ты пойдешь к нему, извинишься и попробуешь все уладить...

– Извиниться?! – взорвался Спенсер. – У меня есть способ получше. Он путался со стриптизершей из «Золотого часа». Как только я все выясню...

– Хэл! – вскричал Гарсайд. – Ты не имеешь права так поступать! Не имеешь права впускать «Прошлое» в подобные дела! Да это же непристойно!

– Ты имеешь в виду, что это низко? Не ниже Равенхолта. Чего с ним чикаться?

– Это роли не играет. Молодой человек...

– Не называй меня молодым человеком! – вспылал Спенсер. – У меня забот полон рот и без твоей опеки.

– Наверно, забот чересчур много для тебя. – Голос Гарсайда стал совсем серым и прилизанным. – Наверно, надо найти на твое место другого.

– Ну так найди! – рявкнул Спенсер. – Нечего сидеть там и орать на меня до потери пульса! Иди сюда и вышвырни меня за дверь!

Грохнув трубку на рычаг, он откинулся на спинку кресла, дрожа от ярости.

Проклятый Гарсайд! К чертям собачьим «Прошлое»! Сыт по горло!

И все-таки это дерьмовый финал для пятнадцатилетней работы. Вонючая ситуация. Быть может, надо было держать язык за зубами, настроение в узде и быть тише воды, ниже травы.

Наверно, можно было сделать по-другому: уверить Равенхолта, что все будет улажено, и ни словом не упомянуть о Серебряной Звезде. И с чего это он так доверчиво ухватился за реплику Кейбла перед уходом? Что Кейбл может об этом знать? В ближайшее время надо выяснить, есть ли в «Золотом часе» какая-нибудь Серебряная Звезда.

А пока надо заняться делом.

Теперь Хадсон. Спенсер потянулся к кнопке зуммера.

Но так и не нажал ее. Задняя дверь снова с грохотом распахнулась, ударившись о стену, и в кабинет ворвался Дуглас Маршалл, оператор машины И-Джи.

– Хэл, – выдохнул он, – лучше зайти к нам. И-Джи такое учудил!..

6

Задавать вопросы Спенсер не стал. С первого же взгляда на лицо Дуга стало ясно, что новости очень скверные. Вскочив с кресла, Спенсер бросился к двери, вслед за Дугом.

Они ураганом пронеслись по коридору, свернув налево, к оперативному отделу, где вдоль стены выстроился ряд выпуклых, громоздких носителей.

В дальнем конце помещения операторы и техники сгрудились толпой, образовав неровный круг. Из центра круга доносилась похабная песня. Слова разобрать было невозможно.

Спенсер сердито подошел к толпе и протолкнулся сквозь нее. В центре сидел И-Джи, а рядом с ним еще один человек – грязный, бородатый, шумливый дикарь, облаченный в медвежью шкуру, с огромным мечом на поясе. Запрокинув голову, он вливал в себя содержимое бочонка; из уголков рта сбегали два ручейка светло-коричневой жидкости и терялись в густой растительности на груди.

– И-Джи! – гаркнул Спенсер.

При этом крике дикарь стремительно опустил бочонок, торопливо сунул его под мышку и утер усы большой грязной пятерней.

И-Джи неверной походкой двинулся вперед и бросился Спенсеру на шею, неустанно при этом смеясь. Спенсер стряхнул объятия и оттолкнул его от себя. И-Джи попытался на заплетаящихся ногах.

– И-Джи! – заревел Спенсер. – Что, черт подери, тут смешного?!

Тот ухитрился остановиться и попытался подтянуться, но никак не мог – смех по-прежнему душил его.

Дикарь шагнул к Спенсеру и сунул ему в руки бочонок, что-то радостно проорав и изобразив руками, что в бочонке содержится доброе пойло.

И-Джи энергично ткнул пальцем в сторону джентльмена в медвежьей шкуре:

– Хэл, никакой это не римский офицер! – и снова затрясся в приступе смеха.

Дикарь тоже гомерически загоготал, запрокинув голову и издавая такие раскаты смеха, что вся комната затряслась.

И-Джи кое-как доковылял до него, и они пали друг к другу в объятия, радостно хохоча и хлопая друг друга по спинам. Потом запутались в конечностях, утратили равновесие и упали. Так они и сидели на полу, глаза на обступивших их людей.

– Ну же! – рявкнул Спенсер на И-Джи.

Тот звонко шлепнул витязя в медвежьей шкуре по волосатому плечу.

– Просто привез в гости к Райтсон-Некрополь ее дальнего-предального прадедулю. Не могу дождаться поглядеть на ее физиономию, когда я его к ней отвезу!

– О боже мой! – взвыл Спенсер. Обернувшись, он сунул в чьи-то руки подтекающий бочонок и отрывисто бросил: – Не выпускайте их. Суньте куда-нибудь отоспаться.

Кто-то вцепился ему в запястье. Обернувшись, Спенсер увидел взмокшего Дугласа Маршалла.

– Надо послать их обратно, шеф, – выдохнул он. – И-Джи должен доставить его обратно.

– Не знаю, можно ли, – покачал головой Спенсер. – Пусть юридический решает. Просто держите их здесь и скажите парням... Скажите им, что если кто хоть шепнет...

– Буду из кожи вон лезть, но особо не обольщаюсь. Это банда трепачей.

Спенсер вывернулся и бегом рванул по коридору.

Ну и денек, думал он, прямо исковерканный какой-то!

Промчавшись по коридору, он увидел, что дверь с надписью «Только для персонала» закрыта. Проскользив на подошвах и почти остановившись, Спенсер уже потянулся к ручке, когда дверь резко распахнулась и оттуда вылетела мисс Крейн.

Столкнувшись нос к носу, оба отлетели назад. От толчка очки мисс Крейн съехали с переносицы, повиснув под нелепым углом.

– Мистер Спенсер, – запричитала она, – мистер Спенсер, просто ужас что стряслось! Помните мистера Хадсона?

Она наконец отступила с дороги. Спенсер влетел в кабинет и захлопнул за собой дверь, с горечью бросив:

– Разве его забудешь!

– Мистер Хадсон мертв! – выпалила мисс Крейн.

Спенсера будто громом поразило.

– Если б вы только приняли его, когда я просила! – неистовствовала секретарша. – Если б вы не заставили его столько ждать!..

– Но послушайте...

– В конце концов он встал, лицо его побагровело. Я не виню его, мистер Спенсер.

– Вы хотите сказать, что он умер прямо здесь?!

– Он сказал мне: «Передайте своему мистеру Спенсеру...» – и больше уже не издал ни звука. Покачнулся, ухватился за край стола, чтобы не упасть, но рука соскользнула, он как-то переломился в поясе и...

Дальше Спенсер не дослушал. В три прыжка пересек кабинет и выскочил в приемную.

Словно брошенное кем-то тряпичное чучело, мистер Хадсон распростерся на ковре, вытянув перед собой руку, оплетенную синими узелками вен. Кожаная папка лежала у самых кончиков его пальцев, будто даже из-за гробовой черты он пытался до нее дотянуться. Пиджак его сбился наверх, горбом вздувшись на лопатках. Спенсеру бросилось в глаза, что воротник белой рубашки покойника обтрепан на уголках.

Медленно подойдя к бесчувственному телу, Спенсер опустился на колени и приложил ухо к груди лежащего.

Ни малейшего биения.

– Мистер Спенсер! – Все еще напуганная, но весьма довольная мисс Крейн замерла на пороге. Такого еще не случалось за все годы ее работы секретарем – да что там, за всю ее жизнь. Это даст ей пищу для разговоров на многие годы вперед.

– Заприте дверь, – распорядился Спенсер, – чтобы никто сюда не ворвался. Затем позвоните в полицию.

– В полицию?!

– Мисс Крейн! – резко осадил ее Спенсер.

Секретарша обошла и его, и распростертое на полу тело, пятясь бочком вдоль стены.

– И в юридический позвоните, – добавил Спенсер, сидя на корточках над покойником и ломая голову, как могло такое случиться. Скорее всего, сердечный приступ. Мисс Крейн говорила, что у Хадсона был больной вид, и уговаривала принять его первым, в обход двух остальных.

Спенсеру пришло в голову, что уж если будут искать повинного в случившемся, то непременно взвалят все на него. Если бы Хадсону не пришлось дожидаться, все более и более разъяряясь с течением времени, ничего подобного не произошло бы. Хадсон, больной, нервный человек – и к тому же гневный, дожидался в этой самой комнате... Но чего именно?

Спенсер пристально разглядывал вытянувшуюся на ковре тряпичную куклу, бывшую недавно человеком: поредевшие на макушке волосы, погнутые и скрученные падением очки с толстыми линзами, костлявые руки с выпуклыми узлами вен. Чего же мог хотеть от корпорации «Прошлое» подобный человек?

Вставая с корточек, Спенсер вдруг утратил равновесие и, чтобы не упасть, оперся на что-то позади себя. Под его ладонью оказалось что-то гладкое и прохладное. Даже не глядя, он понял, что это такое: папка Хадсона!

Ответ может находиться там!

Мисс Крейн возится с замком, запирая дверь. В помещении больше никого.

Одним резким толчком Спенсер послал папку по полу в сторону двери своего кабинета, плавным движением встал и обернулся. Папка остановилась на пороге. Одним стремительным шагом он оказался рядом с ней и носком ботинка подпихнул в кабинет, от глаз подальше.

Тут раздался щелчок вставшей на место защелки, и мисс Крейн обернулась.

– Мистер Спенсер, кому в первую очередь: полиции или юристам?

– Я полагаю, полиции.

Спенсер ушел в кабинет, осторожно прикрыв дверь, чтобы осталась щель шириной чуть меньше дюйма. Потом подхватил папку с пола и поспешил к своему месту.

Положив папку на стол, он расстегнул ее и обнаружил три отдельно скрепленные рукописи.

На первой сверху значился заголовок: «Исследование этики путешествий во времени». А дальше – страница за страницей машинописного текста, густо исчерканного остро отточенным красным карандашом.

Вторая, без всякого заголовка, состояла из ряда косо-криво нацарапанных пометок.

А вот третья, снова отпечатанная на машинке, с аккуратно вычерченными графиками и схемами, была озаглавлена: «Новая концепция механики путешествий во времени».

Спенсер, затаив дыхание, склонился над текстом. Как он ни торопился пробежать статью взглядом, но все же вынужден был сдерживаться, чтобы за спешкой не проглядеть смысла.

Надо ведь еще вернуть папку на место, и притом незаметно. Он присвоил ее не по праву. Если полиция обнаружит, что Спенсер шарил в ней, могут быть неприятности. И лежать она должна не пустая. Вряд ли человек мог прийти к нему на прием с пустой папкой в руках.

Услышав, что в приемной зазвучал голос мисс Крейн, Спенсер быстро принял решение и смахнул вторую и третью рукописи в ящик стола, а первую, об этике путешествий во времени, сунул обратно в папку и застегнул. Фараонам этого будет вполне довольно.

Взяв папку в левую руку, Спенсер прижал ее к бедру и вышел из двери кабинета, держась к секретарше правым боком, чтобы загородить папку телом. Мисс Крейн беседовала по телефону и на него не смотрела.

Спенсер выронил папку на ковер, у самых пальцев покойника.

Секретарша договорила, положила трубку на рычаг и увидела, что начальник стоит в приемной.

– Полиция вот-вот подъедет, – сообщила она. – А теперь я позвоню мистеру Гауксу из юридического.

– Спасибо. А пока ждем, я займусь бумагами.

7

Вернувшись за стол, Спенсер извлек «Новую концепцию механики путешествий во времени». На рукописи стояло имя Буна Хадсона.

По мере углубления в чтение Спенсера охватывало все большее изумление, а вместе с ним и странное, холодное волнение – ибо здесь наконец перед ним предстало то, что положит конец головным болям корпорации «Прошлое».

Больше никто не столкнется с кошмаром того, что хороший времяпроходец выходит в тираж за несколько лет.

Больше не будет человек уходить во Время юношей, а возвращаться через шестьдесят секунд со следами прожитых лет на лице. Больше никому не придется наблюдать, как друзья стареют от месяца к месяцу.

Ибо теперь уже делать это придется не самому человеку, а матрице его личности.

«Материальное дублирование», как мысленно назвал это Спенсер. Во всяком случае, можно назвать и так. Человека будут отправлять в прошлое, но носитель не станет физически перемещаться сквозь Время, как сейчас, а будет проецировать собственную матрицу и матрицу находящегося там человека, материализуя их в пункте назначения. А внутри носителя – основного носителя, первичного носителя, исходного носителя, остающегося в настоящем, – будет другая матрица, дубликат человека, посланного в прошлое.

А вернется человек в настоящее не таким, каким является в это мгновение прошлого, а таким, какова *была* матрица в момент его входа в глубины Времени.

Он выйдет из носителя в точности таким, как и вошел, не постарев ни на секунду, а фактически говоря, даже на минуту моложе, чем должен быть! Ибо для него шестидесяти секунд между отправкой и возвращением просто не было.

Многие годы собственный исследовательский отдел «Прошлого» искал решение этой проблемы, но даже близко к нему не подошел. И вдруг сегодня незваным явился какой-то посторонний; он сидел, сгорбившись, в приемной, баюкая на коленях папку с ответом, но его вынудили ждать – ждать до умопомрачения.

И вот он ждал, ждал, ждал – и в конце концов умер.

Раздался стук в дверь приемной. Послышались шаги мисс Крейн через комнату, чтобы открыть пришедшим.

Спенсер торопливо выдвинул ящик и сгреб бумаги туда. Затем встал из-за стола и направился в приемную.

Возле распростертого на ковре тела стоял Росс Гаукс, глава юридического отдела корпорации «Прошлое», и разглядывал покойника.

– Привет, Росс! – сказал Спенсер. – Скверное дело.

Гаукс озадаченно поглядел на него. Его блекло-голубые глаза поблескивали из-за стекол аккуратных, элегантных очков, а совершенно седые волосы почти не контрастировали с разлитой по лицу бледностью.

– Но что тут понадобилось Дэну?

– Дэну? – переспросил Спенсер. – Его зовут Бун Хадсон.

– Да-да, знаю. Но все звали его Дэном – Дэниелом Буном¹, понимаешь ли. Иногда он из-за этого раздражался. Работал в исследовательском. Пришлось выставить его за дверь лет пятнадцать-шестнадцать тому назад. Единственное, почему я его узнал, – с ним возникли какие-то неприятности. Ему взбрело в голову, что можно возбудить иск против нас.

– Спасибо, понял, – кивнул Спенсер. Уже на полпути к своему кабинету он вдруг обернулся. – Еще одно, Росс. За что его выставили?

– Точно уж и не помню. Он халатно относился к своим обязанностям. Делал не то, что поручено, а уклонился в сторону. По-моему, занялся дублированием материи.

– Так вот оно что, – протянул Спенсер.

Войдя в кабинет, он запер стол и удалился через другую дверь.

Сев на стоянке в свою машину, он задним ходом вывел ее на улицу и медленно поехал прочь.

Перед зданием стояла патрульная машина, из которой выбирались двое полицейских. Сзади к ней подъезжала карета «скорой помощи».

Вот оно как, думал Спенсер. Пятнадцать лет назад Хадсона выставили за дверь за то, что он был одержим безумной идеей материального дублирования и делом не занимался. И по сей день исследовательский отдел мало-помалу сходит с ума, пытаясь найти решение, которое Хадсон давным-давно преподнес бы на блюдечке, если бы его оставили на службе.

---

¹ Дэниел Бун – легендарный первопроходец американского Запада, персонаж многих преданий. – *Примеч. перев.*

Спенсер попытался представить, каково было в эти годы Хадсону, скорее всего продолжавшему неустанно трудиться в тиши над своей безумной идеей. Как он наконец довел ее до окончательного решения, убедился в надежности выкладок и пришел в корпорацию «Прошлое», чтобы ткнуть результат им в нос.

Именно так, как теперь ткнет его Хэллок Спенсер.

Гринвич-стрит оказалась тихой улицей благородных бедняков, застроенной небольшими обветшавшими домиками. Несмотря на малые размеры, а порой и неухоженность домов, здесь ощущалась некая солидная гордость и респектабельность.

На рукописи значился адрес: «Гринвич, 241». Под этим номером оказался приземистый коричневый домик, окруженный ветхим деревянным забором. Двор буйствовал цветами, но, несмотря на это, дом казался нежилым.

Спенсер протиснулся сквозь покосившуюся калитку и пошел по дорожке, изрядно сузившейся из-за цветов, потеснивших ее с обеих сторон. Поднявшись по хлипким ступеням на шаткое крылечко и не найдя звонка, он постучал в закрытую дверь.

Ответа не последовало. Спенсер нажал на ручку, и она повернулась. Слегка приоткрыв дверь, он протиснулся в коридор. Там царила тишина.

– Аллю, есть кто дома? – позвал Спенсер и подождал.

Никого.

Пройдя в гостиную, он огляделся.

Спартанская, почти монашеская обстановка. Совершенно очевидно, что Хадсон жил один: на всем лежит отпечаток временного, лагерного быта старого холостяка. У стены койка, на спинку которой брошена грязная рубашка. Под койкой в ряд выставлены две пары туфель и шлепанцы. Напротив койки – старомодный платяной шкаф. С приделанной к нему сбоку планки косо-криво свисают полдюжины галстуков. В ближайшем к кухоньке углу примостился небольшой столик. На нем – коробка крекеров и стакан с подсохшими потеками молока. Футах в пяти подалее – массивный письменный стол. Поверхность его девственно пуста, не считая пишущей машинки и оправленной в деревянную рамку фотографии.

Подойдя к столу, Спенсер принялся выдвигать ящики, один за другим. Ящики оказались почти пустыми. В одном он обнаружил курительную трубку, коробку скрепок, скрепкосшиватель и одинокую покерную фишку. В других валялся всяческий хлам и пустяки, но ничего стоящего. Нашлось еще полпачки писчей бумаги – но нигде ни строчки. В нижнем ящике слева лежала полупустая пузатая бутылка с хорошим шотландским виски.

И все.

Обыскав шкаф, Спенсер обнаружил лишь рубашки, белье и носки.

Он пробрался на кухню. Только встроенные в стены плита, холодильник и буфет. Нигде ничего, кроме скудного запаса продуктов.

А спальни – их оказалось две – пребывали в запустении: ни следа мебели – лишь покрывающий пол и стены слой тонкой, легкой пыли. Спенсер постоял на пороге каждой из них, озираясь. Запустение и тоска. Входить он не стал.

Вернувшись в гостиную, он подошел к столу и взял фотографию. С нее смотрела женщина; на оттененном сединой волос лице усталая, но бодрая улыбка и выражение беспредельного терпения.

Тут нечего искать, подумал Спенсер, если только не располагать временем, чтобы обыскать каждый угол, каждую щелку, разобрать дом по дощечке и по камешку. Но и тогда вряд ли что найдется.

Выйдя из дома, он поехал обратно.

– Быстро же вы поели, – угрюмо изрекла мисс Крейн.

– Все в порядке? – осведомился Спенсер.

– Полицейские были весьма и весьма любезны. И мистер Гаукс, и мистер Снелл горят желанием вас видеть. А еще звонил мистер Гарсайд.

– Чуть позже. Мне надо заняться делом. Позаботьтесь, чтобы меня не беспокоили.

С этими словами он вошел в кабинет и с непререкаемым выражением на лице закрыл за собой дверь. Там он извлек из ящика стола бумаги Хадсона и углубился в чтение. Даже не обладая инженерным образованием, он знал достаточно, чтобы кое-как в них разобраться, хотя порой приходилось перечитывать отдельные места более внимательно или разбираться в графике, пролистнутом с излишней поспешностью. Наконец он перевернул последнюю страницу.

Здесь есть все, до последней детали.

Разумеется, работа будет проверена инженерами и техниками. При воплощении идеи в материале могут выявиться какие-нибудь закавыки, но концепция в комплекте с теорией и ее приложениями содержится в работе Хадсона от начала и до конца.

Хадсон ничего не утаил – никаких ключевых деталей, никаких существенных моментов.

Это безумие, недоумевал Спенсер. Надо всегда оставлять за собой зацепку, возможность поторговаться. Нельзя доверять другим людям, не говоря уж о корпорациях, да еще так безоговорочно, как намеревался Хадсон. Особенно нельзя доверять компании, из которой тебя вышвырнули пятнадцать лет назад за работу над этой самой концепцией.

Какое нелепое и трагичное стечение обстоятельств!

Корпорация «Прошлое» даже не догадывалась, куда метит Хадсон. А Хадсон, в свою очередь, был обречен на молчание из-за того, что не продвинулся достаточно далеко, чтобы проникнуться уверенностью в концепции или хотя бы в себе самом. Даже если бы он попытался выложить все начистоту, над ним лишь посмеялись бы, ведь его репутация не могла подтвердить основательность столь вопиющих мечтаний.

Сидя за столом, Спенсер вспоминал домик на Гринвич-стрит, где жизненное пространство человека стиснулось до размеров одной комнаты; в остальных же шаром покати; нигде ни следа удобств и уюта. Должно быть, вся мебель из этих комнат, все скопленное за многие годы добро было мало-помалу распродано – один драгоценный предмет за другим, чтобы кухонные полки не опустели.

Этот человек отдался мечте всей душой, ушел в мечту и жил одной лишь мечтой так долго, что она заменила ему все остальное. Наверное, он знал, что вот-вот умрет.

Не удивительно, что вынужденное ожидание тревожило его.

Отодвинув рукопись Хадсона в сторону, Спенсер взялся за рукописные пометки. Страницы были заполнены неразборчивыми карандашными строчками, длинными шеренгами математических формул, торопливо набросанных схем. Это вряд ли пригодится.

Интересно, а как же другая рукопись – та, что осталась в папке, касающаяся этики? Она не может не состоять в тесной взаимосвязи с концепцией Хадсона. Быть может, она содержит нечто существенное, сказывающееся на новом подходе к проблеме?

До сей поры вся этика путешествий во времени волей-неволей сводилась в основном к обширному списку всяческих «не»:

«Не вывези человека из прошлого.

Не укради, доколе вещь не утрачена.

Не поведай никому из прошлого о существовании путешествий во времени.

Не вмешивайся никоим образом в течение событий прошлого.

Не пытайся войти в будущее – и не спрашивай почему, ибо вопрос этот непристойен».

– Да, мисс Крейн?

– К вам пришел мистер Гарсайд. С ним мистер Гаукс и мистер Снелл. – В голосе ее проскользнули едва уловимые нотки удовлетворения.

– Ладно. Пригласите их.

Собрав бумаги со стола и спрятав их в портфель, он откинулся на спинку кресла, озирая входящих.

– Итак, джентльмены? Похоже, ко мне целая делегация.

Не успев договорить, Спенсер понял, что сморозил непристойность. Они даже не улыбнулись. Значит, дело плохо. Всякий раз, когда юридический и отдел связи с прессой сходятся вместе, жди беды.

Вошедшие расселись.

– Мы полагали, – начал Снелл в своей отработанной манере бывалого пресс-секретаря, – что если соберемся вместе и попытаемся обсудить...

Но Гаукс не дал ему договорить, с упреком бросив Спенсеру:

– Ты умудрился поставить нас в самое затруднительное положение!

– Да, я знаю, – не смутился тот. – Давайте перечислим повестку дня. Мой подчиненный доставил человека из прошлого. Другой человек скончался в моем кабинете. Я забыл о необходимости лебезить перед надутым индюком, заявившимся, чтобы помочь нам заправлять нашими делами.

– Уж больно ты легко к этому относишься, – отозвался Гарсайд.

– Пожалуй, что так, – охотно согласился Спенсер. – Давай скажем покрепче: мне на это плевать. Нельзя же позволять формировать свою политику, уступая напору силовых элементов.

– Сейчас ты, разумеется, говоришь о деле Равенхолта.

– Крис, – с энтузиазмом подхватил Снелл, – ты попал в самую точку. Вот шанс по-настоящему подкупить общественность. Мы имеем дело с такими вещами, в которых обывателю мерещится привкус колдовства. Естественно, он старается держаться от нас подальше.

– И что более существенно, – с беспокойством вставил Гаукс, – если мы завернем этот проект, этот...

– Проект «Бог», – подсказал Спенсер.

– Мне не очень-то по душе твои формулировочки.

– Ну так придумай название сам, – спокойно откликнулся Спенсер. – А мы его зовем именно так.

– Если мы не двинем его вперед, нас могут обвинить в атеизме.

– А откуда общественность узнает, что мы завернули его? – осведомился Спенсер.

– Уж будьте покойны, – с горечью проронил Снелл, – Равенхолт постарается на совесть, чтобы оповестить об этом свет.

Спенсера вдруг охватила ярость. Грохнув кулаком о стол, он заорал:

– Я же сказал, как с ним управлюсь!

– Хэл, – тихо возразил Гарсайд, – мы просто не можем так поступить. У нас ведь есть чувство собственного достоинства.

– Да уж, так поступить вы не можете. Зато можете подладиться под Равенхолта и тех, кто его поддерживает. Можете запустить обзор возникновения религий. Можете фальсифицировать отчеты.

Все трое ошеломленно замолкли. На мгновение Спенсер и сам изумился тому, что осмелился произнести это вслух. С начальством так не разговаривают. Но необходимо сказать еще кое-что.

– Крис, ты собираешься проигнорировать мою докладную и продвинуть проект вперед, не так ли?

– Боюсь, мы просто вынуждены, – с нарочитой учтивостью ответил Гарсайд.

Бросив взгляд на Гаукса и Снелла, Спенсер заметил потаенные улыбки обоих, затаившиеся по ту сторону губ, – презрительные, глумливые усмешки наделенных властью.

– Да, я так и думал, – неторопливо вымолвил он. – Что ж, теперь это на вашей шее, вы и выпутывайтесь.

– Это в твоей компетенции!

– Больше нет. Я оставляю эту работу.

– Эй, погоди, Хэл, послушай, – вскинулся Гарсайд. – Ты не можешь вот так взять да и уйти! И без какого бы то ни было предупреждения! Вспорхнул, как мотылек. У нас есть маленькие разногласия, но это же не повод...

– Я решил, что должен как-то вам помешать. Не могу допустить осуществление проекта «Бог». Предупреждаю, что, если вы на это пойдете, я дискредитирую вас. Я подвергну точной и нелицеприятной проверке каждый ваш шаг. А сам тем временем собираюсь открыть собственное дело.

– Наверно, путешествия во времени?

Спенсер понял, что его решили высмеять.

– Я подумывал об этом.

– Ты даже не получишь лицензии, – презрительно ухмыльнулся Снелл.

– А по-моему, получу. – Спенсер знал это наверняка. Совершенно новая концепция снимет большинство затруднений.

– Ладно, – вставая, изрек Гарсайд, – ты нынче не в духе. Когда чуток поостынешь, зайди ко мне потолковать.

– До свиданья, Крис, – отрицательно затряс головой Спенсер и, не вставая, проводил удаляющуюся троицу начальников взглядом.

Как ни странно, теперь, когда все кончено – или только начинается? – внутреннее напряжение покинуло его, сменившись ровным спокойствием. Надо раздобыть денег, надо нанять техников и инженеров, надо найти и обучить времяпроходцев – и еще много, много всякого. Подумав об этом, Спенсер вдруг ощутил мгновенный укол сомнения, но отверг его одним пожатием плеч.

Покинув кресло, он вышел в приемную.

– Мисс Крейн, во второй половине дня должен был зайти мистер Кейбл.

– Сэр, я его не видела.

– Ну конечно! – согласился Спенсер, ибо внезапно все встало на свои места – если только он осмелится поверить забрезжившему пониманию.

В глазах Кейбла теплился какой-то весьма настораживающий огонек. И вот сейчас, в нежданной вспышке просветления, Спенсер осознал, что именно выражали глаза юноши.

Это было восторженное почитание!

Именно так смотрят на человека, вошедшего в легенды.

«Я заблуждаюсь, – подумал Спенсер, – ведь я не легендарная личность, по крайней мере до сей поры».

Но в глазах юного Кейбла было и еще что-то. И снова Спенсер догадался, что именно. Кейбл молод, но в глазах его читалась мудрость старца. Это были глаза человека, повидавшего куда больше, чем способен увидеть кто-либо за тридцать лет своей жизни.

– А что передать, – осведомилась мисс Крейн, – если он зайдет?

– Не утруждайтесь. Я уверен, что не зайдет.

Ибо Кейбл свою работу сделал – если только это была работа. Она могла представлять собой вопиющее нарушение этики, совершенно явное вмешательство – а может быть, явилась просто уступкой искушению сыграть роль Бога.

И может статься, все было специально запланировано.

Неужели они где-то в будущем разрешили задачу, которую он изложил Кейблу, – задачу оправданного вмешательства в прошлое?

– Мисс Крейн, – произнес Спенсер, – не будете ли вы любезны напечатать мое заявление об уходе? Прямо с нынешнего момента. Сформулируйте его поофициальнее. Я в обиде на Гарсайда.

Мисс Крейн даже бровью не повела, невозмутимо заправляя бумагу в машинку.

– Мистер Спенсер, а какую указать причину?

– Можете написать, что я открываю собственное дело.

«Интересно, – ломал он голову, – а было ли такое время, когда события пошли по иному пути? Было ли такое время, когда Хадсон пришел меня повидать и вовсе не умер? Было ли время, когда я отдал концепцию Хадсона „Прошлому“, вместо того чтобы утаить ее для себя?

Ведь если бы не Кейбл, оттянувший время, скорее всего, я принял бы Хадсона, когда было еще не слишком поздно. А если бы принял, то непременно направил бы бумаги в надлежащие инстанции.

Но если даже так, – гадал он, – откуда у них уверенность (бог ведает, у кого именно), что я не приму Хадсона первым? Да-да, ведь мисс Крейн настоятельно рекомендовала мне поступить именно так.

Вот оно! – Его охватило волнение. – Именно то самое! Я бы непременно принял Хадсона первым, не настаивай на этом мисс Крейн».

Стоя посреди приемной, он вспоминал многие годы, на протяжении которых мисс Крейн старательно трудилась над выработкой у него обратного рефлекса, окончательно приучив его делать в точности противоположное тому, на чем она настаивает.

– Мистер Спенсер, – подала голос мисс Крейн, – я закончила заявление. И еще одно, едва не забыла.

Пошарив в ящике стола, она что-то извлекла и выложила на стол.

Папка Хадсона.

– Должно быть, полиция ее проглядела. Это было весьма неосмотрительно с их стороны. Я решила, что вам это может пригодиться, – пояснила секретарша. Спенсер ошеломленно молчал, воззрившись на папку. – Это придется очень кстати к остальным имеющимся у вас материалам.

Тут послышались приглушенные удары о пол, и Спенсер стремительно обернулся. Белый кролик с длинными обвисшими ушами скакал по ковру, высматривая морковку.

– Ой, какой лапушка! – совершенно не в своей манере воскликнула мисс Крейн. – Это тот, которого мистер Никерсон прислал вместо себя?

– Тот самый. Я напрочь о нем забыл.

– А можно я возьму его себе?

– Мисс Крейн, мне вот пришло в голову...

– Да, мистер Спенсер?

И что же теперь сказать?

Взять да и выпалить: мол, я знаю, что вы одна из них?

Это потребует пространных объяснений, да к тому же весьма запутанных. А кроме того, мисс Крейн не из тех, перед кем можно выпалить признание.

– Я вот подумал, мисс Крейн, – сглотнув, продолжал он, – не захотите ли вы перейти на работу ко мне? Мне понадобится секретарша.

– Нет, я уже стара, – покачала она головой. – Подумываю о пенсии. Пожалуй, теперь, раз вы уволились, я просто исчезну.

– Но, мисс Крейн, я отчаянно нуждаюсь в вас.

– Как-нибудь на днях, когда вам потребуется секретарша, к вам зайдет соискательница на должность. На ней будет ярко-зеленое платье и такие новомодные очки, а еще она принесет

с собой белоснежного кролика с бантом на шее. Она вам покажется несколько взбалмошной, но вы ее все равно примете.

– Запомню. Буду ее поджидать. Никого другого не найму.

– Она ни в малейшей степени не будет похожа на меня, – предупредила мисс Крейн. –

Она намного милее.

– Благодарю вас, мисс Крейн, – совсем не к месту сказал Спенсер.

– И не забудьте вот это. – Она протянула папку.

Взяв папку, Спенсер направился к двери, но на пороге обернулся.

– До встречи.

И впервые за пятнадцать лет мисс Крейн улыбнулась ему.

Марсианин

Перевод К. Королева

Из дальнего космоса возвращался домой «Привет, Марс-IV» – первый звездолет, достигший Красной планеты. Его обнаружили телескопы Лунной обсерватории, что располагалась в кратере Коперник; на Землю сразу же ушло сообщение с координатами корабля. Несколько часов спустя земные приборы засекли в небе крохотную мерцающую точку.

Два года назад те же самые телескопы провожали звездолет в путь – до тех пор пока серебристый корпус корабля не затерялся среди звезд. С того дня «Привет, Марс-IV» не подавал никаких сигналов; и вот теперь Лунная обсерватория, заметив вдалеке пятнышко света, известила Землю о его появлении.

Поддерживать с кораблем связь во время полета не представлялось возможным. На Луне находились мощные радиостанции, способные передавать ультракоротковолновые сообщения на расстояние в четверть миллиона миль, отделявшее Луну от Земли. Но это был предел: о связи через пятьдесят миллионов миль не приходилось и мечтать. Так что звездолет словно сгинул в пространстве, оставив людей на Земле и Луне гадать об участии экипажа.

Ныне же, когда Марс вновь очутился напротив Земли, корабль возвращался, корректируя курс, – из дюз то и дело вырывалось пламя; стальной комарик мчался к родной планете, прочь из таинственного безмолвия, резво преодолевая милю за милей. Он возвращался победно, его корпус покрывал слой красной марсианской пыли.

На борту звездолета находились пятеро отважных мужчин – начальник экспедиции Томас Делвени, рыжеволосый навигатор Джерри Купер, лучший кинооператор мира Энди Смит и еще двое астронавтов, Джимми Вотсон и Элмер Пейн, – суровые ветераны, принимавшие когда-то участие в покорении Луны.

Этот «Привет, Марс» был четвертым – три предыдущих корабля так и не вернулись, три запуска окончились неудачей. Первый звездолет в миллионе миль от Луны столкнулся с метеоритом. Второй – это было видно в телескопы – полыхнул пламенем и превратился в алое пятно: взорвались топливные баки. Третий попросту исчез – летел себе и летел, пока не пропал из виду; шесть лет подряд специалисты ломали головы над тем, что же произошло, но так и не пришли ни к какому выводу.

Тем не менее четыре года спустя – то есть два года назад – с Земли стартовал «Привет, Марс-IV». Теперь он возвращался – серебристая точка в черном небе, – сверкающий символ человеческого стремления к другим планетам. Он достиг Марса – и вот теперь возвращается. За ним полетят другие; некоторые погибнут, сгинут без следа, однако кому-то посчастливится, и человечество, столь настойчиво и слепо пытающееся разорвать земные путы, наконец-то ступит на дорогу к звездам.

– Как по-вашему, док, что они там нашли? – Джек Вудс, корреспондент «Экспресс», закурил сигарету.

Доктор Стивен Гилмер, председатель Комиссии по межпланетным сообщениям, выпустил клуб дыма – он курил сигару – и ответил, не скрывая раздражения:

– Откуда, черт побери, мне знать? Надеюсь, что хоть что-то. Эта прогулка обошлась нам в миллион баксов.

– Ну а все-таки, док? – не отступался Вудс. – Что они могли там обнаружить? Без подробностей, в общих чертах. На что похож Марс?

– Я скажу, а потом вы поместите мои слова на первой странице, – брюзгливо отозвался Гилмер, пожевав сигару. – Не желаю ничего придумывать. Вечно вам невтерпеж. Знаете, ребята, порой вы меня изрядно достаете.

– Док! – умоляюще воскликнул Гэри Хендерсон из «Стар». – Скажите нам хоть что-нибудь.

– Точно, – поддержал коллегу Дон Бакли из «Спейсуэйз». – Какая вам разница? Вы ведь всегда можете заявить, что мы неправильно вас поняли. Такое случается сплошь и рядом.

Гилмер указал на стоящую чуть поодаль группу – членов официального комитета по встрече.

– Почему бы вам не пообщаться с мэром? Он наверняка не откажется.

– Конечно, – согласился Гэри, – но опять отделается пустыми фразами. И потом, мы так часто печатали его фотографию на первой полосе, что он, похоже, решил, будто владеет газетой.

– Как вы думаете, почему они не выходят на связь? – спросил Вудс. – Корабль уже несколько часов в зоне слышимости.

– Может, у них сломался передатчик, – предположил Гилмер, перекатив сигару из одного уголка рта в другой.

Чувствовалось, что он обеспокоен молчанием звездолета. Доктор наморщил лоб. Неужели передатчик поврежден настолько серьезно, что его невозможно починить?

Шесть часов назад корабль вошел в атмосферу и принялся кружить по орбите, гася огромную скорость. Весть о прибытии звездолета быстро распространилась по планете, и на космодром хлынули любопытные. Людей становилось все больше, на близлежащих шоссе возникли громадные пробки, полицейские кордоны с трудом удерживали толпу зевак, что норовили попасть на посадочную площадку. День выдался жаркий, прохладительные напитки шли нарасхват. У кого-то из женщин случился обморок; кого-то нечаянно повалили наземь и затоптали. Какое-то время спустя завывла сирена «скорой помощи».

– Уф! – выдохнул Вудс. – Посылаем корабли на Марс, а управлять толпой до сих пор не научились. – Он выжидающе уставился в ярко-голубое небо. – Скоро должен появиться.

Конец фразы репортера заглушил нарастающий рев, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Из-за горизонта вынырнул звездолет; сверкнув на солнце, он пронесся над космодромом, сопровождаемый восторженным ревом толпы, который на мгновение как будто даже перекрыл грохот двигателей, и исчез в отдалении, полыхнув носовыми дюзами.

– Купер выжимает все, что может, – благоговейно произнес Вудс. – Корпус того и гляди расплавится.

Он поглядел на запад, вслед исчезнувшему из вида кораблю. Сигара, про которую Вудс совсем забыл, обожгла ему пальцы. Краем глаза он заметил фотокорреспондента «Экспресс» Джимми Эндрюса.

– Ты успел снять? – рявкнул Вудс.

– Еще чего! – крикнул в ответ Эндрюс. – Попробуй-каними молнию!

Звездолет показался снова. Он летел медленнее, однако его скорость по-прежнему ужасала. На какой-то миг корабль словно завис в воздухе, после чего клюнул носом и устремился к космодрому.

– Он не сядет на такой скорости! – завопил Вудс. – Он же разобьется!

– Осторожно!

Этот звук вырвался сразу из доброй дюжины глоток. Корабль приземлился – вонзился носом в землю, оставив позади себя глубокую дымящуюся борозду. Корма задралась высоко вверх: чудилось, что звездолет в любой момент может опрокинуться.

Толпа на дальнем конце поля, охваченная паническим страхом при виде надвигающегося на нее стального монстра, мгновенно рассыпалась в разные стороны. Люди бежали, толкались,

спотыкались, сбивали друг друга с ног. Однако «Привет, Марс-IV» замер в непосредственной близости от полицейского кордона, уже не способный перевернуться, – потрепанный, побывавший в переделках звездолет, первым достигший Марса и вернувшийся домой.

Корреспонденты и фотографы кинулись вперед. Толпа завизжала. Визг смешался с гудками автомобилей и воем сирен. Издалека, с окраины города, доносились пронзительные свистки и перезвон колоколов.

На бегу Вудсу пришла шальная мысль, в которой было что-то от дурного предчувствия. Такая посадка... Управляй кораблем Джерри Купер, он ни за что не стал бы сажать звездолет на столь чудовищной скорости. Это было сущим безумием, а Джерри – опытный навигатор, не из тех, кто любит играть со смертью. Джек видел его пять лет назад на Лунном дерби и не мог не восхититься искусством, с каким Джерри пилотировал свой корабль.

Люк в борту звездолета медленно открылся, лягнул металл. Из корабля вышел человек – вышел, покачнувшись, упал и не поднимался.

Доктор Гилмер подбежал к нему и подхватил на руки.

Вудс мельком увидел запрокинутую голову и лицо астронавта. Лицо принадлежало Джерри Куперу, но черты исказились настолько, что узнать того было почти невозможно. Это лицо запечатлелось в памяти Вудса, будто вытравленное кислотой, – кошмарный образ, при воспоминании о котором бросало в дрожь: глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки, стекающая слюна, и с губ слетают какие-то нечленораздельные звуки...

– Уйди с дороги! – гаркнул Эндрюс, отталкивая Вудса. – Или как прикажешь снимать?

Джек услышал тихое гудение. Затем раздался щелчок. Все, снимок есть.

– Где остальные? – крикнул Гилмер. Купер бессмысленно уставился на него; лицо навигатора исказилось гримасой страха и боли сильнее прежнего. – Где остальные?

Во внезапно наступившей тишине голос Гилмера прозвучал неожиданно громко.

– Там, – прошептал Купер, мотнув головой в сторону корабля. Его шепот резанул слух всем, кто стоял поблизости. Он вновь забормотал что-то невразумительное, а потом с усилием прибавил: – Мертвы. – И повторил в тишине: – Все мертвы.

Остальных членов экипажа обнаружили в жилом отсеке, позади запертой рубки. Все они были мертвы, причем умерли достаточно давно.

Энди Смит у кого-то размогил могучим ударом череп. Джимми Уотсона задушили: на шее до сих пор виднелись синие вздувшиеся отпечатки чьих-то пальцев. Элмер Пейн скрючился в уголке: на его теле не нашли никаких следов насилия, хотя лицо выражало отвращение – этакая маска боли, страха и страдания. Томас Делвени распростерся у стола на полу с перерезанным горлом – похоже, старомодной бритвой с побуревшим от крови лезвием, которую крепко сжимал в правой руке.

У стены жилого отсека стоял большой деревянный ящик, на котором кто-то написал дрожащей рукой одно-единственное слово – «Животное». Судя по всему, надпись должна была иметь продолжение: ниже виднелись диковинные закорючки, нацарапанные тем же черным мелком. Они змеились по доскам и не сообщали ничего сколько-нибудь полезного.

К вечеру буйнопомешанный, который был когда-то Джерри Купером, умер. Банкет, организованный городскими властями в честь покорителей космоса, отменили, ибо чествовать оказалось некого.

Кто же сидит в деревянном ящике?

– Животное, – заявил доктор Гилмер. – Все остальное меня, по большому счету, не касается. Кажется, оно живо, но сказать наверняка трудно. Даже передвигаясь быстро – быстро для нее, разумеется, – эта тварь, пожалуй, ленивца заставит поверить, что он способен носиться мухой.

Джек Вудс поглядел на существо, которое доктор Гилмер обнаружил в ящике с надписью «Животное». Оно находилось внутри стеклянного аквариума с толстыми стенками и весьма смахивало на ком шерсти.

– Свернулось себе и спит, – заметил корреспондент.

– Как же! – фыркнул Гилмер. – Просто у него такая форма тела – сферическая. Вдобавок оно все обросло мехом. Если придумать название поточнее, то ему больше подходит имя Меховушка. Да, с таким мехом не страшен и Северный полюс в разгар зимы. Густой, теплый... Вы ведь не забыли, что на Марсе чертовски холодно?

– Может, отправить туда охотников и организовать фактории? – предложил Вудс. – Я уверен, марсианские меха будут продаваться по бешеным ценам.

– Если до этого дойдет, – отозвался Гилмер, – меховушек моментально перестреляют всех до единой. По-моему, максимальная скорость, с которой они в состоянии передвигаться, – не более фута в день. Кислорода на Марсе, судя по всему, в обрез. Значит, жизненную энергию добыть не так-то легко, а потому вряд ли кто-либо способен тратить ее на пустую беготню. Должно быть, меховушки сидят сиднями, не позволяя никому и ничему отвлекать себя от основного занятия – борьбы за выживание.

– Что-то я не вижу у него ни глаз, ни ушей – вообще ничего похожего, – проговорил Вудс, напрягая зрение, чтобы получше разглядеть марсианина.

– Возможно, его органы чувств коренным образом отличаются от наших, – сказал Гилмер. – Не забывайте, Джек, он – продукт совершенно иной среды. Вполне вероятно, что таких, как он, на Земле нет и в помине. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих параллельность эволюции на столь разных планетах, какими являются Земля и Марс. Из того немногого, что нам известно о Марсе, – продолжал он, жуя сигару, – можно заключить, что это животное оправдывает наши предположения. Воды на Марсе мало – по земным меркам, ее там практически нет. Обезвоженный мир. Кислород имеется, но воздух настолько разрежен, что больше подходит под земное определение вакуума. Иными словами, марсианские животные должны были как-то приспособиться к почти полному отсутствию воды и кислорода. И то и другое для них – великие ценности, которые необходимо во что бы то ни стало сберечь. Отсюда сферическая форма тела, что обеспечивает минимальное соотношение «площадь – объем» и облегчает сохранение усвоенных воды и кислорода. Может статься, наш марсианин представляет собой внутри одни громадные легкие. Мех защищает его от холода. На Марсе чертовски холодно. Ночами температура опускается так низко, что замерзает углекислый газ, в который, кстати, и упаковали на корабле этого зверюгу.

– Шутите? – хмыкнул Вудс.

– Ни капельки, – откликнулся Гилмер. – Внутри деревянного ящика помещался стальной резервуар, внутри которого, в свою очередь, находилось животное. Туда накачали немного воздуха, превратили его в частичный вакуум, а затем обложили резервуар замороженным углекислым газом. Пространство же между деревом и льдом заполнили бумагой и войлоком, чтобы замедлить таяние. Скорее всего, во время перелета воздух приходилось менять несколько раз заодно с упаковкой. В последние дни перед приземлением животное, похоже, бросили на произвол судьбы; воздух стал разреженным даже для него, а лед почти растаял. По-моему, ему не слишком хорошо. Может, оно слегка приболело. Чересчур много углекислого газа, а температура гораздо выше обычной...

– Полагаю, вы его устроили как положено? – справился Вудс, махнув рукой в сторону аквариума. – Кондиционер и все такое прочее?

– Оно, наверно, чувствует себя как дома, – отозвался со смешком Гилмер. – Атмосфера разрежена до одной тысячной земного стандарта, озона вполне достаточно. Не знаю, так ли ему это нужно, однако, по всей вероятности, кислород на Марсе присутствует прежде всего как озон. Я сужу по природным условиям на поверхности планеты, которые как нельзя лучше

годятся для воспроизводства озона. Температура в аквариуме – минус двадцать по Цельсию. Ее я установил наобум, поскольку понятия не имею, где именно поймали нашего гостя, а климат там в каждой области свой. – Он вновь пожевал сигару. – В общем, у нас тут появился Марс в миниатюре.

– Вы нашли на корабле какие-нибудь записи? – поинтересовался Вудс. – Я разумею такие, в которых бы говорилось о животном.

Гилмер покачал головой и откусил кончик сигары.

– Только бортовой журнал, вернее, то, что от него осталось. Кто-то залил страницы кислотой. Прочесть невозможно.

Корреспондент уселся на стол и забарабанил пальцами по крышке.

– Черт побери! С какой стати?

– С той же самой! – пробурчал Гилмер. – Почему кто-то... наверно Делвени, прикончил Пейна и Уотсона? Почему Делвени после всего убил себя? Что случилось со Смитом? Почему Купер сошел с ума и умер в судорогах, будто не мог дышать? Кто нацарапал на ящике то единственное слово, пытаясь написать еще, но не сумел? Кто ему помешал?

Вудс мотнул головой в сторону аквариума.

– Интересно, а не замешан ли тут наш приятель?

– Джек, вы спятили! – воскликнул Гилмер. – Какого черта вам понадобилось приплести сюда еще и его? Ведь это всего-навсего животное, не слишком, по-видимому, разумное. В марсианских условиях ему было не до того, чтобы совершенствовать свой мозг. Впрочем, мне пока не представилась возможность изучить его как следует, но на следующей неделе придут доктор Уинтерс из Вашингтона и доктор Лэтроп из Лондона. Вместе мы наверняка что-то узнаем.

Вудс спрыгнул со стола, подошел к окну и выглянул наружу. Здание, в котором находилась лаборатория, стояло на вершине холма. Внизу расстилалась лужайка, за которой начинался парк. В нем виднелись обнесенный изгородью выгул, каменные насыпи со рвами по периметру и обезьяньи острова – эта территория принадлежала «Метрополитен-зоопарку».

Гилмер выплюнул очередной огрызок сигары.

– Значит, на Марсе есть жизнь, – проговорил он. – Правда, отсюда ничего не следует.

– А если пофантазировать? – усмехнулся Вудс.

– Фантазируют газетчики, – проворчал Гилмер. – Приличные люди этим не занимаются.

Близился полдень. Папаша Андерсон, смотритель львятника, печально покачал головой и почесал подбородок.

– Кошечки чем-то встревожены, – сказал он. – Будто у них что-то на уме. Почти не спят, знай себе ходят туда-сюда, туда-сюда.

Эдди Риггс, корреспондент «Экспресс», сочувственно прищелкнул языком.

– Может, им не хватает витаминов? – предложил он.

– Нет, – возразил папаша Андерсон. – Мы кормим их, как всегда, сырым мясом, а они почему-то нервничают. Знаешь, львы – твари ленивые, спят чуть ли не днями напролет. А теперь... Рычат, грызутся между собой. На днях мне пришлось отколотить Нерона, когда он сцепился с Перси. И этот стервец кинулся на меня, хотя я ухаживаю за ним с тех пор, когда он был совсем крохотным!

Нерон, стоявший по ту сторону рва с водой, угрожающе зарычал.

– Видишь? Все еще злится. Если не утихомирится, придется снова поучить его уму-разуму. Тоже мне, герой нашелся. – Папаша опасно поглядел на львов. – Надеюсь, они все-таки уймутся. Сегодня суббота, придет много народу... Толпа их бесит, даже когда они спокойны, а уж сейчас...

– С другими животными все в порядке? – спросил Риггс.

– Утром умерла Сьюзен, – ответил папаша, почесав подбородок.

Сьюзен звали жирафу.

– Я и не знал, что она заболела.

– Она и не болела. Просто взяла и сдохла.

Риггс вновь повернулся к львам. Нерон, громадный самец с черной гривой, сидел на краю рва, словно собирался прыгнуть в воду. Перси боролся еще с одним самцом; оба порывались, причем достаточно злобно.

– Нерон, похоже, замышляет перебраться через ров, – заметил корреспондент.

– Ерунда, – отмахнулся папаша. – У него ничего не выйдет. Кишка тонка. Вода для львов хуже яда.

Из слоновьего загона, что находился в миле с лишним от льятника, внезапно донесся трубный рев, а затем прозвучал исполненный ярости клич.

– Вот и слоны взбеленились, – изрек папаша.

Послышался топот. Из-за львиных клеток выбежал человек без шляпы, взгляд которого выражал ужас. На бегу он крикнул:

– Слон спятил! Мчится сюда!

Громко зарычал Нерон. Завизжал кугуар. Вдалеке показалась громадная серая туша. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, слон двигался удивительно быстро: обогнул заросли кустарника, выскочил на лужайку, высоко задрал хобот, захлопал ушами и, яростно трубя, устремился ко льятнику. Риггс повернулся и опрометью кинулся к административному зданию. Следом бежал, отдуваясь, Андерсон.

Отовсюду раздавались истошные вопли первых посетителей зоопарка. Шум стоял невообразимый: крики, рев, визг...

Слон неожиданно свернул в сторону, промчался через загон площадью в два акра, в котором обитали три пары волков, снес ограду, растоптал кусты и свалил несколько деревьев.

Взбежав на крыльцо административного здания, Риггс оглянулся. Со шкуры Нерона капала вода! Та самая вода, которая – по теории – должна была удерживать льва на площадке не хуже стальных прутьев!

Мимо Риггса прогрохотал по ступенькам служитель с винтовкой.

– Конец света! – крикнул он.

Белые медведи затеяли кровавую схватку: двое уже погибли, двое умирали, остальные были изранены настолько, что вряд ли смогут выжить. Два оленя с ветвистыми рогами сошлись лоб в лоб. Обезьяний остров превратился в хаос – половина животных погибли неизвестно от чего; служитель предположил – от чрезмерного волнения. Нервы, нервы...

– Такого не может быть! – воскликнул Андерсон, когда они с Риггсом очутились внутри. – Животные так никогда не дерутся!

Риггс что-то кричал в трубку телефона, когда снаружи прогремел выстрел. Папаша моргнул.

– Нерон! – простонал он. – Нерон! Я воспитывал его с первых дней, кормил из бутылочки...

В глазах старика блеснули слезы.

Это и впрямь оказался Нерон. Однако, перед тем как умереть, лев дотянулся до человека с винтовкой и одним страшным ударом лапы размозжил тому череп.

В тот же день, несколько позже, доктор Гилмер стукнул кулаком по расстеленной на столе газете.

– Видели? – спросил он Джека Вудса.

– Видел. – Корреспондент мрачно кивнул. – Сам написал. По городу носятся обезумевшие, ополоумевшие животные. Убивают всех подряд. В больницах полно умирающих. Морги

забиты трупами. На моих глазах слон задавил человека. Полицейские его пристрелили, но было уже поздно. Весь зоопарк сошел с ума. Кошмар! Дикая джунгли! – Он вытер рукавом пиджака лоб, дрожащими пальцами достал из пачки сигарету и закурил. – Я могу вынести многое, но ничего подобного до сих пор не испытывал. Ужасно, док, просто ужасно! И животных тоже ведь жалко. Бедняги! Они все не в себе. Скольких пришлось прикончить...

– Зачем вы явились? – справился Гилмер, перегнувшись через стол.

– Да так, подумалось кое о чем, – ответил Вудс, кивнув на аквариум, в котором находился марсианин. – Этот переполох напомнил мне... – он помолчал и пристально поглядел на Гилмера, – о том, что произошло на борту «Привет, Марс-IV».

– Почему? – холодно осведомился Гилмер.

– Экипаж корабля обезумел, – заявил Вудс. – Только сумасшедшие способны на такое. А Купер умер буйнопомешанным. Не знаю, как ему удалось сохранить частичку разума, чтобы посадить звездолет.

Гилмер вынул изо рта жеваную сигару и принялся сосредоточенно отделять наполовину откушенные куски. Закончив, он снова сунул сигару в рот.

– По-вашему, все животные в зоопарке спятили?

– Безо всякой причины, – прибавил Вудс, утвердительно кивнув.

– Вы подозреваете марсианина, – проговорил Гилмер. – Но каким, черт побери, образом беззащитная Меховушка, что лежит вон там, могла свести с ума людей и животных?

– Послушайте, док, кончайте притворяться. Вы не пошли играть в покер, остались в лаборатории. Вы заказали две цистерны с окисью углерода. Целый день не выходили из кабинета, связались с Эплменом из акустической лаборатории и попросили у него кое-какое оборудование. Тут что-то кроется. Давайте рассказывайте.

– Чтоб вам пусто было! – пробурчал Гилмер. – Даже если я не пророню ни одного слова, вы все равно узнаете! – Он откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол, швырнул раскуроченную сигару в корзину для бумаг, взял из коробки новую, пару раз укусил и поднес к ней зажигалку. – Сегодня я собираюсь выступить палачом. Мне не по себе, но я утешаюсь мыслью, что это, вполне возможно, будет не казнь, а акт милосердия.

– То есть вы хотите прикончить Меховушку? – От неожиданности у Джека перехватило дыхание.

– Да. Для того мне и потребовалась окись углерода. Я закачаю ее в аквариум. Меховушка даже и не поймет, что происходит. Ее потянет в сон, она заснет – и не проснется. Весьма гуманный способ убийства, вы не находите?

– Но почему?

– Дело вот в чем. Вы, должно быть, знаете, что такое ультразвук?

– Звук, чересчур высокий для человеческого слуха, – откликнулся Вудс. – Его применяют в различных областях. Для подводной сигнализации и картографирования, для контроля за высокоскоростной техникой – он предупреждает о поломках, которые вот-вот произойдут...

– Да, человек научился использовать ультразвук, – подтвердил Гилмер. – Нашел ему множество применений. Мы можем создавать звуки частотой до двадцати миллионов вибраций в секунду. Звук частотой миллион герц убивает бактерии. Некоторые насекомые общаются между собой на частоте тридцать две тысячи герц, а человеческое ухо способно воспринять частоту максимум около двадцати тысяч герц. Но всем нам далеко до Меховушки, которая испускает ультразвук частотой приблизительно тридцать миллионов герц. – Сигара переместилась в противоположный угол рта. – Звук высокой частоты можно направлять узкими пучками, отражать, как свет, контролировать его. Мы в основном пользуемся жидкими средами, хотя знаем, что лучше всего – нечто плотное. Если пропустить ультразвук через воздух, он быстро ослабеет и затихнет. Разумеется, я говорю о звуке частотой до двадцати миллионов герц. Но звук частотой тридцать миллионов герц явно проходит через воздух, причем такой, который

разреженнее нашей атмосферы. Понятия не имею, в чем тут причина, но какое-то объяснение, безусловно, должно существовать. Нечто подобное не могло не появиться на Марсе, чья атмосфера, по нашим меркам, больше напоминает вакуум. Ведь тамошние обитатели, как теперь известно, обладают слуховым восприятием.

– Меховушка издает звуки частотой тридцать миллионов герц, – сказал Вудс. – Это понятно. Ну и что?

– А то, – произнес Гилмер, – что, хотя звук такой частоты услышать невозможно – слуховые нервы не воспринимают его и не передают информацию мозгу, – он оказывает на человеческий мозг непосредственное воздействие. И с мозгом, естественно, что-то случается. Сумятица в мыслях, жажда крови, безумие...

Затаивший дыхание Вудс подался вперед:

– Значит, вот что произошло на борту звездолета и в зоопарке!

Гилмер печально кивнул.

– В Меховушке нет злобы, я уверен в этом, – сказал он. – Она не замышляла ничего дурного. Просто немножко испугалась и устала от одиночества, а потому попыталась установить контакт с другими разумами, поговорить хоть с кем-нибудь. Когда я забирал ее из корабля, она спала, точнее, находилась в психическом обмороке. Возможно, заснула как раз вовремя, чтобы Купер успел слегка оправиться и посадить звездолет. Наверно, спит она долго, благо так сохраняется энергия. Вчера проснулась, но ей потребовалось время, чтобы полностью прийти в себя. Я целый день улавливал исходившие от нее вибрации. Сегодня утром вибрации усилились. Я клал в аквариум пищу – то одно, то другое, – думал, она что-нибудь съест и тогда удастся определить, чем такие твари питаются. Но есть она не стала, разве что слегка пошевелилась, на мой взгляд, хотя для нее, пожалуй, движение было быстрым и резким. А вибрации продолжали усиливаться, и в результате в зоопарке начало твориться черт-те что. Сейчас она, похоже, снова заснула – и все потихоньку приходит в норму. – Гилмер взял со стола коробку, соединенную проводом с наушниками. – Одолжил у Эпплмена. Вибрации меня изрядно озадачили. Я никак не мог установить их природу. Только потом сообразил, что тут какие-то звуковые штучки. Это Эпплменова игрушка. До готовности ей еще далеко, но она позволяет «слышать» ультразвук. Слышать мы, конечно, не слышим, однако получаем впечатление о тональности звука. Нечто вроде психологического изучения ультразвука или перевода с «ультразвукового» на привычный язык.

Он протянул Вудсу наушники, а коробку поставил на аквариум и принялся двигать взад-вперед, стремясь перехватить ультразвуковые сигналы, что исходили от крохотного марсианина. Вудс надел наушники и замер в ожидании.

Корреспондент рассчитывал услышать высокий и тонкий звук, но не услышал ничего вообще. Внезапно на него обрушилось ужасное одиночество; он ощутил себя сбитым с толку, утратившим способность понимать, испытал раздражение. Ощущения становились все сильнее. В мозгу отдавался беззвучный плач, исполненный боли и тоски, – щемящий сердце плач по дому. Вудс понял, что «слышит» причитания марсианина, который скулил, как скулит оставленный на улице в дождливый вечер щенок.

Руки сами потянулись к наушникам и сорвали их с головы. Вудс потрясенно уставился на Гилмера.

– Оно тоскует по дому. По Марсу. Плачет, как потерявшийся ребенок.

– Теперь оно уже не пытается войти в контакт, – отозвался Гилмер. – Просто лежит и плачет. Оно не опасно сейчас, однако раньше... Впрочем, дурных намерений у него не было с самого начала.

– Послушайте! – воскликнул Вудс. – Вы провели здесь целый день, и с вами ничего не случилось. Вы не спятили!

– Совершенно верно, – сказал Гилмер, кивая. – Спятели животные, а я сохранил рассудок. Между прочим, со временем привыкли бы и они. Дело в том, что Меховушка разумна. Ее отчаянные попытки связаться с другими живыми существами порой приводили к тому, что она проникала в мозг, но не задерживалась там. Я ей был ни к чему. Видите ли, на корабле она уяснила, что человеческий мозг не выдерживает контакта с ультразвуком такой частоты, а потому решила не тратить попусту силы. Она попробовала проникнуть в мозг обезьян, слонов и львов в безумной надежде отыскать разум, с которым сможет поговорить, который объяснит, что происходит, и уверит ее, что она сумеет вернуться на Марс. Зрения у нее, я убежден, нет; нет почти ничего, кроме ультразвукового «голоса», чтобы изучать окружающее пространство. Возможно, дома, на Марсе, она разговаривала не только с родичами, но и с иными существами. Двигается она крайне медленно, но, может, у нее не очень много врагов, следовательно, вполне хватает одного органа чувств.

– Разумна, – повторил Вудс. – Разумна до такой степени, что к ней трудно относиться как к животному.

– Вы правы, – сказал Гилмер. – Быть может, она разумна ничуть не меньше нас с вами. Быть может, это выродившийся потомок великой расы, что некогда правила Марсом... – Он выхватил изо рта сигару и швырнул ее на пол. – Черт побери! Предполагать можно что угодно. Правды мы с вами, вероятно, не узнаем, как не узнает и человечество в целом.

Доктор поднялся, ухватился руками за край резервуара с окисью углерода и подкатил его к аквариуму.

– А надо ли ее убивать, док? – прошептал Вудс. – Неужели надо?

– Разумеется! – рявкнул Гилмер, резко повернувшись на каблуках. – Представляете, какой поднимется шум, если узнают, что Меховушка прикончила экипаж звездолета и свела с ума животных в зоопарке? А что, если такое будет продолжаться? В ближайшие годы полетов на Марс явно не предвидится – общественное мнение не позволит. А когда следующая экспедиция все же состоится, ее члены, во-первых, будут готовы к ультразвуковому воздействию, а во-вторых, им строго-настрого запретят брать на Землю таких вот меховушек. – Он отвернулся, потом снова посмотрел на корреспондента: – Вудс, мы с вами старые приятели. Знаем друг друга давным-давно, выпили вместе не одну кружку пива. Пообещайте, что ничего не опубликуете. А если все-таки напечатаете, – зычно прибавил он и широко расставил ноги, – я вас в порошок сотру!

– Обещаю, – сказал Вудс. – Никаких подробностей. Меховушка умерла. Не вынесла жизни на Земле.

– Вот еще что, Джек. Нам с вами известно, что ультразвук частотой тридцать миллионов герц превращает людей в безмозглых убийц. Нам известно, что его можно передавать через атмосферу – вероятно, на значительные расстояния. Только подумайте, к чему может привести использование такого оружия! Наверно, те, кто бредит войной, рано или поздно узнают этот секрет, но только не от нас.

– Поторопитесь! – с горечью в голосе произнес Вудс. – Поспешите, док. Вы слышали Меховушку. Не длите ее страданий. Ничем другим мы ей помочь не можем, хотя втянуть втянули. Ваш способ – единственный. Она поблагодарила бы вас, если бы знала.

Гилмер повернулся к резервуару, а Вудс снял трубку и набрал номер редакции «Экспресс».

В его мозгу по-прежнему звучал тот щенячий скулеж – горький, беззвучный крик одиночества, скорбный плач по дому. Бедная, бедная Меховушка! Одна в пятидесяти миллионах миль от дома, среди чужаков, молящая о том, чего никто не в силах ей предложить...

– «Дейли экспресс», – послышался в трубке голос ночного редактора Билла Карсона.

– Это Джек, – сообщил Вудс. – Слушай, у меня есть кое-что для утреннего выпуска. Только что умерла Меховушка... Да, Меховушка, то животное, которое прилетело на «Привет,

Марс-IV». Ну да, не выдержала, понимаешь... – Он услышал у себя за спиной шипение газа: Гилмер открыл клапан.

– Слушай, Билл, я вот о чем подумал. Можешь написать, что она умерла от одиночества... Точно, точно, от тоски по Марсу... Пускай ребята постараятся: чем слезливей – тем лучше...

Интерлюдия с револьверным дымком

Перевод Г. Корчагина

Когда Клэй добрался до городка, его рослый черный конь хромал, а сам он клевал носом в седле. Заехал он сюда не по большой охоте. Хила-Галч – малоподходящее место для остановки, и до отдыха ли, когда Джон Трент отстаёт всего лишь на день? Но иначе нельзя: еще сутки конь не продержится, да и седоку необходимо поесть и поспать, набраться сил для преодоления последнего, самого тяжелого отрезка пути – через горный отрог.

Возле платной конюшни Клэй сполз с седла и завел коня под крышу.

– Позаботься о нем хорошенько, – велел конюху. – Он это заслужил. – И спросил, пробежав взглядом по трем лошадям в стойлах: – Других нет?

Конюх покачал головой:

– Дела у нас нынче неважные. Раньше дюжину коняшек держали, но вот заделались святее папы римского, и все покатило к чертям.

Клэй снова оглядел лошадей. Жалкие клячи, ни одна не годится.

– Своего ты здорово покалечил, – упрекнул конюх. – Не скоро оклемается.

– Камешек подвернулся, – буркнул Клэй.

Он вышел из конюшни и постоял с минуту, оправляя револьверный пояс и оглядывая окрестности.

Хила-Галч тихо дремал в ласковых рассветных лучах – пыльный, некрашенный, обветшалый. Клэй прошелся по улице до строения с вывеской «Отель» и, войдя, направился к бару. Бармен, стиравший с мебели пыль, неохотно вернулся за стойку.

– Мозоли седлом набил, – сказал ему Клэй. – Нужно лекарство.

Бармен выставил бутылку и стопку. Забрав их, Клэй перешел к столику и тяжело опустился на стул. Только сейчас он понял, как изнурен тысячемильной ездой, – похоже, в его массивном теле не осталось ни капли сил. Он снял шляпу и стряхнул пыль со штанов. Потом отодвинул стопку, а бутылку откупорил и поднес к губам. Вытирая ладонью рот, прислушался к ощущениям: спиртное добралось до желудка, там вспыхнуло пламя и мигом согрело все внутренности.

А вкус уже не тот, отметил Клэй. Прежде было куда вкуснее. И не забирает выпивка, как прежде.

Многое теперь совсем не такое, как прежде, сказал он себе.

Утреннюю тишину нарушило противное жужжание – в оконное стекло билась муха. Клэй откинулся на стуле, расслабился, вспоминая, как было прежде, перебирая имена мужчин, которых уже нет на свете, женщин, почти стершихся в памяти, городов, от которых ничего, кроме названий, не осталось.

Облокотившись на стойку, бармен ковырял в зубах заостренной спичкой. Клэй молчал, прихлебывая время от времени.

– Как насчет завтрака? – спросил бармен.

– Завтрак и комнату, – ответил Клэй. – Я уже забыл, когда спал.

– Что будешь есть?

– Что дашь, то и буду, я непереборчивый.

Когда он взялся за еду, в гостиницу вошел парень с блестящей звездой на жилетке.

Парень приблизился к Клэю и уселся напротив.

– Бывал здесь раньше?

Клэй отрицательно качнул головой.

– Тогда я должен поставить тебя в известность, – сказал парень. – У нас есть закон: приехал – сдай оружие.

– Я нездешний, – проговорил Клэй. – Законов ваших не знаю.

– Сдай револьверы, – властно, без тени робости отчеканил парень. – Соберешься уезжать, получишь обратно.

– А если не сдам? – поинтересовался Клэй.

– Будут неприятности, – с сухой деловитостью, но без враждебности пообещал парень.

– Без револьверов я как голый. – Не мог же Клэй признаться, что ему никак не обойтись без них, если в городе его застанет Джон Трент. – Да к тому же я прямо сейчас завалюсь в койку. Со мной не будет проблем.

– Сроку тебе до вечера, – будничным тоном проговорил парень. – На закате буду стоять снаружи. Если не захочешь сдать оружие, выйдешь, и мы решим вопрос. Не выйдешь – я приду и заберу.

– Я выйду, – пообещал Клэй тоже будничным тоном, как и полагается отвечать в таких случаях.

И как он уже давно привык отвечать, потому что вот такая ему досталась жизнь.

А нахальный мальчишка, должно быть, не знает, кому бросает вызов.

После ухода парня Клэй молча доел завтрак. Бармен все так же опирался локтями о стойку и ковырял в зубах спичкой.

Позже, лежа на жесткой койке, Клэй размышлял о мальчишке со звездой на груди. Тот не угрожал, не корчил из себя крутого. Был спокоен, деловит, уверен в себе.

Вот таких-то людей и надо бояться, сказал себе Клэй.

Но ведь он уже давно перестал бояться людей. Много лет назад. Они ему просто безразличны. Да ему все на свете безразлично, если быть с собой честным. Наверное, даже собственная жизнь, хотя он ни разу об этом не задумывался.

Еще один день, думал он, глядя в потолок. Еще один день – и свобода. Еще один день – и он расстанется со своим прошлым, чтобы начать новую жизнь. За границей припрятана сотня тысяч долларов, это огромные деньжищи...

Но это все, что у него осталось.

Конечно, понадобится другое имя... С этим не будет проблем. Менять имена он тоже привык. Сто тысяч долларов ждут за границей в надежном тайнике, десять тысяч назначены за его голову, и чтобы их заполучить, Джон Трент сейчас где-то скачет во весь опор...

Клэй уедет вечером на одной из тех кляч. Даже кляче хватит сил довести его до границы. Но перед отъездом придется убить мальчишку. Не самое приятное дело, не самое подходящее время...

«Я бы предпочел не убивать его, – сказал себе Клэй, – но больно уж круто он за меня взялся».

Если бы парень не дерзил, Клэй отдал бы ему револьверы и сказал: «Заботься о них хорошо, перед ужином заберу». Но как быть с тем, что еще никто никогда не обезоруживал Коулмана Клэя? Позволить этому случиться сейчас? А не поздно ли?

Что было, то останется в прошлом навсегда, подумал он. Не вернется добрый вкус виски, не оживут те, кто польстился на сто тысяч долларов, лежащих в надежном тайнике за границей.

Клэй смежил веки, и сон вырубил его, точно удар молота.

Когда Клэй проснулся и спустился в бар, солнце висело низко над западным горизонтом. Перед крыльцом стояла пара лошадей, впряженных в ветхие дрожки. У стойки беседовал с барменом мужчина.

– Съезжаю, – сообщил Клэй.

– Два доллара с тебя, – сказал бармен.

– Бумага найдется? – спросил Клэй, расплатившись. – Хочу написать письмо.

Бармен кивнул, вырвал линованный лист из дешевой тетрадки и вручил Клэю вместе с огрызком карандаша.

– Поживей, ладно? – Бармен кивнул на человека, с которым разговаривал минуту назад. – Джим заберет почту. У нас своей почтовой конторы нет, ближайшая в Бакхорне.

– Тебе повезло, незнакомец, – сказал почтальон. – Я сюда дважды в неделю навещаюсь. Шутка ли – почти шестьдесят миль.

Клэй поблагодарил кивком, расположился за столиком в углу зала и старательно вывел:

Дорогая сестрица.

Я еду в Мексику, надо кое-что уладить. Может быть, даже осяду там.

Потом напишу тебе, как оно сложилось.

Ты мне не ответила, где сейчас Гордон. Я надеялся встретиться с ним, да видать, не судьба.

Он добавил внизу имя, и это имя было не Коулман Клэй. Вернулся к стойке, попросил конверт и марку, написал адрес: «Понтиак, Илл., миссис Эстен Блейн». Вынул из кармана пачку банкнот, отделил полдюжины, аккуратно уложил в конверт и заклеил его. Бармен достал из-под стойки почтовый мешок, повернул горловиной к Клэю. Тот бросил в мешок письмо, и бармен затянул бечевку.

– Держи. – Мешок заскользил по стойке.

Почтальон поймал его.

– Мне пора. – Джим двинулся к выходу, но у порога обернулся. – Незнакомец, на твоём месте я бы передумал, – сказал он. – Очень уж ловок этот паренек со своими железками.

– Нет, – ответил Клэй.

– Ладно, как знаешь. Жалко, что не могу задержаться и поглядеть.

Клэй и бармен молча смотрели, как почтальон забирается на сиденье и дрожки укатывают по улице.

– Маршал этот ваш, – проговорил Клэй. – Как его хоть зовут?

– Блейн, – ответил бармен. – Гордон Блейн.

Клэй ухватился за край стойки, сжал так сильно, что побледнели загорелые пальцы. Но в лице не переменялся ничуть.

– Гордон Блейн... – глухо проговорил он. – Нет, не слышал.

– А кто слышал? – хмыкнул бармен. – Он только что сюда явился, причем неизвестно откуда. И до него в нашем городе прикончили четырех маршалов. Но уже пару месяцев никто не пытался убить Блейна.

Клэй рассмеялся и неловко, как деревянный манекен, развернулся к выходу. Жесткими шагами вышел на крыльцо. Солнце уже тонуло в горизонте. Клэю вспомнилось письмо, год назад полученное им в Монтане:

Гордон уезжает на Запад. После того как у тебя дела пошли в гору, удержать его я не в силах. Он говорит, что нет ни малейшего смысла надрываться тут за кусок хлеба, если на Западе можно запросто сколотить состояние, ведь тебе же это удалось. Надеюсь, ты с ним где-нибудь пересечешься...

Улица была тиха и безлюдна, но Клэй знал, что из каждого окна за ним следят чьи-то глаза. Горожане ждут, когда у гостиницы сойдутся двое.

Почтовые дрожки превратились в колеблющуюся точку на восточном просторе. Клэй увидел, как с крыльца конторы маршала спускается парнишка и выходит на середину пыльной улицы. Вот он остановился, ждет: револьверы на бедрах, руки опущены.

«Я еще могу снять пояс, подойти и отдать ему», – подумал Клэй.

Но сразу же понял, что не сделает этого. Не поступит наперекор всему, что было в его жизни. Наперекор всему, во что он верил и чему упрямо следовал.

Клэй медленно сошел с крыльца и повернулся к парню. Тот двинулся к нему.

«Скоро приедет Джон Трент, – подумал Клэй, – и только тогда здесь узнают, кто я. А Эстер так и не узнает, ведь письмо будет проштемпелевано в шестидесяти милях отсюда. Правда, наверняка удивится, почему я его отправил не из Мексики. Джону Тренту я известен как Коулмен Клэй, преступник, за которого назначена награда. И ни одной живой душе не известно мое настоящее имя.

Не узнает его и Гордон».

Десять тысяч долларов, подумал Клэй. Этих денег мальчику хватит, чтобы зажить по-человечески. И чтобы им гордилась мама.

Я весь внутри плачу...

Перевод А. Корженевского

Моя работа – пропалывать кукурузу. Но меня беспокоит, что говорит Звяк-Нога. Все наши слушают, что он говорит. Но люди не знают. Он никогда не говорит то, что он говорит, когда люди могут услышать. Люди могут обидеться.

Звяк-Нога путешествует. Туда-сюда. Иногда далеко. Часто возвращается рассказать нам. Хотя почему он рассказывает нам снова и снова, я не понимаю. Он всегда говорит одно и то же.

Он Звяк-Нога, потому что, когда он ходит, у него звякает в ноге. Он не хочет ее чинить. От этого он хромает. Но все равно не хочет. Чтобы жалели. Пока он хромает и звякает, его жалко. Ему нравится, когда его жалеют. Он говорит: это добродетель. Он думает, что он добродетельный.

Смит, он кузнец, говорит, надоело, давай починю. Не так хорошо, как механики. Но лучше, чем вообще не чинить. Механики тоже живут недалеко. Им тоже надоело. Они говорят: Звяк-Нога выпендривается.

Смит добрый. Хочет починить ногу. У него и так много работы. Ему не надо просить работу, как другим роботам. Он все время кует металл. Делает листы. Потом отправляет механикам. Они все чинят. Нужно всегда следить за собой и чинить все вовремя. Все надо чинить самим. Людей, которые умеют, не осталось. Люди остались, но которые остались, не умеют. Слишком утонченные. Которые остались, все благородные. Они никогда не работают.

Я пропалываю кукурузу. Приходит домашний робот и говорит: змеи. Домашние роботы не работают на улице. Приходят за нами. Я спрашиваю: настоящие змеи или самогонные змеи? Он говорит: настоящие змеи. Я оставляю мотыгу под деревом и иду к дому.

Дед в гамаке на лужайке. Гамак натянут между двумя деревьями. Дядя Джон сидит на земле у дерева. Па сидит на земле у другого дерева. Па говорит: Сэм, там за домом змеи. Я иду за дом. Там гремучая змея. Я ее ловлю. Она злится и пытается меня укусить. Я иду дальше и ловлю еще гремучую змею, и мокасиновую змею, и двух ужей. Ужи неопасные, но я их все равно беру. Больше змей нет.

Я иду через кукурузное поле, через ручей. К болоту. Там я их выпускаю. Отсюда им потребуется много времени, чтобы добраться до дома. Может, совсем не доберутся.

Я иду на поле и снова пропалываю кукурузу. Должен выдергивать все сорняки. Должен носить воду, когда сухо. Чтобы земля была мягкая. Должен пугать ворон, когда сажаю семена. Должен пугать енотов и оленей, когда кукуруза подрастает. Постоянная работа. Очень важная. Джордж делает из кукурузы самогон. Другие участки кукурузы для еды. Мой для самогона. Я и Джордж партнеры. Мы делаем очень хороший самогон. Дед, Па и дядя Джон употребляют его с большой радостью. Что остается, могут употреблять другие мужчины. Но не женщины. Женщины не употребляют самогон. Я не понимаю, зачем самогон. Дед говорит: вкусно. Я не знаю, что такое вкусно. От самогона дядя Джон видит змей. Этого я тоже не понимаю.

Я пропалываю кукурузу. Слышу за спиной шорох. Я оборачиваюсь и вижу Джошуа. Он читает Библию. Он всегда читает Библию. Он так работает. Он наступал на мою кукурузу. Я кричу на него и бегу к нему. Я ударяю его мотыгой. Он убегает с поля. Я всегда его прогоняю. Должен знать, что нельзя наступать на кукурузу. Он стоит под деревом и читает. Стоит в тени. Выпендривается. Только людям нужно стоять в тени. Роботам не нужно.

Мотыга сломалась об Джошуа. Я иду к Смигу чинить. Смит рад меня видеть. Мы друзья. Мы всегда рады видеть друг друга. Он бросает все и чинит мотыгу. Знает, как важно растить кукурузу. И ему приятно оказать мне услугу. Мы говорим о Звяк-Ноге. Мы соглашаемся, что он говорит неправильно. Он говорит ересь. Смит говорит, есть такое слово. Джошуа, когда

перестает сердиться на меня, говорит, как надо его писать. Мы соглашаемся. Люди не такие, как говорит Звяк-Нога. Люди благородные. Надо что-то делать со Звяк-Ногой. Не знаем, что делать. Надо думать еще.

Приходит Джордж. Говорит, я ему нужен. У людей кончается питье. Я иду с ним. Смит продолжает чинить мотыгу. У Джорджа хороший аппарат. Большая производительность. Высокая очистка. Все время пытаемся сделать запас. Не получается. Люди употребляют самогон слишком быстро. Остается четыре двадцатилитровые бутылки. Мы берем каждый две и идем к дому. Мы останавливаемся у гамака. Они говорят: одну оставьте. Три отнесите в сарай. Принесите стаканы. Мы приносим. Наливаем стаканы Деду и Па. Дядя Джон говорит: не надо стакан. Оставьте бутылку рядом со мной. Мы ставим. Дядя Джон достает резиновый шланг. Он опускает один конец в бутылку. Другой берет в рот. Прислоняется к дереву и пьет.

Они выглядят красиво. Дед выглядит счастливым. Он качается в гамаке. Стакан стоит у него на груди. Мы счастливы, что они счастливы. Мы идем работать. Смит отдает мне мотыгу. У нее новая хорошая рукоятка. Я благодарю его. Смит говорит, что он не понимает Звяк-Ногу. Звяк-Нога уверяет, что он читал про то, что говорит. В старых рукописях. Ищет рукописи в древнем городе. Далеко. Смит спрашивает, что я знаю про город. Я ничего не знаю. Мы не понимаем совсем. Кроме того, я не знаю, что такое рукопись. Звучит важно.

Я пропалываю кукурузу. Приходит Проповедник. Я говорю: Джошуа недавно стоял под деревом, читал Библию. Он говорит: Джошуа только читает. Проповедник интерпретирует. Я спрашиваю, что такое – интерпретирует. Он говорит что. Я спрашиваю, как писать. Он говорит как. Он знает, что я учусь писать. Всегда помогает. Но он очень важный.

Наступает ночь. Луны еще нет. Не могу больше пропалывать, потому что ничего не видно. Прислоняю мотыгу к дереву. Иду к Джорджу помогать делать самогон. Джордж рад. Один не справляется.

Я спрашиваю, почему Звяк-Нога говорит одно и то же. Он говорит: повторение. Я спрашиваю зачем. Он не уверен. Думает, что, если повторять одно и то же часто, роботы верят. Люди делали так в давние времена. Чтобы заставлять других людей верить. Я спрашиваю, что он знает про давние времена. Он говорит: мало. Должен помнить больше, но не помнит. Я тоже должен помнить, но не помню. Это было давно.

Джордж разводит хороший огонь под котлом, и он светит на нас. Мы стоим у огня и смотрим. Внутри делается хорошо. Не знаю, почему от огня хорошо. Сова кричит на болоте. Не знаю, почему крик совы заставляет чувствовать одиночество. Я не одинокий. Рядом со мной Джордж. Я многого не знаю. Что такое рукопись и про город. Что такое вкусно. Что было в давние времена. Но мне хорошо. Никто не понимает, что такое хорошо. Все равно хорошо.

Прибегают домашние роботы. Говорят, дядя Джон болеет. Нужен врач. Говорят, дядя Джон уже не видит змей. Видит теперь голубого крокодила. С розовыми пятнами. Должно быть, дядя Джон сильно болеет. Не бывает голубых крокодилов. С розовыми пятнами.

Джордж говорит, что бежит в дом помогать. Говорит, чтобы я бежал за врачом. Джордж и домашние роботы убегают. Очень быстро. Я бегу да Доком. Очень быстро. Нахожу Дока на болоте. У него есть фонарь. Он выкапывает корешки. Он всегда выкапывает корешки. Все про них знает. Делает из них лекарства, чтобы чинить людей.

Он стоит в грязи. Говорит, плохо, что дядя Джон болеет. Говорит, плохо, что голубой крокодил. Говорит, потом бывает фиолетовый слон. Это совсем плохо.

Мы бежим. Потом я держу фонарь. Док смывает грязь. Он никогда не приходит к людям грязный. Мы берем лекарства и бежим к дому. Появляется луна. Но я не гашу фонарь. Так светлее.

Мы прибегаем к дому. Гамак между деревьями пустой. Ветер качает гамак. Дом высокий и белый. Все окна светятся. Дед сидит в кресле-качалке перед домом. Он раскачивается. Он один. В доме плачут женщины. Через высокое окно я вижу, что внутри. Большая штука, кото-

рую люди называют люстрой, висит под потолком. Она стеклянная. В ней много свечей. Все свечи горят. Стекло выглядит красиво. Мебель блестит на свету. Все чисто и отполировано. Домашние роботы работают хорошо. Я горжусь.

Мы поднимаемся по ступенькам. Дед говорит: поздно. Говорит, мой сын Джон умер. Я не понимаю, что такое умер. Когда люди умирают, их кладут в землю. Засыпают. Говорят над ними разные слова. Над головой кладут большой камень. За домом есть специальное место для тех, кто умер. Там много камней. Некоторые новые. Некоторые старые. Есть такие старые, что на них нельзя разобрать буквы.

Док вбегает в дом. Хочет убедиться, что Дед не ошибся. Я стою и не знаю, что делать. Очень печально. Не знаю почему. Знаю только, что, когда умер, это плохо. Наверно, потому что Дед очень печальный. Он говорит: Сэм, садись, поговорим. Я говорю: я не могу сидеть. Роботы стоят, когда люди сидят. Нельзя забывать обычай. Он говорит: к чертовой матери забудь свою упрямую гордость. Садись. Сидеть хорошо. Я все время сижу. Согни колени и садись. Он говорит: вон в то кресло. Я смотрю на кресло. Думаю, что может сломаться. Кресло сделано для людей. Роботы тяжелее людей. Не хочется сломать кресло. Чтобы его сделать, надо много времени. Роботы-плотники тратят много времени, чтобы сделать кресло.

Дед приказывает садиться. Я думаю: ладно не мое дело. Сажусь. Кресло скрипит, но не ломается. Сидеть хорошо. Я немного раскачиваюсь. Раскачиваться тоже хорошо. Мы сидим и смотрим на лужайку. Светит луна. Лужайка красивая в лунном свете. Дальше видны деревья и кукурузные поля.

Дед говорит: что за черт, человек живет всю жизнь, ничего не делает и умирает от самогона. Я спрашиваю, почему от самогона. Обидно, что Дед говорит – от самогона. Мы с Джорджем делаем очень хороший самогон. Дед говорит: от чего же еще. Только от самогона бывают голубые крокодилы с розовыми пятнами. Про фиолетового слона он не говорит. Я думаю, что такое слон. Этого я тоже не знаю.

Дед говорит: Сэм, мы все ни к черту не годимся. Ни вы, ни мы. Люди только сидят целыми днями и ни черта не делают. Немного охотятся. Немного ловят рыбу. Играют в карты. Пьют. Нужно делать что-то большое и важное. А мы не делаем. Когда мы живем, мы никому не нужны. Когда мы умираем, никто про нас не вспоминает. Ни к черту мы не годимся.

Он качается в кресле. Мне не нравится, что он говорит. Ему печально. Но благородные люди не должны так говорить. Они должны лежать в гамаке и не говорить таких слов. Мне неуютно. Хочется уйти, но это невежливо.

У подножья холма собираются роботы. Стоят. Смотрят на дом. Потом подходят ближе. Стоят молча. Сочувствуют. Дают людям понять, что им тоже печально.

Дед говорит: мы все отбросы. Давно это понимал, но не мог сказать. Теперь могу. Живем как в болоте. Все разваливается, потому что нам ни до чего нет дела. Охотимся понемногу. Ловим рыбу. Пьем. Сидим целыми днями и треплемся. И ни черта не делаем. Потому что мы отбросы.

Я хочу его остановить. Я говорю: Дед, не надо. Я не хочу его слушать. Он говорит то, что говорит Звяк-Нога. Он не обращает на меня внимания. Продолжает говорить.

Он говорит: давно-давно люди научились летать к звездам. Очень быстро. Во много раз быстрее скорости света. Они нашли много хороших планет. Лучше, чем Земля. Намного лучше. Построили много кораблей. Все улетели. Все, кроме нас. Нас оставили. Умные улетели. Работяги улетели. А бродяг, бездельников и лентяев оставили. Мы никому не нужны на их новых планетах. Когда все улетели, мы переселились в хорошие дома. Нас некому было остановить. Им все равно, что мы тут делаем. Так и живем. Ничего не делаем и не меняемся. Нам ни к чему. Все за нас делаете вы. А мы ни черта не делаем. Даже не учимся читать. Когда над могилой сына будут читать молитву, это будет делать кто-то из вас.

Я говорю: не надо, не надо так говорить. Я весь плачу внутри. Своими словами он ломает красоту. Он отбирает гордость и смысл. Он делает то, что не мог сделать Звяк-Нога.

Он говорит: вам тоже нечем гордиться. Мы все никуда не годимся. Хороших роботов тоже взяли с собой. А вас оставили здесь. Потому что вы устарели. Потому что вы неуклюжие и неаккуратные. Вы не нужны им. И нас и вас оставили здесь, потому что никто из нас не стоит даже места, которое мы заняли бы в ракете.

Док выходит из дома. Говорит, у меня есть для тебя работа. Я пытаюсь встать из кресла и не могу. В первый раз не могу сделать то, что хочу. Ноги меня не слушаются. Дед говорит: Сэм, я на тебя рассчитываю. Когда он говорит так, я поднимаюсь из кресла. Иду вниз по лужайке. Я знаю, что делать. Док может не говорить. Я уже делал раньше.

Я говорю с другими роботами. Ты и ты – копать могилу. Ты и ты – делать гроб. Ты и ты – бежать в другие дома. Сказать всем людям, что дядя Джон умер. Сказать, пусть приходят на похороны. Сказать, надо красивые похороны. Много плакать, много есть, много пить. Ты найди Проповедника. Пусть готовит молитвы. Ты найди Джошуа. Пусть читает Библию. Ты, ты и ты идите к Джорджу помогать делать самогон. Придут другие люди. Надо, чтобы было красиво.

Все работают. Я иду по лужайке. Думаю о гордости и потере. Красота уходит. Радость уходит. Гордость уходит. Не вся гордость. Немного остается. Дед говорит: Сэм, я рассчитываю на тебя. Это гордость. Не как раньше, но все равно я ему нужен.

Никто больше не знает. Дед не говорит никому то, что сказал мне. Это секрет. Печальный секрет. Все думают по-старому. Звяк-Нога не мешает. Никто не верит Звяк-Ноге. Никто не знает, что он говорит правду. Правда тяжелая. Пусть все остается по-старому. Только я знаю. Дед очень хотел сказать. Не знаю, почему мне. Наверно, он любит меня больше всех. Я горжусь. Но я весь внутри плачу...

Зов извне *Перевод Е. Монаховой*

Пирамида из бутылок

Пирамида была построена из бутылок, сотен бутылок, блестящих и сверкавших так, как будто внутри них горел настоящий огонь; они собирали и вновь рассеивали туманный свет, который шел от далекого солнца и еще более далеких звезд.

Фредерик Уэст медленно отступил от левого борта его крошечного судна. Он вертел головой и то закрывал глаза, то открывал их снова, но пирамида по-прежнему находилась на том же самом месте. Так что зрелище не являлось плодом его большого воображения, рожденным вследствие темноты и одиночества его космического путешествия, чего он так боялся.

Пирамида действительно находилась здесь, и это казалось чем-то невероятным. Невероятным хотя бы потому, что на этом практически неизвестном куске покоренного железяка ничего подобного не должно было быть.

Никто не жил на спутнике Плутона. Никто никогда не посещал спутник Плутона. Даже он сам не намеревался этого делать, а просто перед тем, как лететь к Плутону, решил заглянуть сюда: его внимание привлекла яркая вспышка света, длившаяся секунды, как будто кто-то сигнализировал ему. Разумеется, это была пирамида, теперь Уэст это точно знал. Расположенные один над другим ряды бутылок, которые улавливали и отражали свет.

Позади пирамиды среди зубчатых валунов стоял обычный космический барак. Но – никакого движения, никаких признаков жизни. Никто не распахнул входную дверь, чтобы его поприветствовать. «Странно, – подумал он. – Разве так встречают гостей, если, конечно, они вообще сюда прилетали».

Возможно, пирамида действительно была сигнальным устройством, хотя это был довольно неудобный способ передачи сигналов. Это скорее походило на выходку сумасшедшего. Если задуматься, любой, кто был в достаточной степени ненормальным, чтобы жить на спутнике Плутона, мог стать создателем пирамиды из бутылок.

Спутник был настолько незначительным, что даже не имел названия. Космонавты в тех редких случаях, когда о нем заходила речь, просто называли его «спутник Плутона», и этого было вполне достаточно.

Никто больше не посещал эту часть космоса. «Между прочим, – отметил про себя Уэст, – именно поэтому я сюда и прибыл». Раз уж вы смогли проскользнуть мимо космического патруля, то теперь находились в абсолютной безопасности. И никто теперь не побеспокоит вас.

Никто также не собирался беспокоить Плутон. Прошло уже три года, как был наложен запрет на посещение этой планеты. Решение приняли после официального сообщения, полученного от ученых, которые работали в низкотемпературных лабораториях, созданных за несколько лет до этого.

Никто не приближался к планете, тем более сейчас, когда на страже ее стоял космический патруль. Впрочем, имелись способы проскользнуть мимо него. Если знать место дислокации патрульных кораблей и постепенно увеличивать скорость, а затем отключить двигатели и плавно двигаться по инерции в тени планеты... Одним словом, до Плутона добраться было можно.

Уэст приблизился к пирамиде и обнаружил, что строительным материалом послужили бутылки из-под виски. Все они были пустыми, абсолютно пустыми, а этикетки – новыми и чистыми.

Уэст отвел взгляд от бутылок и направился к бараку. Определив, где находится замок, он нажал кнопку. Безрезультатно. Он нажал снова. Медленно, почти неохотно, замок поддался. Уэст поспешно шагнул вперед и повернул рычаг, открывший внутренний замок.

Тусклый свет просачивался из глубины хижины, и Уэст сквозь наушники услышал тихий скрежет крошечных когтей по полу. Затем булькающий звук, словно где-то по трубе текла вода.

Затаив дыхание и вцепившись в рукоятку пистолета, Уэст быстро переступил порог.

На краю койки сидел мужчина, одетый в выцветшее, заношенное до дыр нижнее белье. У него были спутанные длинные волосы, а неопрятные бакенбарды так топорщились, что придавали незнакомцу весьма свирепый вид. Борода, сбившаяся в колтун, едва ли не достигала глаз, которые в замешательстве таранились, словно испуганные животные, загнанные в пещеры. Костлявая рука протягивала бутылку виски – это был жест, означающий приглашение присоединиться.

Бакенбарды шевельнулись, и послышался хриплый, похожий на карканье голос.

– Хотите глотнуть? – спросил мужчина.

Уэст отрицательно замотал головой.

– Я не пью.

– А я пью, – сказал обладатель бакенбард. Рука наклонила бутылку, послышалось бульканье.

Уэст быстро осмотрел комнату. Передатчика не было, и это все упрощало. Если бы тут был передатчик, его следовало уничтожить. Пожалуй, только сейчас Уэст понял, какую глупую ошибку он сделал, остановившись на этом спутнике. Никто не знал, где он находится... и именно так все и должно было оставаться. Уэст поднял защитный козырек.

– Напиваюсь до смерти, – сообщил бородач.

Измученному взгляду Уэста предстали крайняя бедность и необычайное убожество этого места.

– Три года, – продолжал мужчина. – Ни разу я не был трезв за целых три года. – Он икнул. – Меня это достало. –левой рукой он ударил себя в морщинистую грудь, выглядывавшую из выреза поношенного белья. Правая рука продолжала сжимать бутылку. – Земных года. Три земных года. Не плутонских.

Послышалось шуршание, и из тени в углу хижины выскочило какое-то существо и прыгнуло на кровать. Оно прижалось к бедру мужчины и подозрительно уставилось на Уэста, его рот напоминал щель, из которой по всему лицу текли слюни, морщинистая кожа при этом блеклом освещении не могла вызвать никаких других чувств, кроме отвращения и ужаса.

– Познакомьтесь с Аннабель, – сказал обладатель воинственных бакенбард.

Он свистнул, и тварь вскарабкалась на плечо, а затем прильнула к его щеке. Это зрелище вызвало у Уэста дрожь.

– Проездом? – поинтересовался незнакомец.

– Меня зовут Уэст. Направляюсь к Плутону.

– Попросите, чтобы они показали вам картину, – сказал мужчина. – Да, вы должны увидеть картину.

– Картину?

– Вы что, глухой? – воинственным тоном спросил незнакомец. – Я сказал – картину. Понимаете? Рисунок.

– Я понимаю, – сказал Уэст. – Но я не знал, что там имеются какие-либо картины. Даже не знал, что там вообще кто-то есть.

– Конечно есть, – сказал мужчина. – Там есть Луи и... – Он глотнул из бутылки и продолжил: – Я заработал алкоголизм. Хорошая вещь, этот алкоголизм. Спасает от простуд. Невозможно простудиться, когда у тебя алкоголизм. Однако он убивает быстрее, чем простуда. С простудой можно жить достаточно долго...

– Послушайте, – настойчиво попросил Уэст, – вы должны рассказать мне о Плутоне. О том, кто там находится. И о картинах. Откуда вы о них знаете?

Глаза незнакомца рассматривали его с пьяной хитростью.

– Вы должны будете сделать для меня кое-что. Я не могу дать вам информацию такого рода просто так, по доброте душевной.

– Разумеется, – согласился Уэст. – Все, что вы хотите. Только скажите, что вам нужно.

– Вы должны забрать отсюда Аннабель, – сказал мужчина. – Увезите ее назад, туда, откуда она родом. Здесь не место для такой девочки, как она. Эта жизнь не для нее. Находиться рядом с пьяной развалиной вроде меня... Когда-то я был великим человеком, пока однажды... да, сэр, великим человеком. Это все произошло из-за бутылки. Одной особенной бутылки. Нужно было попробовать их все, каждую, чтобы найти эту бутылку. И когда я искал, мне не оставалось ничего другого, как выпивать их содержимое. Содержимое наверняка испортится, если вы позволите бутылкам просто стоять вокруг вас. А кто захочет, чтобы такое количество испорченного спиртного загромождало место? – Он отхлебнул еще глоток и продолжил объяснения. – С тех пор этим только и занимаюсь. Теперь я почти добился своего, их осталось немного, неиспробованных. Раньше я думал, что если бы нашел правильную бутылку прежде, чем будет слишком поздно, то тогда все наладилось бы. Но если я сейчас найду ее, для меня это уже не будет иметь никакого смысла, потому что я умираю. Впрочем, осталось достаточное количество, которого хватит, чтобы добить меня... Намереваюсь умереть пьяным. Счастливая смерть.

– Но что с этими людьми на Плутоне? – спросил Уэст.

Бородач зашелся смехом.

– Я одурачил их. Они дали мне возможность сделать выбор. «Бери, что хочешь», – предложили они. Щедрые, видите ли. Подарок на прощание. Так что я взял виски. И вот результат. Они не знали, понимаете. Я надул их.

– Я уверен, что это так, – сказал Уэст.

По его позвоночнику снизу вверх пробежал страх крошечными, холодными ножками. Он понимал, что здесь имело место безумие, но безумие упорядоченное. Так или иначе этот уклончивый разговор надо бы все-таки свернуть в нужное русло, и тогда он будет иметь смысл.

– Но что-то пошло не так, – заявил мужчина. – Не так, как надо.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Вы понимаете, господин Бэст, – продолжал он. – Я...

– Уэст, – перебил его Фредерик. – Не Бэст, а Уэст.

Казалось, что мужчина не заметил ошибки.

– Я умираю, понимаете. Это может случиться в любую минуту. Печень, сердце или любой из органов откажет, и все. Вот до чего доводит пьянство. Раньше я никогда не пил. Вошло в привычку, когда я пробовал содержимое всех этих бутылок. Вошел во вкус. Потом уже ничего нельзя было поделаться... – Он потянулся вперед. – Обещайте, что увезете Аннабель, – хриплым голосом произнес он.

Взглянув на Уэста, Аннабель захихикала, слюни по-прежнему текли из ее рта.

– Но как я могу забрать ее, – возразил Уэст, – если не знаю, откуда она родом. Вы должны сказать мне.

Мужчина погрозил пальцем.

– Она издалека, – прокаркал он, – и все же это не так уж далеко. Не так далеко, если вы знаете, как туда добраться.

Уэст бросил взгляд на Аннабель и почувствовал подступающую к горлу тошноту.

– Я возьму ее, – сказал он. – Но вы должны сообщить мне, куда ее доставить.

– Спасибо, Гэст, – сказал мужчина. Он поднял бутылку, и снова послышалось бульканье.

– Не Гэст, – терпеливо поправил Уэст. – Мое имя...

Мужчина свалился с кровати и распластался на полу. Бутылка покатилась, проливая спиртное небольшими порциями, и жидкость заструилась по полу.

Уэст бросился вперед, встал на колени около мужчины и приподнял его. Бакенбарды зашевелились, откуда-то из глубины спутанного клока волос донесся прерывистый шепот, который почти не отличался от затухающего дыхания.

– Скажи Луи, что его картина...

– Луи? – закричал Уэст. – Какому Луи? О чем сказать...

Снова послышался шепот.

– Скажи ему... когда-нибудь... он нарисует не то место, и тогда...

Уэст опустил мужчину на пол и отошел. Бутылка виски все еще каталась туда-сюда между ножек стула, потом успокоилась.

В изголовье кровати что-то блестело, и Уэст подошел к тому месту, где висел заинтересовавший его предмет. Это были часы, сверкающие часы, которые годами заботливо полировались их хозяином. Они медленно раскачивались на кожаном ремешке, привязанном к металлической дуге, которая образовывала изголовье. Лежащий человек мог свободно дотянуться до них в темноте и узнать время.

Уэст взял часы в руки и перевернул их; он увидел гравировку, которая была сделана на задней крышке. Нагнувшись, при слабом свете он прочитал надпись: «Уолтеру Дж. Дарлингу, из класса '16, Политехнический колледж на Марсе».

Уэст выпрямился, осознавая увиденное, но не доверяя мыслям, которые мгновенно закопошились в его мозгу.

Уолтер Дж. Дарлинг. Неужели это его скорченное тело лежит на полу? Уолтер Дж. Дарлинг, один из самых знаменитых биологов Солнечной системы, умер в этом грязном бараке? Дарлинг, который преподавал в Политехническом институте на Марсе в течение многих лет, вот этот сморщенный, весь пропитанный виски труп в дрянном нижнем белье?

Уэст вытер лоб тыльной стороной перчатки скафандра. Дарлинг был членом таинственной правительственной комиссии, которая работала в тех самых лабораториях на Плутоне. Его послали туда, чтобы совершенствовать искусственные гормоны, предназначенные для управляемой мутации человеческой расы. Миссия, выполняемая учеными, держалась в секрете с самого начала, потому что огласки этих экспериментов боялись, и вполне справедливо: если бы о них узнали, это могло бы привести к бурным протестам, в которых приняло бы участие множество людей, не способных представить, зачем их должны биологически усовершенствовать.

«Миссия, – подумал Уэст, – которая была тайно организована и закончилась также тайно, – тайна, породившая слухи во всей Солнечной системе». И от этих слухов по спине пробежали мурашки.

Луи? Возможно, перед смертью Дарлинг говорил о Луи Невине, другом члене комиссии с Плутона.

И Невин все еще, должно быть, на Плутоне, он, очевидно, все еще жив, несмотря на сообщение, которое пришло на Землю.

Но живопись... здесь явное несоответствие. Невин не был художником, он был биологом, едва ли не вторым после Дарлинга.

Значит, сообщение трехлетней давности было обманом. На планете все еще находились люди.

«И это означало, – с горечью сказал себе Уэст, – что его собственный план рушился прямо на глазах. Ведь Плутон был единственным местом в Солнечной системе, где можно найти продовольствие и укрытие, там точно можно было не опасаться визитеров».

Он вспомнил, как тщательно все спланировал... и Плутон казался правильным выбором. Там имелись запасы продовольствия на многие годы, хранившиеся в складских помещениях,

удобное жилье, инструменты и оборудование, которые могли бы ему в случае необходимости потребоваться. И разумеется, там находилось некое существо... неважно, что это могло бы быть. Нечто, внушавшее ужас, из-за которого был наложен запрет на посещение Плутона, и по этой причине здесь находился космический патруль, охранявший одиночество планеты.

Но Уэста не слишком беспокоило то, что он мог обнаружить на планете. Не могло быть ничего хуже, чем горечь существования на Земле.

Что-то происходило в лабораториях на Плуtone. Что-то, о чем правительство не знало или решило скрыть с помощью заведомо ложного сообщения три года назад. Дарлинг мог бы рассказать ему об этом, если бы захотел... если бы был в состоянии? Но теперь Уолтер Дж. Дарлинг уже ничего не мог рассказать. Придется Уэсту все узнать самому.

Уэст подошел к Дарлингу, поднял его, положил на кровать и накрыл изорванным одеялом. Взгромоздившись на изголовье кровати, Аннабель дрожала, хихикала и пускала слюни.

– Эй ты, иди сюда, – сказал Уэст. – Ну же, иди сюда.

Аннабель приблизилась, медленно и застенчиво. Уэст брезгливо поднял ее, затолкал во внешний карман, застегнул молнию и направился к двери.

По пути поднял с пола пустую бутылку, чтобы добавить ее к другим, в пирамиде.

Белая певича

Корабль Уэста летел, словно серебристый призрак, между вздымавшимися горными пиками, которые окружали единственную долину на Плуtone, хранившую память о том, что здесь побывал человек.

Двигаясь с приглушенными двигателями в тени планеты, Уэст проскользнул мимо патруля. Миновав горы, он включил двигатели, но заставил корабль двигаться медленнее, так что тот едва ли не полз. Уэст понимал, что пламя от его ракетных двигателей могло бы быть замечено любым патрулем далеко отсюда.

И теперь, когда скорость уменьшилась, он снижался под углом к гладкой, как стекло, посадочной площадке, поспешно переключая клавиши на панели управления, затем выбрал приземление в свободном падении, которое даже при благоприятных обстоятельствах было опасным. Но он осознавал, что это менее рискованно, чем привлекать внимание к своему прибытию грохотом еще одного ракетного двигателя. Посадочная площадка была длинной и гладкой. Если он правильно все рассчитал и не начал снижение достаточно рано, то ему должно хватить этого пространства.

Практически полное отсутствие атмосферы было существенным плюсом. Не было никаких водоворотов, потоков воздуха, которые могли бы отклонить судно от выбранного курса, вывести его из равновесия, заставив совершать неуправляемые вращения.

Внизу справа он увидел вспышку света, и что-то щелкнуло у него в мозгу, он мгновенно понял, что это лаборатория.

Корабль выпустил парашюты и со свистом понесся по посадочной полосе, сотрясаясь всем корпусом. Он остановился прямо перед выступом скалы. Уэст перевел дыхание и почувствовал, что его сердце снова начало биться. Еще несколько футов и...

Выключив панель управления, он повесил ключ на шею, опустил обзорное стекло кабины и выбрался из корабля.

По ту сторону поля виднелись огни лаборатории. Значит, он не ошибся. Он видел огни... и здесь были люди. Или он все-таки заблуждался? Лампы могли бы продолжать функционировать даже без постоянного контроля. Тот факт, что они горели, вовсе не означал, что в здании находились люди.

Вдали вырисовывалось массивное сооружение, и Уэст знал, что это были мастерские экспедиции на Альфу Центавра, в которых в течение двух лет люди трудились, чтобы сделать

космический двигатель Хендерсона. Вне всякого сомнения, в тени освещенных светом звезд мастерских находился и сам корабль «Альфа Центавра», брошенный здесь, когда команда оставила попытки и в отчаянии возвратилась на Землю. Космический аппарат, предназначенный для полетов к звездам и созданный для того, чтобы покинуть пределы Солнечной системы и исчезнуть в пустоте, преодолевая световые годы так же легко, как обычный корабль расстояние от Земли до Марса.

Конечно, он никуда не улетел, но это не имело значения. «Всего лишь символ», – сказал про себя Уэст.

Он остался тем, чем был... символом и мечтой.

И чем-то еще теперь, когда Уэст был здесь, теперь, когда он мог признаться себе в том, что тайлось в глубине его души на протяжении всего пути с Земли.

Уэст немного ослабил ремень и подвинул его так, чтобы пистолет находился рядом с его рукой – наготове.

Если здесь находились люди... или, что еще хуже, если то сообщение не было ложью, ему, возможно, понадобится пистолет. Хотя маловероятно, что существо, с которым он мог бы столкнуться лицом к лицу, уязвимо для пуль пистолета.

С содроганием он вспомнил то короткое, не предназначенное для широкой общественности сообщение, которое хранилось в секретном архиве на Земле... эту запись, которую передавали по радио с Плутона, напряженный и режущий слух голос, который говорил ужасные вещи об умирающих людях и о чем-то, что оказалось на свободе. Голос, который кричал о надвигающейся опасности, затем последовали булькающие звуки, и он умолк.

После этого был наложен запрет на посещение планеты и космический патруль отправился контролировать ее изоляцию.

«Это было тайной с самого начала, – подумал он, – с самого начала и до конца. А все потому, что комиссия вела поиски гормона, для того чтобы осуществить контролируемые мутации человеческой расы. И человечество, разумеется, возмутилось бы этим, так что исследования должны были оставаться в тайне».

Горькие мысли овладели Уэстом. Человечество возмущается по поводу любых отклонений от нормы. Оно всегда очищало города от прокаженных, оно душило сумасшедших, одевая их в смирительные рубашки в лечебницах, оно тарасило на любое изуродованное существо с жалостью, которая на самом деле была нестерпимым оскорблением. И оно боялось... о да, оно боялось!

Медленно, осторожно Уэст шел по посадочной полосе. Поверхность была гладкой, настолько гладкой, что его специальные ботинки оставляли на ней небольшие царапины.

На скалистой возвышенности находилась лаборатория, но Уэст обернулся и посмотрел куда-то в космос, словно хотел получить последнее напутствие от того, кого он хорошо знал.

– Земля, – произнес он. – Земля, слышишь ли ты меня сейчас? Тебе больше не нужно меня бояться и можешь не волноваться, я не вернусь. Но придет день, когда появятся другие, такие же, как я. И может быть, они уже существуют. Ведь невозможно распознать мутанта ни по тому, как он расчесывает волосы, ни по тому, как он ходит или говорит. У него нет рогов, нет хвоста или какой-нибудь отметины на лбу. Но когда он будет обнаружен, за ним необходимо тщательно наблюдать, шпионить, проверять его и перепроверять. И следует найти такое место, куда его можно было бы поместить, чтобы остальные оказались в безопасности от любых его действий... но он ничего не должен знать. Его будут судить, огласят приговор и отправят в изгнание, даже не сообщая ему об этом. Как пытались поступить со мной.

Но, – продолжал Уэст, обращаясь к Земле, – мне не понравилось ваше изгнание, так что я выбрал свое собственное. Понимаете, я все знал. Я знал, когда вы начали наблюдать за мной, о проверках и совещаниях и плане действий, и иногда я едва мог удержаться, чтобы не рассмеяться прямо вам в лицо.

Он долго стоял и глядел в космос, туда, где в темноте вращалась Земля вокруг похожего на звезду Солнца.

– Горько? – спросил он себя. И ответил: – Нет, не горько. Точно не горько.

Уэст продолжил разговор с Землей:

– Вы должны понять, что человек – прежде всего человек, а потом уже мутант. Он – не монстр, только потому что он мутант... он просто немного другой. Он человек, такой же, как вы, и, возможно, даже в большей степени человек, чем вы. Потому что человеческая раса сегодня – это история долгой мутации... людей, которые немного отличались от остальных, тех, кто думал немного глубже, кто чувствовал острее сострадание, тех, кто обладал такими чертами личности, которые были более присущи человеку. И они оставили более четкое мышление и более глубокое сострадание сыновьям и дочерям, которые передали эти качества своим детям, возможно не всем, но некоторым из них. Так человеческая раса выросла из дикости, так появилось представление о человеке.

«Возможно, – думал он, – мой отец был мутантом – мутантом, которого никто не подозревал в этом. Или им была моя мать. И никого из них не заподозрили. Поскольку мой отец был фермером, его мутация повлияла на улучшение зерновых культур – благодаря правильной оценке состояния почвы или технологии выращивания растений. Кого интересовало, что он был мутантом? Он просто был лучшим фермером, чем его соседи. И если ночью, когда он читал потрепанные книги, которые стояли на полке в столовой, и понимал изложенные в них идеи лучше, чем большинство других людей, разве это было основанием для подозрения?»

– Но я, я был замечен, – сказал Уэст. – Это преступление для мутанта – быть замеченным. Похоже на историю со спартанским мальчиком, для которого похищение лисы вовсе не являлось преступлением, но крики, когда лиса вырвала его кишки, были настоящим преступлением.

«Я слишком быстро пошел в гору, – подумал он. – Я слишком сильно сократил бюрократию. Я слишком хорошо все понимал. А в правительстве вы не можете ни чересчур быстро подниматься по карьерной лестнице, ни сокращать бюрократический аппарат, ни понимать слишком хорошо, что происходит в стране. Вы должны быть столь же посредственны, как и ваши коллеги. Вы не можете показать на проект двигателя ракеты и заявить: „Здесь есть проблема“, когда люди, обязанные лучше в этом разбираться, чем вы, не могут увидеть проблему. И вы не можете придумать такую систему производства, которая будет создавать два ракетных двигателя по цене одного и за более короткое время. Потому что здесь дело не только в слишком большой эффективности; это откровенное кощунство.

Но то, что вам делать нельзя ни в коем случае, – подняться на открытом собрании политических деятелей и заявить, что генная инженерия не преступление само по себе... что преступлением является ее использование во вред человечеству. Или сказать, что мир был бы богаче, если бы использовал мутантов, вместо того чтобы их бояться.

Разумеется, если бы кто-то знал, что он мутант, он не стал бы говорить нечто подобное. И мутант, понимая, что он мутант, никогда не указал бы на неисправность в двигателе ракеты. Потому что мутант должен держать язык за зубами, должен изображать из себя среднестатистического человека, посредственность и, наконец, достигнуть всего, чего он желает, с помощью сознательного обмана и притворства.

Если б я только знал, если б я вовремя понял это. Я мог бы дурачить их, так же как многие другие, надеюсь, все еще дурачат их даже сейчас».

Но теперь он знал, что было уже слишком поздно – слишком поздно, чтобы вернуться к жизни, от которой он отказался, вернуться и смириться с тем, что он попал в капкан, созданный для него... Капкан, который удерживал бы его и где он чувствовал бы себя в безопасности. А человеческая раса была бы в безопасности от него.

Обернувшись, Уэст обнаружил тропинку, которая вела по склону горы к лаборатории. Неповоротливая человеческая фигура вышла из тени и окликнула его:

– Ну и куда, как вы думаете, вы направляетесь?

Уэст остановился.

– Просто иду, – сказал он. – Ищу своего друга. По имени Невин.

Он чувствовал, что в кармане его скафандра беспокойно шевелилась Аннабель. Что, если она простудилась?

– Невин? – спросил мужчина, в его голосе почувствовался холодок тревоги. – Что вам надо от Невина?

– У него есть картины, – ответил Уэст.

Голос мужчины стал вкрадчивым и как будто таил в себе угрозу.

– Что вы знаете о Невине и его живописи?

– Немного, – сказал Уэст. – Именно поэтому я здесь. Хотелось бы поговорить с ним об этом.

Аннабель сделала кувырок в застегнутом кармане Уэста, глаза мужчины поймали это движение.

– Что это у вас там? – спросил он с подозрением.

– Аннабель, – ответил Уэст. – Она, гм... в общем, она чем-то похожа на гладкошерстную крысу, с лицом почти как у человека, вот только ее рот вовсе не похож на человеческий.

– Не продолжайте. Откуда вы ее взяли?

– Нашел, – ответил Уэст.

Мужчина издал смешок.

– Так, значит, вы ее нашли, а? Можно себе представить.

Он подошел к Уэсту и взял его под руку.

– Возможно, нам будет о чем поговорить, – сказал он. – Мы должны сравнить наши записи.

Вместе они поднимались по склону горы, и рука мужчины, одетая в перчатку, сжимала локоть Уэста.

– Вы – Лэнгдон, – осмелился спросить Уэст намеренно безразличным тоном.

Мужчина фыркнул.

– Нет, не Лэнгдон. Лэнгдон пропал.

– Скверно, – заметил Уэст. – Плутон – не самое лучшее место, чтобы потеряться.

– Он не на Плуtone, – сказал мужчина. – Где-то там, в космосе.

– Может быть, Дарлинг... – И Уэст затаил дыхание, чтобы услышать ответ.

– Дарлинг оставил нас, – сказал мужчина. – Я – Картрайт, Бертон Картрайт.

На крошечном плато перед лабораторией они остановились, чтобы отдышаться. Тусклый свет звезд окрашивал долину, раскинувшуюся внизу, в серебристый цвет.

Уэст показал на звездолет.

– Тот самый корабль!

Картрайт захихикал.

– Вы узнаете его, а? «Альфа Центавра».

– Там, на Земле, все еще продолжают работать над двигателем, – сказал Уэст. – Когда-нибудь они добьются своего.

– Не сомневаюсь в этом, – кивнул Картрайт и повернулся к лаборатории. – Пойдемте. Скоро будет готов обед.

Стол был накрыт белой скатертью, серебряные приборы сверкали в мерцающем свете тонких свечей. Бокалы, наполненные игристым вином, были расставлены согласно этикету. В центре стола находилась ваза с фруктами – но таких плодов Уэст никогда прежде не видел.

Картрайт наклонил стул и сбросил существо, которое спало там, на пол.

– Садитесь, господин Уэст, – сказал он.

Существо выпрямило туловище и пристально посмотрело на Уэста с подозрительным отращением, затем, злобно зашипев, исчезло из поля зрения.

Расположившийся по другую сторону стола Луи Невин заметил извиняющимся тоном:

– Проклятые твари все время вертятся под ногами. Полагаю, господин Уэст, они тоже вам досаждают.

– Мы пробовали специальные ловушки для крыс, – сказал Картрайт. – Но они оказались слишком сообразительными, так что мы уживаемся с ними, это лучшее, что можно сделать.

Уэст засмеялся, чтобы скрыть кратковременное замешательство, но почувствовал на себе взгляд Невина.

– Аннабель, – сказал он, – было единственным созданием, которое когда-либо беспокоило меня.

– Вам повезло, – сказал ему Невин. – Они надоедливые паразиты. Один из них настаивает на том, чтобы спать со мной.

– Где Белден? – спросил Картрайт.

– Он поел раньше, – ответил Невин. – Сказал, что у него дела, которые он хочет доделать. Просил его извинить. – Он обратился к Уэсту: – Джеймс Белден. Возможно, вы о нем слышали.

Уэст кивнул.

Он отодвинул стул и сел, затем резко поднялся.

В дверях появилась женщина с фиолетовыми глазами и платиновыми волосами, закутанная в манто из горноста. Она шагнула вперед, и свет от пылающих свечей упал на ее лицо. Уэст застыл на месте и почувствовал, что кровь в венах стала холодной, как лед.

Это лицо не было лицом женщины. Оно скорее походило на череп, покрытый мехом, словно лицо ночной бабочки, которое попыталось стать человеческим и застряло где-то на полпути.

В конце стола Картрайт тихо посмеивался.

– Вы узнаете ее, господин Уэст?

Уэст сжал спинку стула с такой силой, что его суставы мгновенно побелели.

– Конечно узнаю, – ответил он. – Белая певица. Но как вы привезли ее сюда?

– Вот поэтому они зовут ее обратно на Землю, – сказал Невин.

– Но ее лицо, – настаивал Уэст. – Что случилось с ее лицом?

– Их было две, – пояснил Невин. – Одну мы послали на Землю. Мы должны были подправить ее немного. Понимаете – пластическая хирургия.

– Она поет, – заметил Картрайт.

– Да, я знаю, – сказал Уэст. – Я слышал, как она пела. Или, может быть, я слышал другую... ту, что вы послали на Землю с переделанным лицом. Ее выступления транслируют все эфиры. Все телевизионные сети показывают ее.

Картрайт вздохнул.

– Я хотел бы услышать ее на Земле, – сказал он. – Видите ли, она поет там иначе, чем здесь.

– Они поют, – перебил его Невин, – так, как они чувствуют.

– Камин отражает свет на стене, – сказал Картрайт, – и она будет петь, как свет от камина на стене. Или благоухает сирень во время апрельского дождя, и ее пение будет походить на аромат сирени и пелену дождя, падающего на дорожку сада.

– Здесь нет ни дождя, ни сирени, – сказал Невин и посмотрел так, что на мгновение показалось, что он вот-вот заплачет.

«Сумасшедший, – подумал Уэст. – Абсолютно безумный. Как тот мужчина, что упился до смерти, там, на спутнике Плутона. И все же, может быть, он не столь сумасшедший».

– У них нет разума, – пояснил Картрайт, – то есть нет собственного взгляда на вещи, чтобы высказать свою мысль. Только связка нервных окончаний, вероятно, без сенсорного восприятия, такого как у нас, но более чем вероятно, что у них другое, полностью отличающееся от нашего сенсорное восприятие. Чувствительные создания. Музыка для них – выражение сенсорных впечатлений. Они не могут повлиять на то, как они поют, так же как ночная бабочка – справиться с желанием лететь на пламя свечи, не сознавая, что это убьет ее. Они по природе телепаты. Они принимают мысли и передают их в пространство. Не удерживают ни одной мысли, понимаете, только передают – подобно старинным телефонным проводам. Мысли, которые слушатели, под воздействием музыки, принимают.

– И красота этого заключается в том, – подхватил Невин, – что если бы когда-либо позже слушатель осознал свои мысли и задумался по этому поводу, то был бы убежден, что они являлись его собственными, что они вертелись у него в голове все это время.

– Умно, а? – спросил Картрайт.

Уэст вздохнул свободнее.

– Умно, да. Я не думал, что вы, парни, способны на такое.

Уэст хотел задрожать и понял, что не может, и дрожь начинала расти внутри него, и казалось, что его туго натянутые нервы сейчас разорвутся.

Картрайт сказал:

– Так что у нашей Стеллы все получается хорошо.

– О ком вы? – спросил Уэст.

– Стелла. Другая. Та, что с лицом.

– А, понятно, – кивнул Уэст. – Я не знал, что ее зовут Стелла. На самом деле никто о ней ничего не знает. Однажды ночью она неожиданно появилась в качестве сюрприза на одной из телесетей. Ее объявили в качестве таинственной певицы, а затем люди начали называть ее Белой певицей. Она всегда пела, освещенная тусклым голубым светом, понимаете, и никто никогда не видел ее лицо отчетливо; несмотря на это, каждый, конечно, считал ее красавицей.

Телесеть не ставила под сомнение то, что она была инопланетянкой. Сообщили, что она – представитель таинственной расы, которую Джастон Ллойд нашел на Астероидах. Вы помните Ллойда, нью-йоркского пресс-агента?

Невин потянулся к нему через стол.

– И люди, правительство, они ни о чем не подозревают?

Уэст кивнул.

– Почему они должны сомневаться? Ваша Стелла – чудо. Все сходят по ней с ума. Газеты просто обезумели. Киношники...

– И перед ней преклоняются?

– Преклоняются, – ответил Уэст.

– А вы? – спросил Картрайт, и в громовом голосе мужчины Уэст почувствовал вызов.

– Я узнал, – сказал он, – и прибыл сюда, чтобы присоединиться.

– Вы точно знаете, о чем просите?

– Да, я знаю, – ответил Уэст, надеясь, что это так.

– Новая философия, – пояснил Картрайт. – Новая концепция жизни. Новые пути прогресса. Тайны, о которых человеческая раса никогда не подозревала. Преобразование человеческой цивилизации почти за одну минуту.

– И вы прямо в эпицентре событий, дергаете за ниточки, – заметил Уэст.

– Итак? – спросил Картрайт.

– Я хочу быть причастным к этому действию, но не в качестве марионетки.

Невин поднял руку.

– Подождите, господин Уэст. Хотелось бы знать, как...

Картрайт рассмеялся.

– Забудь, Луи. Он знал о твоей картине. У него была Аннабель. Где, полагаешь, он все разузнал?

– Но... но... – бормотал Невин.

– Возможно, он не использовал картину, – заявил Картрайт. – Возможно, он использовал другие методы. В конце концов, ты знаешь, что они существуют. Тысячи лет назад людям было известно место, которое мы нашли. Му, возможно Атлантида или другая забытая цивилизация. Для меня вполне достаточно того факта, что у Уэста есть Аннабель. Он должен был быть там.

Уэст с облегчением улыбнулся.

– Я использовал другие методы, – сообщил он им.

Картина

Робот прикатил поднос с дымящимися тарелками.

– Давайте приступим к трапезе, – предложил Невин.

– Только один вопрос, – сказал Уэст. – Как вы вернули Стеллу на Землю? Ни один из вас не мог доставить ее. Вас бы наверняка узнали.

Картрайт довольно усмехнулся.

– Это Робертсон, – ответил он. – У нас был корабль, и он сумел незаметно проскользнуть. А еще Белден – наш врач. Он, если вы помните, весьма способный пластический хирург.

– Он все сделал, – заметил Невин, – и для Робертсона, и для Стеллы.

– Чуть-чуть, и с нас бы кожу живьем содрал, – проворчал Картрайт, – чтобы заработать. Я продолжаю считать, что он взял больше, чем ему было действительно нужно, только из вредности. Он капризный попрошайка.

Невин сменил предмет разговора:

– Пригласим Розы сесть с нами?

– Розы? – спросил Уэст.

– Розы – сестра Стеллы. Мы не знаем детали их отношений и степень родства, но мы называем ее так для удобства.

– Порой мы забываем про ее лицо и позволяем ей сидеть во главе стола, как будто она одна из нас, – объяснил Картрайт. – Как будто она наша хозяйка. Понимаете, она удивительно похожа на женщину. Эти крылья, словно накидка из горностая, и платиновые волосы. Она придает происходящему за столом... своего рода...

– Иллюзию аристократизма, – сказал Невин.

– Наверное, сегодня неподходящее время, – решительно заметил Картрайт, – господин Уэст еще не привык к ней. Он пробыл здесь несколько часов... – Он остановился с ошеломленным видом. – Мы забыли кое-что, – объявил он, поднялся и обошел вокруг стола, направляясь к искусственному камину.

Там он взял бутылку, которая стояла на полке камина, бутылку с черным шелковым бантом, повязанным вокруг горлышка, а затем с торжественным видом поставил ее в центр стола около вазы с фруктами.

– У нас есть вот такая безобидная шутка, – сказал Невин.

– Едва ли это шутка, – возразил Картрайт.

Уэст, казалось, был озадачен.

– Бутылка виски?

– Особенная бутылка, – ответил Картрайт. – Весьма особенная бутылка. Давным-давно мы в шутку организовали общество последнего человека. Эта бутылка должна была быть той, которую выпьет последний человек. Наша затея заставляла нас чувствовать себя такими храбрыми, готовыми пойти на риск... И мы со смехом вспоминали о ней во время работы, когда

пытались выявить гормоны. Видите ли, ни один из нас не думал, что когда-нибудь настанет время для этой бутылки.

– Но теперь, – сказал Невин, – нас осталось только трое.

– Ты не прав, – напомнил ему Картрайт. – Нас четверо.

Они оба посмотрели на Уэста.

– Конечно, – решительно произнес Невин. – Нас четверо.

Картрайт расстелил салфетку на коленях.

– Возможно, Луи, мы могли бы также позволить господину Уэсту увидеть картину.

Невин колебался.

– Совсем не уверен, Картрайт...

Картрайт щелкнул языком.

– Ты слишком подозрителен, Луи. У него есть это существо, не так ли? Он знает о твоей картине. Есть только один способ, с помощью которого он мог узнать об этом.

Невин подумал и сказал:

– Я полагаю, ты прав.

– И если господин Уэст по воле случая окажется самозванцем, – весело заметил Картрайт, – мы можем всегда принять надлежащие меры.

Невин обратился к Уэсту:

– Я надеюсь, что вы это понимаете.

– Безусловно, – ответил тот.

– Мы должны быть очень осторожны, – отметил Невин. – Это доступно немногим.

– Очень немногим, – согласился Уэст.

Невин пересек комнату и потянул шнур, который висел на стене. Один из гобеленов медленно свернулся в тяжелый рулон. Уэст наблюдал за этим, затаив дыхание, – и перед ним предстала картина.

На переднем плане было изображено дерево, с веток которого свисали золотые плоды, в точности похожие на один из тех, что лежали в вазе на столе. Словно кто-то только что шагнул в картину и выбрал этот свежий фрукт себе на обед.

Под деревом была нарисована дорожка, которая начиналась от самого края холста; она была прорисована до такой степени подробно, что даже крошечная галька, покрывавшая ее, была ясно видна глазу. И от дерева дорожка вела к возвышавшимся на горизонте лесистым холмам.

В следующую секунду Уэст, наверное, мог бы поклясться, что он почувствовал дуновение ветра, услышал шелест листьев покрытого плодами дерева, увидел, как листья дрожали на ветру, до него донеслось благоухание цветов, которые росли вдоль дороги.

– Ну как, господин Уэст? – торжествующе спросил Невин.

– Почему, – спросил Уэст, все еще прислушиваясь к шелесту ветра в листьях, – почему кажется, будто можно войти в картину, а затем двигаться прямо по этой дорожке?

Невин вдыхал воздух со звуком, который не был похож ни на одышку, ни на вздох, а на что-то среднее между ними. В конце стола Картрайт захлебывался вином, его громкий неудержимый смех, который он пытался сдерживать, образовывал пузыри на его губах.

– Невин, вы когда-нибудь думали о создании другой картины? – спросил Уэст.

– Возможно, – ответил Невин. – Почему вы об этом спрашиваете?

Уэст улыбнулся. В его голове эхом раздавались слова, которые он запомнил, слова, которые пьяный мужчина прошептал ему перед смертью.

– Я только подумал, – сказал Уэст, – о том, что могло бы случиться, если бы вы когда-нибудь нарисовали не то место.

– Ей-богу! – воскликнул Картрайт. – Невин, он тебя сделал! Я говорил тебе то же самое.

Невин начал подниматься из-за стола, и едва он встал, как чуть слышные звуки музыки заполнили комнату. Музыка, которая разжала руки Невина, ухватившиеся за край стола, музыка, которая заставила исчезнуть внезапный холод между лопатками Уэста.

Музыка, которая говорила об удивительном космосе и ярком пламени звезд. Музыка, в которой был свист ракет, и тишина пустоты, и мрачные своды вечной ночи.

Рози пела.

Уэст сидел на краю кровати и понимал, что ему повезло: он удалился прежде, чем могли быть заданы другие вопросы. Пока он был уверен, что ответил верно на все, не вызывая особого подозрения, но чем дольше это будет продолжаться, тем больше вероятности, что он обязательно совершит ошибку, пусть даже незначительную.

Теперь у него было время, чтобы подумать, время, чтобы попытаться распутать и соединить в одно целое некоторые из фактов, которые он недавно узнал.

Одно из этих маленьких чудовищ, которыми кишело это место, забралось на стойку балдахина кровати и теперь пристроилось там, неоднократно обернув вокруг стойки свой длинный хвост. Существо, уставившись на Уэста, издавало странные звуки, похожие на чириканье, а он смотрел на него и дрожал, задаваясь вопросом: корчит ли оно ему рожи или действительно так выглядит?

Эти скользкие, чирикающие чудовища... он где-то слышал о них, вне всякого сомнения. Он даже как-то видел рисунки с их изображением. Когда-то очень давно в другом времени и в другом месте. Видел существа, похожие на Аннабель и на ту тварь, которую Картрайт сбросил со стула... и на это маленькое злобное создание, которое устроилось в изголовье кровати.

Невин сказал о них забавную вещь: «...они прокрадываются сквозь...» – не внутрь, а сквозь. Нечего добавять.

И Невин с Картрайтом – что-то в них не так, какая-то трудноуловимая черта характера, по определению не присущая человеку.

Они работали с гормонами, когда что-то случилось, что послужило поводом для предупреждения, посланного на Землю. А было ли предупреждение? Может, фальшивка? Происходило ли здесь то, о чем никто не должен знать, как того хотело правительство Солнечной системы?

Почему они послали Стеллу на Землю? Почему они были до такой степени довольны, что ее там так хорошо принимают? Что имел в виду Невин, спрашивая: «...правительство ни о чем не подозревает?» Почему правительство должно подозревать? Что было в ней такого, о чем можно было бы подозревать? Всего лишь бессмысленное существо, пение которого напоминало перезвон колоколов на небесах.

Теперь этот бизнес, связанный с производством гормонов. Гормоны делали забавные вещи с людьми.

«Я должен узнать, – сказал себе Уэст. – Чуть быстрее и более умело. Установить короткую связь между „здесь“ и „там“. Ты слишком плохо знаешь себя самого, чтобы определить, чем отличаешься от других. Вот так развивается человеческая раса. Мутация здесь и происходящее там через одну или две тысячи лет некое изменение расы, ставшей не такой, какой она была за тысячу лет до этого.

Возможно, то была мутация обратно в каменный век, когда человек ударил два кремня друг о друга и добыл себе огонь. Возможно, другой мутант, который выдумал колесо, взял сани для перевозки камней и сделал из этих деталей тележку.

Медленно, это должно было бы происходить медленно. Постепенно. Потому что если бы это происходило слишком быстро и было заметно, другие люди убивали бы каждого мутанта, как только бы он обнаруживался. Потому что человеческая раса не может допустить отклоне-

ние от нормы, даже несмотря на то, что мутация – процесс, с помощью которого развивается раса.

Раса больше не убивает мутантов. Она помещает их в лечебницы или загоняет в такие глухие уголки самовыражения, как искусство или музыка, или она находит для них хорошие места ссылки, где они будут чувствовать себя комфортно, где у них будет работа и где – нормальные люди надеются на это – мутанты никогда не узнают, кто они.

Теперь быть другим стало тяжелее, тяжелее быть мутантом и не избежать обнаружения, а все из-за медицинских комиссий и психиатров и прочего научного фетиша, который люди создали, чтобы охранять их спокойствие.

Пятьсот лет назад они не узнали бы, кто я. Пятьсот лет назад я, возможно, и сам не понял бы этого.

Контролируемая мутация? Теперь появилось нечто другое. Именно это учитывало правительство, когда послало комиссию сюда, на Плутон, с тем чтобы, используя в своих интересах низкие температуры, создавать гормоны, которые могли бы видоизменить человеческую расу. Гормоны, которые могли бы усовершенствовать расу, которые могли бы развить скрытые таланты или даже добавить совершенно новые характеристики, придуманные, чтобы воспроизвести лучшее, что было в человечестве.

Контролируемые мутации, с которыми все было бы в порядке. Правительство боялось только естественных неподконтрольных мутаций. Что, если члены комиссии усовершенствовали гормон и опробовали его на себе?»

Течение его мыслей резко оборвалось – он был доволен идеей, возможным решением.

На столбике балдахина кровати небольшое чудовище ковырялось лапами во рту, весело пуская слюни.

В дверь постучали.

– Входите! – пригласил Уэст.

Дверь открылась, и вошел мужчина.

– Я – Белден, – представился он. – Джим Белден. Они сказали мне, что вы здесь.

– Рад с вами познакомиться, Белден.

– Что за игру вы затеяли? – спросил Белден.

– Нет никакой игры, – ответил Уэст.

– Вы их одурачили, заставили вас поверить, – сказал Белден. – Они думают, что вы – некий великий человек, который обнаружил истину.

– Следовательно, они так думают, – кивнул Уэст. – Я очень рад это слышать.

– Они показали мне Аннабель, – продолжал Белден. – Сказали, что это доказательство того, что вы один из нас. Но я узнал Аннабель. Они не узнали, а я – узнал. Ее взял с собой Дарлинг. Вы забрали ее у Дарлинга.

Уэсту ничего не оставалось, как молчать. Было бесполезно играть в невинного с Белде- ном, потому что тот был слишком близок к истине.

Белден понизил голос:

– У вас появилась такая же догадка, как и у меня. Вы полагаете, что гормон Дарлинга стоит больше, чем весь этот маскарад, происходящий внизу. И вы здесь, чтобы найти его. Я сказал Невину, что, вместо того чтобы бездельничать здесь, нужно найти гормоны Дарлинга, но он не согласился со мной. После того как мы отвезли Дарлинга на спутник, Невин разбил панель управления корабля. Понимаете, он боялся, что я мог улететь. Он не доверял мне, и он не мог позволить себе дать мне улететь.

– Поторгуюсь, – спокойно предложил Уэст.

– Мы отправимся на спутник на вашем корабле и пообщаемся с Дарлингом, – сказал Белден. – Мы выьем из него информацию.

Уэст усмехнулся, скривив рот.

– Дарлинг мертв, – сказал он.

– Вы обыскали хижину? – спросил Белден.

– Конечно нет. Почему я должен был ее обыскивать?

– В таком случае все – там, – мрачно произнес Белден. – Спрятано где-то в бараке. Я перевернул здесь все вверх тормашками и уверен, что дальнейшие поиски бессмысленны. Ни формул, ни самих гормонов. Их здесь нет, если только Дарлинг не был хитрее, чем я о нем думал.

– Вы знаете, что это за гормон. – Уэст говорил ровным тоном, пытаясь сказать так, чтобы это звучало, как будто он сам мог знать это.

– Нет! – резко отозвался Белден. – Дарлинг не доверял нам. Он был зол на Невина за то, что тот пытался сделать. И однажды он создал то, благодаря чему человек, который получил бы это, мог управлять Солнечной системой. Дарлинг не шутил, Уэст. Он знал больше о гормонах, чем мы все вместе взятые.

– Сдается мне, – сухо сказал Уэст, – что вы хотели бы держать такого человека здесь. Вы, конечно, использовали бы его.

– И опять-таки Невин, – заметил Белден. – Дарлинг не согласился бы с программой, которую тот разрабатывал. Даже угрожал, что предаст его действия огласке, если у него будет возможность. Невин хотел убить его, но Картрайт придумал шутку... Он весельчак, этот Картрайт.

– Я заметил это, – кивнул Уэст.

– Картрайт придумал своего рода сделку, – продолжал Белден. – Предложил Дарлингу взять с собой любую вещь, какую он захочет. Одну вещь, понимаете. Только одну вещь. Вот откуда возникла эта шутка. Картрайт ожидал, что Дарлинг будет мучиться, пытаясь решить, что взять с собой. Но он ни минуты не колебался. Дарлинг взял виски.

– Он допился до смерти, – сообщил Уэст.

– Дарлинг не был пьющим человеком, – резко бросил Белден.

– Это было самоубийство, – сказал Уэст. – Дарлинг водил вас за нос все это время. Вам до него далеко.

Мягкий звук, словно птица чистила перышки на своем крыле, наполнил уши Уэста.

Рози вошла в комнату, она приподняла крылья, выставляя напоказ мерзкий мех, покрытое пятнами тело под ним и это мертвое лицо.

– Нет! – закричал Белден. – Нет! Я ничего не собирался делать. Я не...

Он стал отступать назад, выставив перед собой вытянутые руки, чтобы защититься от создания, которое направлялось к нему, его губы все еще шевелились, но он не произнес ни звука.

Рози отбросила Уэста в сторону легким ударом покрытого мехом крыла, а затем широко распахнула крылья и закрыла ими Белдена от Уэста. Крылья сомкнулись, и послышались приглушенные крики человека. Потом наступила тишина.

Рука Уэста метнулась к кобуре, и он выхватил оружие. Его большой палец нажал на активатор, и пистолет замурлыкал, словно насытившийся кот.

Мех крыльев Рози почернел, и она упала на пол. Тошнотворный запах заполнил комнату.

– Белден! – закричал Уэст, он прыгнул вперед, отбросил обугленное тело Рози в сторону. Белден лежал на полу, и Уэст отвернулся, его стошнило от этого зрелища.

Некоторое время Уэст пребывал в нерешительности, но затем пришло озарение – вот что он должен сделать!

Настал решающий момент. Он надеялся, что это можно было бы отложить на некоторое время, до того, как он узнал бы немного больше, но инцидент с Белденом и Рози поставил вопрос ребром. Медлить больше нельзя.

Он вышел из комнаты и начал спускаться вниз по винтовой лестнице в гостиную.

Картина была освещена... освещена, как будто изнутри. Словно источник света находился внутри самой картины, словно некое другое солнце сияло над ландшафтом, который был изображен на холсте. Картина была освещена, но остальную часть комнаты скрывала темнота, и свет не проникал в нее с картины, а оставался там, словно заключенный в холсте.

Кто-то быстро проскользнул между ног Уэста и устремился вниз по лестнице. Существо взвизгнуло, и его когти застучали по ступенькам.

Когда Уэст достиг подножия лестницы, из темноты послышался голос:

– Вы что-то ищете, господин Уэст?

– Да, Картрайт, – сказал Уэст. – Я ищу вас.

– Вы не должны быть чересчур обеспокоены тем, что сделала Роза, – продолжал Картрайт. – Не расстраивайтесь по этому поводу. Это должно было случиться с Белденом рано или поздно. Он едва ли был одним из нас, точнее говоря, никогда не был таким, как мы. Он притворялся, что заодно с нами, потому что это было для него единственным выходом, чтобы спасти свою жизнь. Но если подумать, жизнь – такая незначительная вещь. Разве вы так не считаете, господин Уэст?

Последний человек

Уэст замер у подножия лестницы. В комнате было слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть, но голос раздавался где-то недалеко от конца стола, находившегося рядом со светящейся картиной.

«Мне, вероятно, придется убить его, – подумал Уэст, – и я должен знать, где он находится. Потому что он должен умереть от первого выстрела, для второго не будет времени».

– У Розы не было разума, – сказал голос в темноте, – то есть не было собственного взгляда на вещи, чтобы высказать свою мысль. Но она была телепатом. Ее мозг собирал мысли и передавал их. И она могла повиноваться простым командам. Очень простым командам. А убийство человека – это так просто, господин Уэст.

Роза стояла здесь, около меня, и мне было известно каждое слово из вашей беседы с Белденом. Я не осуждал вас, Уэст, вы не имели никакого представления о том, что делали. Но я действительно считал виноватым Белдена и послал Розу убить его.

Только одну вещь я имею против вас, Уэст. Вы не должны были убивать Розу. Это было большой ошибкой, Уэст, очень большой ошибкой.

– Это не было ошибкой, – ответил Уэст. – Я сделал это намеренно.

– Ведите себя спокойно, господин Уэст, – сказал Картрайт. – Не делайте ничего, что могло бы заставить меня нажать на спусковой механизм. Потому что я наставил на вас оружие. Вы под прицелом, Уэст, и я никогда не промахиваюсь.

– Я дам вам фору, – сказал Уэст, – потому что могу добраться до вас прежде, чем вы выстрелите.

– Теперь, господин Уэст, – продолжал Картрайт, – давайте не будем нервничать. Несомненно, вы быстро втерлись к нам в доверие. Вы пытались пробиться к нам, и вы почти убедили нас в ваших словах, хотя в конечном счете мы все равно подставили бы вам подножку. И я восхищаюсь вашей силой воли. Может быть, мы сможем разрешить эту ситуацию так, что никто не будет убит.

– Начнем переговоры, – предложил Уэст.

– Это было слишком жестоко, так поступить с Розой, – сказал Картрайт, – и я действительно это вам не могу простить, Уэст, потому что можно было бы использовать Розу во благо. Но, в конце концов, работа начата на других планетах, и у нас все еще есть Стелла. Наши ученики хорошо подготовлены... некоторое время они могут обойтись без инструкций, и, воз-

можно, к тому моменту, когда мы должны будем снова войти с ними в контакт, мы сможем найти другую, которая заменит нашу Розу.

– Хватит ходить вокруг да около, – заявил Уэст. – Говорите прямо, что вы имеете в виду.

– Хорошо, – отозвался Картрайт, – у нас ощущается острая нехватка рабочей силы. Белден мертв, и Дарлинг мертв, и если Робертсон пока еще не мертв, он очень скоро тоже покинет нас. Потому что, после того как он доставил Стеллу на Землю, он пытался сбежать. А этого, конечно, нельзя допустить. Он мог бы рассказать людям о нас, а мы не можем позволить никому сделать это, поскольку мы мертвы, вы же понимаете...

Он засмеялся, и звук смеха покотился сквозь темноту.

– Это был шедевр, Уэст, та трансляция. Я был «последним человеком, оставшимся в живых», и я рассказал им, что случилось. Я сообщил им, что континуум «пространство – время» разорван и вещи стали проникать сквозь него. И я издавал булькающие звуки... Я издавал булькающие звуки непосредственно перед тем, как умер.

– На самом деле вы, конечно, не умерли, – невинным тоном уточнил Уэст.

– Черт возьми, нет. Но они думают, что я умер. И они все еще прокручивают в голове эти крики, размышляя, как я должен был умереть.

«Мерзавец, – подумал Уэст. – Чистой воды мерзавец. Шутник, который высадил человека на необитаемый спутник, чтобы тот умер в одиночестве. Человек, который сжимал в кулаке оружие, когда хвалился тем, что сделал – обманул Землю».

– Понимаете, – продолжал Картрайт. – Я должен был заставить их считать, что это действительно произошло. Сообщение должно было быть настолько ужасающим, что правительство никогда не сделало бы эту информацию доступной общественности, настолько ужасающим, что они закрыли бы планету и запретили бы ее посещение.

– Вы намеревались остаться одни, – произнес Уэст.

– Правильно, Уэст. Мы должны были остаться одни.

– Ну что ж, – сказал Уэст. – Вы почти добились этого. В живых осталось только двое.

– Двое нас, – уточнил Картрайт, – и вы.

– Вы забыли, Картрайт, – заметил Уэст, – что собираетесь убить меня. У вас есть оружие, которое наставлено на меня, и вы готовы нажать на спуск.

– Не обязательно, – отозвался Картрайт. – Мы могли бы заключить сделку.

«Теперь он у меня в руках, – подумал Уэст. – Я точно знаю, где он находится. Я не вижу его, но уверен в его местонахождении. И через минуту наступит развязка. В живых останется кто-то один».

– Вы для нас бесполезны, – сказал Картрайт, – но, возможно, вы понадобятся нам позже. Вы помните Лэнгдона?

– Того, который пропал, – уточнил Уэст.

Картрайт усмехнулся:

– Вот именно, Уэст. Но он не пропал. Мы отдали его. Видите ли, было... хм-хм... некое существо, которое могло использовать его в качестве домашнего животного, так что мы преподнесли ему подарок – Лэнгдона. – Он снова усмехнулся. – Лэнгдону не очень понравилась эта идея, но что нам оставалось делать?

– Картрайт, – ровным тоном произнес Уэст, – я собираюсь стрелять.

– Что... – выкрикнул Картрайт, но остальные слова были заглушены свистом его оружия.

Луч попал в стену над ступенью лестницы – там находилась голова Уэста всего долю секунды назад. Но он присел почти сразу, как начал говорить, и теперь его собственное оружие было крепко сжато у него в кулаке и устремлено вверх. Его большой палец нажал на активатор и затем скользнул вниз.

Кто-то медленно полз по полу с глухим шумом, и в тишине между этими глухими ударами Уэст услышал звук тяжелых вдохов.

– Черт побери, Уэст, – сказал Картрайт. – Черт тебя возьми...

– Это старая уловка, Картрайт, – заметил Уэст. – Занять человека разговором, перед тем как убить его. Усыпить его бдительность, фактически заманив его в засаду.

К пронзительному свисту, сопровождавшему мучительные вздохи, добавились звуки разрывающейся ткани, удары коленей и локтей об пол. Затем наступила тишина.

И мгновение спустя в каком-то дальнем углу раздался писк, какое-то существо пробежало, постукивая лапками, словно крыса. И снова тишина.

Бег крысиных лап все еще был слышен, но был и другой звук, слабый крик, как будто кто-то кричал где-то далеко... где-то за пределами здания, крик доносился откуда-то снаружи...

Уэст лег на пол, прижимая дуло оружия к коврику.

«Снаружи... снаружи... снаружи...» – слова раздавались эхом в его голове.

«Снаружи чего?» – спросил он, но теперь ответ был ему известен. Он знал, где прежде видел изображение существа, которое спало на стуле, и того, другого, которое сидело на столбике балдахина. И ему был знаком звук этого чириканья, и писка, и топота бегущих лап.

«Снаружи... снаружи... снаружи... Конечно – по ту сторону этого мира».

Он поднял голову и посмотрел на картину, и дерево все еще светило изнутри мягким светом, и из картины доносился звук, слабые шлепки, звук бегущих лап.

Уэст снова услышал крик: по дорожке на картине бежал человек, размахивая руками и крича.

Этим человеком был Невин.

Невин был внутри картины, бежал вниз по узкой полоске земли, и его тяжелые ноги поднимали небольшие облака пыли на покрытой мелкой галькой дорожке.

Уэст поднял пистолет, и его рука дрожала так, что ствол закачался вперед-назад и затем описал круг.

– Нервная дрожь. – Уэст произнес эти слова, стуча зубами.

Потому что теперь... теперь он знал ответ.

Он поднял другую руку и обхватил запястье руки, державшей оружие, и ствол замер. Уэст стиснул зубы, чтобы остановить дрожь.

Его большой палец опустился к активатору и нажал на него, и пламя из дула оружия попало на картину и быстро распространялось по ней. Распространялось, пока весь холст не превратился в вихрь голубого блеска, который с ревом и свистом тянулся к нему.

Дерево медленно расплывалось, как будто в глазах помутнело, и вскоре исчезло из поля зрения. Пейзаж потускнел, расслаиваясь, и через колеблющиеся линии можно было различить искаженную фигуру человека, рот которого был открыт в вопле гнева. Но никакого воющего звука не было, раздавалось только урчание оружия.

Картина исчезла в дыму, и теперь пучок лучей пламени, шипя, проникал в пространство, ограниченное стальной рамой, все еще заполненное крошечными пылающими проводами, торчащими из стены позади нее.

Уэст снял палец с активатора, и тишина опустилась на него, опустилась и заполнила комнату... словно проникла из безмолвного космоса, простиравшегося вокруг.

– Картины нет, – сказал Уэст.

Эхо, казалось, разнеслось по всей комнате.

– Картины нет, – ответило эхо, но Уэст знал, что это было не эхо, просто в его голове бесконечно повторялись слова, которые он произнес.

– Картины нет, – повторило эхо, но Уэст был в другом мире, в каком-то другом месте... где-то совсем в другом пространстве. Некий механизм разорвал континуум «пространство –

время» или что бы это ни было... То, что отделяло нашу Вселенную от других, более необычных вселенных.

Не удивительно, что плод на дереве напоминал плод на столе. Не удивительно, что ему казалось, что он слышал шум ветра, шелест листьев.

Уэст встал и подошел к стене позади него. Он нашел выключатель, нажал на него, и лампы в комнате зажглись.

На свету разбитый механизм из другого мира оказался изогнутым обломком. Тело Картрайта лежало в центре комнаты. Чирикающее существо пробежало по полу и быстро нырнуло в темноту под столом. Усмехающееся лицо уставилось из-за стула на Уэста хладнокровно-свирепым взглядом, а затем пронзительно завизжало.

И в этом не было ничего нового, потому что он уже видел эти лица, их изображения в старых книгах и в журналах, где печатались вселяющие ужас рассказы, истории о существах, прибывших извне, объектах, которые ворвались из параллельной реальности.

Рассказы, которые были нужны только для того, чтобы отправить дрожащего от страха ребенка в кровать. Истории, которые просто не следовало читать в полночь. Истории, которые заставляли немного поволноваться, когда доносился скрип дерева, качавшегося на ветру за окном, или шум дождя, стучавшего по черепице.

Потребовались поразительные способности лучшей группы ученых Солнечной системы, чтобы открыть дверь, которая вела в параллельный мир.

И все же люди в прежние времена тоже говорили о чем-то подобном – о гоблинах, демонах и чертях. Возможно, жители Атлантиды нашли туда путь, так же как Невин и Картрайт, и в тот давно прошедший день выпустили в мир поток существ, которые затем целую вечность существовали как данность в рассказываемых у камина историях, от которых стыла кровь в жилах.

А картинки, которые он видел?

Может быть, это родовая память. Или сверхъестественное видение, которое оказалось правдой. Или то, что наблюдали авторы тех историй, художники, рисовавшие те картинки...

Уэст задрожал от этой мысли.

Что хотел сказать Картрайт?

Работа уже начата на других планетах. Работа по переработке знаний, принципов, психологии инопланетных существ из другого мира. Обучение, управляемое на расстоянии... принудительное обучение. Стелла, обладающая телепатическими способностями, поющая на Земле, любимица телеканалов. И она была агентом этих существ, она пропускала через себя знания, а человек полагал, что эти мысли его собственные.

Конечно, все было именно так. Так планировали Невин и Картрайт. Переделаем мир, решили они. И, выжидая здесь, на Плутоне, они дергали бы за ниточки, которые переделали бы мир.

Суеверие – когда-то. Теперь – голые факты. Истории, от которых прежде холодела кровь в жилах. А сейчас...

Когда источник иссяк, а экран опустел и группа ученых исчезла на Плутоне, а культы были забыты... Стелла продолжала бы петь, но настало бы время, и слушатели отвернулись бы от нее, так как ее новизна постепенно прошла, а необычность и «инопланетность» потеряли былую притягательность.

Солнечная система продолжала бы существовать, но демонические существа стали бы не более чем вызывающими дрожь картинками из тех времен, когда люди тихо сидели в пещерах и видели сверхъестественную угрозу в каждой движущейся тени.

Снова зазвучал противный писк.

Из темного угла существо скалилось на Уэста и пронзительно пищало – это была песнь ненависти.

«Ну что ж, – подумал Уэст. – Он был здесь, в самом отдаленном конце Солнечной системы, в пустом доме. И это выглядело, в конце концов, именно так, как он предполагал. Никого вокруг. Склад, полный продовольствия. Отвечающее всем требованиям убежище. Мастерская, где он мог работать. Место, охраняемое патрулем от неожиданных посетителей.

Просто место для человека, который мог бы здесь скрываться. Место для беглеца от человеческой расы.

Необходимо было кое-что сделать... позже. Два тела должны быть похоронены. Экран нужно выбросить в груды металлолома. Несколько чирикающих тварей должны быть выслежены и убиты.

Затем он сможет поселиться здесь».

Конечно, еще имелись роботы. Один из них принес обед.

– Позже, – сказал он.

Но было что-то еще, что нужно было сделать... что-то, требующее немедленных действий... вот только, если бы только он смог вспомнить.

Уэст стоял и осматривал комнату, мысленно перечисляя все ее содержимое: стулья, портьеры, пульт управления, стол, искусственный камин...

Точно, камин.

Он пересек комнату и встал напротив камина, затем снял бутылку с каминной полки, бутылку с черным шелковым бантом, обвязанным вокруг горлышка. Бутылка для общества последнего человека.

И он был последним человеком, в этом не было никаких сомнений. Самым последним из всех.

Конечно, он не был участником договора, но он выполнит условие. Несомненно, это была своего рода мелодрама, но... «Бывает время, – сказал он себе, – когда маленькая мелодрама может быть прощательна».

Он откупорил бутылку и повернулся, чтобы стать лицом к комнате. Он поднял бутылку, приветствуя... приветствуя место, где раньше была картина, почерневшую рамку от нее, мертвеца на полу, существо, которое издавало странные звуки в темном дальнем углу.

Он пытался придумать, что сказать, но не мог. А должны были быть какие-то слова, которые следовало произнести, просто не могло быть по-другому.

– Ваше здоровье, – сказал он, и это не было достаточно удачной фразой, но что-то нужно было сказать.

Он приложил бутылку к губам, поднял ее и наклонил голову назад.

Давясь, он оторвал бутылку от губ.

Это не было виски, и это оказалась ужасная дрянь. Желчь, уксус и хинин – все вместе. Настоящее варево прямо из помойной ямы, смесь всех противных лекарств, которые он выпил ребенком, это были сера и патока, это было касторовое масло, это было...

– Боже мой... – сказал Фредерик Уэст.

Внезапно он вспомнил местоположение ножа, который он потерял двадцать лет назад. Он видел, где оставил его, так же ясно, как день.

Он знал уравнение, о котором прежде не имел представления, и более того, он знал, для чего оно было выведено и как его можно использовать.

Непроизвольно он представил, как работает двигатель ракеты... каждая деталь, каждая часть, каждый механизм управления, словно схема была развернута перед его глазами.

Он мог схватывать и удерживать своим внутренним зрением семь отдельных уровней видения, хотя четыре уровня – это самое большее, что прежде мог ментально видеть человек.

Со свистом выдохнув воздух изо рта, он пристально посмотрел на бутылку.

Уэст был способен пересказать, слово в слово, первую страницу книги, которую он читал десять лет назад.

– Гормоны, – прошептал он. – Гормоны Дарлинга!

Гормоны, которые сделали что-то с его мозгом. Ускорили его процессы, заставили его работать лучше и интенсивнее, чем когда-либо прежде. Сделали так, что он думает теперь яснее и четче.

– О господи... – произнес он.

Хороший рывок для начала. И теперь...

«Человек, который обладал этими гормонами, мог управлять Солнечной системой» – именно так сказал Белден.

Белден искал их, разворотив и перевернув все, и Дарлинг тоже занимался поисками. Дарлинг, который, между прочим, считал, что гормоны у него. Он полагал, что разыграл шутку с Невинном и Картрайтом, и допился до смерти, пытаясь найти бутылку, в которой они находились.

И все эти годы гормоны были в этой бутылке на каминной полке!

Кто-то еще сыграл шутку с ними всеми. Возможно, Лэнгдон. Тот, кого отдали в качестве домашнего животного к существу, настолько чудовищному, что даже Картрайт не стал называть его.

Дрожащей рукой Уэст поставил бутылку обратно на каминную полку, положил около нее пробку. Он на какое-то время задержался там, сжимая руками полку и устремляясь глазами к смотровой щели около камина. Он пристально вглядывался в долину, где темный цилиндр был устремлен вверх, как будто старался оторваться от скалистой планеты и направиться к звездам.

«Альфа Центавра» – корабль с космическим двигателем, который не смог заработать. Что-то не так... что-то не так...

Рыдание сдавило горло Уэста, и он с силой вцепился в каминную полку – так, что даже почувствовал боль.

Он знал, в чем была ошибка!

Он изучил проекты двигателя на Земле.

И теперь проекты были снова перед его глазами, он помнил их – каждую линию, каждый символ, как будто они были выгравированы в его мозгу.

Он видел, в чем проблема: нужно лишь сделать простую корректировку, после чего двигатель наверняка заработает. Десять минут... ему требуется только десять минут. Так просто. Так просто. Настолько просто, что было трудно поверить в то, что неисправность не была найдена прежде и все великие умы, которые работали над этим двигателем, не смогли ее заметить.

Была мечта – вещь, о которой он не смел говорить вслух и даже про себя. Вещь, о которой он не смел даже думать.

Уэст выпрямился и снова оглядел комнату. Он взял бутылку и во второй раз поднял ее в знак приветствия. Но на сей раз у него имелся тост для умерших людей и существа, которое скулило в углу.

– За звезды! – произнес он.

И он пил и пил – без остановки.

Все ловушки Земли

Перевод С. Васильевой

Инвентарная опись была очень длинной. Своим убористым четким почерком он исписал много страниц, перечислив мебель, картины, фарфор, столовое серебро и прочие предметы обстановки – все движимое имущество, накопленное Баррингтонами за долгий период семейной истории.

И теперь, заканчивая опись, последним пунктом он внес в нее самого себя:

Один домашний робот Ричард Дэниел, устаревший, но в хорошем состоянии.

Отложив в сторону перо, он собрал все страницы описи в аккуратную стопку и положил на нее сверху пресс-папье – маленькое, тончайшей резьбы пресс-папье из слоновой кости, которое тетя Гортензия привезла из своего последнего путешествия в Пекин.

На этом его работа закончилась.

Отодвинув стул, он встал из-за письменного стола и неторопливо прошелся по гостиной. В этой комнате было собрано множество самых разнообразных реликвий из семейного прошлого. Здесь над каминной полкой висел меч, который когда-то, давным-давно, носил Джонатон во время войны между штатами, а под ним, на самой полке, стоял кубок, который завоевал Коммодор на своей прославленной яхте, и банка с лунной пылью, которую привез Тони, вернувшись после пятой высадки человека на Луну, и старый хронометр с давно уже выброшенного на свалку семейного космического корабля, совершавшего в свое время рейсы на астероиды.

И на всех стенах почти вплотную друг к другу висели фамильные портреты, и мертвые взирали с них на мир, который они помогали создавать.

И Ричард Дэниел подумал, что среди тех, кто жил в последние шестьсот лет, не было ни одного, кого бы он не знал лично.

Вот справа от камина висит портрет старого Руфуса Эндрью Баррингтона – судьи, который жил лет двести назад. А по правую руку от Руфуса находится Джонсон Джозеф Баррингтон, возглавлявший Бюро паранормальных исследований, на которое человечество некогда возлагало огромные надежды, ныне утраченные. У двери же, которая ведет на веранду, смутно виднеется хмурое пиратское лицо Дэнли Баррингтона, положившего начало семейному благополучию.

И многие, многие другие – администратор, искатель приключений, глава корпорации. Все добрые и честные люди.

Но все пришло к концу. Семья иссякла.

Медленным шагом Ричард Дэниел начал свой последний обход дома – гостиная, тесно заставленная мебелью, небольшой рабочий кабинет со старинными сувенирами, библиотека с рядами древних книг, столовая, в которой сверкал хрусталь и мягко светился фарфор, кухня, блестящая медью, алюминием и нержавеющей сталью, и спальни на втором этаже, каждая из которых хранила отпечаток личности своих прежних хозяев. И наконец, спальня, где скончалась тетя Гортензия, со смертью которой перестало существовать семейство Баррингтонов.

В опустевшем жилье не ощущалось заброшенности – дом словно ждал, что вот-вот в него возвратится былое оживление. Но впечатление это было обманчивым. Все портреты, весь фарфор и серебро, все, что находилось в его стенах, будет продано с аукциона, чтобы покрыть долги. Комнаты будут опустошены и ободраны, вещи разбредутся по белу свету, и последним оскорблением будет продажа самого дома.

Та же судьба ждала и его самого, подумал Ричард Дэниел, ибо он тоже был движимой собственностью. Был частью всего этого имущества, последним пунктом инвентарной описи.

Однако ему они уготовили нечто похуже простой продажи. Потому что прежде, чем пустить с молотка, его должны будут переделать. Ведь никто не захочет дать за него, такого, какой он сейчас есть, приличную сумму. И кроме того, еще существовал закон – закон, который гласил, что ни один робот не имел права жить одной жизнью более ста лет. А он без единой переделки прожил в шесть раз больше.

Он посетил адвоката, и адвокат посочувствовал ему, но не подал никакой надежды.

– Если исходить из закона, – сказал он Ричарду Дэниелу своей отрывистой адвокатской скороговоркой, – в настоящий момент вы являетесь злостным правонарушителем. Просто ума не приложу, как вашим хозяевам удалось выйти сухими из воды.

– Они очень любили старинные вещи, – проговорил Ричард Дэниел. – А потом, ведь меня видели очень редко. Почти все время я проводил в доме. Я нечасто отваживался выходить на улицу.

– Но существуют же официальные документы, – возразил адвокат. – Вы непременно должны быть зарегистрированы.

– У этой семьи, – пояснил Ричард Дэниел, – когда-то было много влиятельных друзей. Вам должно быть известно, что до того, как для них наступили трудные времена, Баррингтоны были весьма выдающимися фигурами в политике и многих других областях.

Адвокат понимающе хмыкнул.

– Мне все-таки не совсем ясно, – произнес он, – почему вы так противитесь этому. Ведь вас не изменят полностью. Вы останетесь все тем же Ричардом Дэниелом.

– А разве я не утрачу все свои воспоминания?

– Разумеется. Но воспоминания не так уж важны. И вы накопите новые.

– Мне дороги мои воспоминания, – сказал ему Ричард Дэниел. – Это все, что у меня есть. Это единственная истинная ценность, которую оставили мне минувшие шестьсот лет. Вы можете себе представить, господин адвокат, что значит прожить шесть веков с одной семьей?

– Думаю, что могу, – промолвил адвокат. – А что, если теперь, когда семьи уже больше нет, эти воспоминания заставят вас страдать?

– Они утешают меня. Утешают и поддерживают. Благодаря им я проникаюсь чувством собственной значимости. Они вселяют в меня надежду на будущее и дают убежище.

– Неужели вы ничего не понимаете? Ведь как только вас переделают, вам уже не понадобится никакого утешения, никакого чувства собственной значимости. Вы станете новеньким с иголки. У вас в основных чертах останется только сознание собственной личности – этого они не могут вас лишить, даже если захотят. Вам не о чем будет сожалеть. Вас не будет преследовать чувство неискупленной вины, не будут терзать неудовлетворенные желания, беречь душу старые привязанности.

– Я должен остаться самим собой, – упрямо заявил Ричард Дэниел. – Я познал смысл жизни и то, в каких условиях моя собственная жизнь имеет какое-то значение. Я не могу смириться с необходимостью стать кем-то другим.

– Вам жилось бы гораздо лучше, – устало сказал адвокат. – Вы получили бы лучшее тело. Лучший мыслящий аппарат. Вы стали бы умнее.

Ричард Дэниел поднялся со стула. Он понял, что без толку теряет время.

– Вы не донесете на меня? – спросил он.

– Ни в коем случае, – ответил адвокат. – Что касается меня, то вас здесь нет и не было.

– Благодарю вас, – произнес Ричард Дэниел. – Сколько я вам должен?

– Ни гроша, – ответил ему адвокат. – Я не беру гонорар с клиентов, которым перевалило за пятьсот.

Последнее, конечно, было сказано в шутку, но Ричард Дэниел не улыбнулся. Ему было не до улыбок. У двери он обернулся.

«Для чего, – хотел было он спросить, – для чего нужен такой нелепый закон?»

Но ему незачем было спрашивать – не так уж трудно было догадаться.

Он знал, что всему причиной было человеческое тщеславие. Человек мог прожить немногим больше ста лет, и поэтому такой же срок жизни был установлен для роботов. Но, с другой стороны, робот был слишком дорог, чтобы после ста лет службы его просто-напросто списать в утиль, и был издан закон, по которому нить жизни каждого робота периодически прерывалась. И таким образом человек был избавлен от унижительного сознания, что его верный слуга может пережить его на несколько тысяч лет.

Это было нелогично, но люди всегда были нелогичны.

Нелогичны, но добры. Добры во многом и по-разному.

Иногда они были добры, как Баррингтоны, подумал Ричард Дэниел. Шестьсот лет неиссякаемой доброты. Это была достойная тема для размышлений. Они даже дали ему двойное имя. В нынешние времена мало кто из роботов имел двойное имя. Это было знаком особой любви и уважения.

После неудачного визита к адвокату Ричард Дэниел стал искать другой источник помощи. Теперь, стоя в спальне, где умерла Гортензия Баррингтон, и вспоминая об этом, он пожалел, что так поступил. Потому что он поставил священника в невыносимо трудное положение. Адвокату ничего не стоило сказать ему, на что он может рассчитывать. В распоряжении адвокатов были законы, которые почти избавляли их от мучительной необходимости принимать собственные решения.

Но лицу духовного звания свойственна доброта, если оно, конечно, по праву занимает свое место. И тот, к кому он обратился, был добр не только профессионально, но и по натуре, и от этого было еще хуже.

– При определенных условиях, – с какой-то неловкостью сказал ему священник, – я посоветовал бы терпение, смирение и молитвы. Это великое тройное подспорье для каждого, кто пожелает этим воспользоваться. Но я не уверен, что вам нужно именно это.

– Вы сомневаетесь, – сказал Ричард Дэниел, – потому что я робот.

– Видите ли... – промямлил священник, сраженный столь прямым заявлением.

– Потому что у меня нет души?

– Право же, – жалобно сказал священник, – вы ставите меня в неудобное положение. Вы задаете мне вопрос, над решением которого на протяжении столетий бились лучшие умы Церкви.

– Но этот вопрос, – заявил Ричард Дэниел, – должен решить для себя каждый человек.

– Если бы я только мог! – в смятении воскликнул священник. – Как бы я хотел решить его!

– Если это поможет вам, – произнес Ричард Дэниел, – могу признаться: иногда я подозреваю, что у меня есть душа.

Он тут же ясно увидел, что его последние слова вконец расстроили этого доброго человека. С его стороны было жестоко произносить их, упрекнул себя Ричард Дэниел. Они не могли не смутить священника, ведь в его устах это высказывание уже не было простым умозаключением, а свидетельством специалиста.

И, покинув кабинет священника, он вернулся домой, чтобы продолжить опись имущества.

Теперь с описью было покончено, и бумаги стопкой сложены там, где Дэнкурт, агент по продаже движимого и недвижимого имущества, сможет найти их, когда явится сюда завтра утром, и для Ричарда Дэниела, выполнившего свой последний долг перед семейством Баррингтонов, наступила пора заняться самим собой.

Он вышел из спальни, закрыл за собой дверь, не спеша спустился по лестнице и направился по коридору в маленькую каморку за кухней, которая была отдана в его полное распоряжение.

И это, в приливе гордости напомнил он себе, гармонично сочеталось с его двойным именем и его шестьюстами годами. Не так уж много роботов имели комнаты, пусть даже маленькие, которые они могли бы назвать своими.

Он вошел в каморку, зажег свет и закрыл за собой дверь.

И впервые взглянул в лицо трудностям задуманного им шага.

Плащ, шляпа и брюки висели на крючке, а под ними на полу были аккуратно поставлены галоши. Сумка с инструментами лежала в углу каморки, деньги были спрятаны под одной из досок пола, где он много лет назад устроил тайник.

Дальше тянуть бессмысленно, сказал он себе. На счету была каждая минута. Путь предстоял долгий, а ему необходимо быть на месте до рассвета.

Он опустился на колени, приподнял едва державшуюся на паре гвоздей доску, засунул под нее руку и вытащил несколько пачек банкнотов, деньги, которые он много лет хранил на черный день.

Там было три пачки банкнотов, аккуратно перетянутых эластичными лентами, – накопленные за долгие годы чаевые, денежные подарки к Рождеству и дню рождения, вознаграждения за кое-какие работы, с которыми он особенно хорошо справился. Он открыл на своей груди дверцу и положил в специальное отделение все деньги, за исключением нескольких бумажек, которые он засунул в набедренный карман.

Сняв с крючка брюки, он принялся надевать их. Нелегкое это было дело, ведь до сих пор он никогда не носил никакой одежды, если не считать того, что несколько дней назад он примерял эти самые брюки. Ему повезло, подумал он, что давно умерший дядя Майкл был дородным мужчиной, иначе брюки ни за что бы ему не подошли.

Надев брюки, он застегнул молнию и затянул штаны на талии поясом, потом втиснул ноги в галоши. Эти галоши внушали ему некоторое беспокойство. Ведь летом ни один человек не выходит на улицу в галошах. Но он ничего не мог придумать получше. Ни одна пара найденной им в доме обычной обуви даже приблизительно не подходила ему по размеру.

Он надеялся, что никто этого не заметит, у него ведь не было другого выхода. Так или иначе он должен был закрыть свои ступни, потому что, обрати на них кто-нибудь внимание, они сразу же выдадут его с головой.

Он надел плащ, и плащ оказался для него слишком короток, он надел шляпу, и она оказалась тесноватой, но он все-таки натянул ее поглубже, и она плотно села на его металлический череп, и он сказал себе, что это только к лучшему: теперь ее не сорвет даже самый сильный ветер.

Он захватил полную сумку своих запасных частей и инструментов, которыми он почти никогда не пользовался. Быть может, глупо было брать их с собой, но все это как бы составляло с ним единое целое и по праву должно было последовать за ним. У него было так мало собственных вещей – только деньги, которые он скопил по доллару, да эта его сумка.

Зажав под мышкой сумку, он прикрыл дверь каморки и направился по коридору к выходу.

У массивной парадной двери он в нерешительности остановился и, обернувшись, бросил взгляд вглубь дома, но увидел лишь темную пустую пещеру, из которой исчезло все, что некогда наполняло ее жизнью. Здесь не осталось ничего, что могло бы удержать его, ничего, кроме воспоминаний, а воспоминания он уносил с собой.

Он вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

И теперь, подумал он, как только за ним закрылась дверь дома, вся ответственность за его будущие поступки легла на его собственные плечи. На нем было надето платье. Он ночью вышел на улицу без разрешения хозяина. И все это было нарушением закона.

Его мог остановить любой полицейский, даже просто первый встречный. У него не было абсолютно никаких прав. И сейчас, когда не осталось никого из Баррингтонов, за него некому было замолвить слово.

Он спокойно прошествовал по дорожке, открыл ворота и медленно пошел по улице, и ему почудилось, будто дом зовет его и просит вернуться. Его потянуло назад, его сознание твердило, что он должен вернуться, но ноги его упрямо продолжали шагать вперед.

Он одинок, подумал он, и теперь одиночество из мысленной абстракции, которая много дней владела его сознанием, превратилось в действительность. Вот он идет по улице – громоздкое неприкаянное создание, которому в эту минуту не для чего жить, нечего начинать и нечего кончать, некое безликое, незащитное существо, затерянное в бесконечности пространства и времени.

Но он все шел и шел, и с каждым остававшимся позади кварталом он медленно, точно ощупью, возвращался к своему «я», вновь становился старым роботом в старой одежде, роботом, бегущим из дома, который уже более не был домом.

Он поглубже запахнул на себе плащ и устремился дальше по улице, и сейчас он шел быстро, потому что уже пора было поспешить.

Ему встретились несколько человек, но они не обратили на него внимания. Мимо проезжали машины, но его никто не побеспокоил.

Он вышел к ярко освещенному торговому центру и остановился, с ужасом вглядываясь в это залитое светом открытое пространство. Он мог обойти его стороной, но на это ушло бы много времени, и он стоял в нерешительности, собираясь с духом, чтобы выйти из мрака.

Наконец он решился и, еще плотнее запахнув плащ и низко надвинув на лоб шляпу, быстрым шагом двинулся вперед.

Кое-кто из покупателей обернулся и посмотрел в его сторону, и он почувствовал, как по спине забегали мурашки. Внезапно галоши показали ему в три раза больше, чем они были на самом деле, и – что его особенно стесняло – при ходьбе они громко и неприятно чавкали.

Он спешил, до конца торговой части улицы оставалось не более квартала.

Раздался пронзительный полицейский свисток, и Ричард Дэниел, подскочив от неожиданности, в панике бросился бежать. Он бежал без оглядки, подгоняемый унижительным, бессмысленным страхом, в развевающимся за спиной плаще, звучно шлепая галошами по тротуару.

Вырвавшись из освещенной полосы, он нырнул в благодатную тьму жилого квартала и побежал дальше.

Где-то вдалеке завывла сирена, и он, перемахнув через забор, помчался по чьему-то двору. Он прогрохотал по дорожке, по садику, находившемуся позади дома. Откуда-то с визгливым лаем выскочила собака и включилась в общий гвалт погони.

Ричард Дэниел с размаху ударился об изгородь и, пробив ее, прошел насквозь под трескучий аккомпанемент ломающихся прутьев и перекладин. Собака не отставала, и к ней теперь присоединились другие.

Он пересек еще один двор, выбежал из ворот и тяжело затопал по улице. Завернул в другие ворота, пробежал новый двор, опрокинул таз с водой и, наткнувшись на бельевую веревку, разорвал ее в своем безудержном беге.

За его спиной в окнах домов начали вспыхивать огни и захлопали входные двери, выпуская на улицу людей, которым не терпелось узнать, из-за чего весь этот шум и гам.

Он пробежал еще несколько кварталов, ворвался в еще один двор и, забившись в куст сирени, замер и прислушался. Издалека еще доносились редкий собачий лай и крики, но сирены уже не было слышно.

Он преисполнился благодарностью за то, что больше не слышит сирены, благодарностью и стыдом. Ибо он знал, что причиной его панического бегства был он сам; он бежал от призраков, бежал от вины.

Но он поднял на ноги всю округу и был уверен, что и сейчас еще раздаются тревожные телефонные звонки и очень скоро это место наводнят полицейские.

Он потревожил осиное гнездо, и ему необходимо было убраться отсюда подальше. Поэтому он потихоньку вылез из куста сирени и быстро пошел по улице по направлению к окраине.

Наконец он выбрался из города, отыскал шоссе и заковылял по его терявшейся вдали пустынной полосе. Когда появлялись легковая машина или грузовик, он сходил с дороги и степенно шествовал по обочине. Когда же машина или грузовик благополучно проезжали мимо, он снова переходил на свою неуклюжую рысь.

За много миль он увидел огни космопорта. Добравшись наконец туда, он оставил шоссе, подошел к ограде и, стоя в темноте, стал смотреть, что делается по ту сторону.

Группа роботов занималась погрузкой большого звездолета, и там были еще и другие космические корабли, темными массами вздымавшиеся из своих шахт.

Он внимательно разглядывал роботов, тащивших тюки со склада через ярко освещенную прожекторами площадку. Это была именно та ситуация, на которую он рассчитывал, хоть и не надеялся, что она так быстро подвернется, – он боялся, что ему придется день-два скрываться, пока не представится такой удобный случай. И хорошо, что он сразу же наткнулся на такие благоприятные обстоятельства, ведь сейчас уже вовсю идет охота на беглого робота в человеческом платье.

Он сбросил плащ, снял брюки и галоши, отшвырнул в сторону шляпу. Из сумки с инструментами он вынул резак, отвинтил кисть руки и вставил резак на ее место. Прорезал в ограде дыру, протиснулся через нее, приделал кисть обратно и положил резак в сумку.

Осторожно ступая в темноте, он подошел к складу, все время держась в его тени.

Все очень просто, сказал он себе. Нужно только выйти на свет, схватить какой-нибудь тюк или ящик, втащить его вверх по трапу и спуститься в трюм. Как только он окажется внутри корабля, ему нетрудно будет отыскать укромное местечко, где он сможет скрываться до посадки на первую планету.

Он пододвинулся к углу склада, потихоньку выглянул и увидел трудившихся роботов, непрерывной цепью поднимавшихся с тюками груза по трапу и спускавшихся вниз за новой поклажей.

Но их было слишком много, и шли они почти в затылок друг другу. А площадка была слишком ярко освещена. Он никогда не сумеет влиться в этот поток.

И все равно это ничего бы ему не дало, в отчаянии подумал он, ведь между ним и этими гладкими, лоснящимися существами была огромная разница. Он напоминал человека в костюме другой эпохи; со своим шестисотлетним телом он выглядел бы цирковым уродцем рядом с ними.

Он шагнул назад в тень склада, уже зная, что проиграл. Все его самые дерзкие, тщательно разработанные планы, которые он продумал до мельчайших подробностей, пока трудился над инвентаризацией, лопнули как мыльный пузырь.

И все потому, подумал он, что он почти никогда не выходил из дома, был лишен настоящего контакта с внешним миром, не следил за изменениями, которые вносились в тела роботов, отстал от моды. В своем воображении он рисовал себе, как это произойдет, и вроде бы все учел, а когда пришла пора действовать, все обернулось иначе.

Теперь ему нужно подобрать выброшенную им одежду и поскорее найти какое-нибудь убежище, где он может собраться с мыслями и придумать что-нибудь еще.

За складом раздался неприятный резкий скрежет металла, и он снова выглянул за угол.

Цепь роботов распалась, они стекались к зданию склада, а оставшиеся откатывали трап от грузового люка.

К кораблю, направляясь к лесенке, шли три человека в униформе, и у одного из них в руке была пачка бумаг.

Погрузка была закончена, корабль должен был с минуты на минуту подняться, а он был здесь, в какой-нибудь тысяче футов, и единственное, что ему оставалось, – это стоять и смотреть, как он улетит.

И все-таки непременно должен быть какой-то способ пробраться внутрь, сказал он себе. Если бы он только сумел это сделать, все его невзгоды остались бы позади – по крайней мере, самая большая из грозивших ему неприятностей.

Мысль, внезапно вспыхнувшая в его мозгу, ошеломила его, словно пощечина. Был выход из этого положения! Он тут бездельничает, распуская нюни, а между тем все это время у него под носом была возможность осуществить свой план!

Внутри корабля, думал он раньше. А ведь в этом не было никакой необходимости. Ему вовсе не обязательно находиться внутри корабля!

Он бросился бежать назад, в темноту, чтобы, сделав круг, приблизиться к звездолету с другой стороны, не освещенной прожекторами склада. Он надеялся успеть вовремя.

Он с грохотом промчался по космопорту и, подбежав к кораблю, увидел, что, судя по всему, тот еще пока не собирался взлетать.

Как безумный, он начал рыться в своей сумке и наконец нашел то, что искал, – ему раньше и в голову не приходило, что из всего ее содержимого ему когда-нибудь понадобится именно это. Он вытащил круглые присоски и укрепил их на своем теле: по одной на каждом колене, по одной на каждом локте, по одной на каждой подошве и кисти рук.

Он привязал сумку к поясу и полез вверх по огромному стабилизатору, неловко подтягиваясь с помощью присосок. Это было довольно трудно. Ему никогда не приходилось пользоваться присосками, а для этого требовалась определенная сноровка: чтобы с их помощью взобраться повыше, нужно было с силой прижимать одну из них к поверхности стабилизатора и только после этого отцеплять другую.

Но он должен был все это проделать. Другого выхода у него не было.

Он взобрался на стабилизатор, и теперь над ним возвышалось огромное стальное тело звездолета, подобное устремившейся к небу металлической стене, гладкая поверхность которой была рассечена узкой полосой якорных мачт. Перед его глазами мерцала в вышине громада металла, отражавшая слабый, изменчивый свет звезд.

Фут за футом поднимался он по металлической стене. Горбатясь и извиваясь, как гусеница, он полз наверх, испытывая благодарность за каждый завоеванный фут.

Вдруг он услышал приглушенный, постепенно нарастающий грохот, и вместе с грохотом пришел ужас. Он знал, что присоски недолго смогут противостоять вибрации пробуждающихся реактивных двигателей и не выдержат ни секунды, когда корабль начнет подниматься.

Шестью футами выше находилась его единственная надежда – последняя, самая верхняя якорная мачта.

Потеряв голову, он судорожно стал карабкаться по содрогавшемуся цилиндрическому корпусу корабля, отчаянно цепляясь за его стальную поверхность, точно муха.

Гром двигателей нарастал, вытесняя весь остальной мир, а он все лез вверх в каком-то тумане едва теплившейся, почти мистической надежды. Если он не доберется до этой якорной мачты, то может считать себя погибшим. Упав он в шахту, заполненную раскаленными газами, с ним будет покончено.

Одна из присосок отскочила, и он чуть было не полетел вниз, но другие не подвели, и он удержался.

Забыв об осторожности, он отчаянным броском взметнулся вверх по металлической стене, поймал кончиками пальцев перекладину и, собрав все свои силы, ухитрился уцепиться за нее.

Сейчас грохот уже перешел в яростный пронзительный визг, раздиравший тело и мозг. Немного погодя визг оборвался, уступив место мощному гортанному рычанию, и корабль перестал вибрировать. Уголкем глаза он увидел, как покачнулись и поплыли огни космопорта.

Медленно и очень осторожно он стал подтягиваться вдоль стального блока корабля, пока ему не удалось покрепче ухватиться за перекладину, но даже это не избавило его от ощущения, будто чья-то гигантская рука, зажав его в кулаке, яростно размахивает им, описывая стомильную дугу.

Потом рев двигателей смолк, наступила мертвая тишина, и со всех сторон его обступили стальные немигающие звезды. Он знал, что где-то внизу под ним покачивалась Земля, но видеть ее он не мог.

Подтянув свое тело к перекладине, он забросил за нее ногу и, выпрямившись, уселся на корпус корабля.

Никогда ему не приходилось видеть столько звезд, ему и не снилось, что их может быть такое множество. Они были неподвижные и холодные, словно застывшие светящиеся точки на бархатном занавесе; они не мигали, не мерцали, и казалось, будто на него уставились миллионы глаз. Солнце находилось внизу, немного в стороне от корабля, и слева, по самому краю цилиндра, блестел под его лучами безмолвный металл, очерчивая серебристой каймой отраженного света один бок корабля. Земля была далеко за кормой – висевший в пустоте призрачный зеленовато-голубой шар в клубящемся ореоле атмосферы.

Предоставленный самому себе, Ричард Дэниел сидел на металлическом корпусе набиравшего скорость звездолета, и все его существо преисполнилось ощущением таинственности, неизъяснимого наслаждения, ощущением одиночества и заброшенности, и его сознание, защищаясь от этого, сжалось в маленький, полный смятения плотный шарик.

Он смотрел. Больше ему нечем было занять себя. Теперь уже все в порядке, подумал он. Но как долго придется ему смотреть на это? Сколько времени должен он провести здесь, в открытом пространстве, – самом смертоносном из всех пространств?

Только сейчас до него дошло, что он не имел ни малейшего представления о том, куда направляется корабль и сколько времени продлится полет. Он знал, что это был звездолет, а это означало, что корабль держит путь за пределы Солнечной системы, это означало, что в какой-то момент полета он войдет в гиперпространство. Вначале с чисто академическим интересом, а потом уже с некоторым страхом он принялся размышлять над тем, как может повлиять гиперпространство на ничем не защищенный объект. Впрочем, сейчас еще рано об этом беспокоиться, философски рассудил он, придет время, когда это выяснится само собой, ведь все равно он не в силах что-либо предпринять.

Он снял со своего тела присоски, положил их в сумку, потом одной рукой привязал сумку к металлической перекладине и, порывшись в ней, достал короткий кусок стального троса с кольцом на одном его конце и карабином на другом. Он перебросил конец с кольцом через перекладину, протянул другой конец с карабином сквозь кольцо и, обвив себя тросом, защелкнул карабин под мышкой. Теперь он был в безопасности; он уже мог не бояться, что, сделав неосторожное движение, оторвется от корабля и уплывет в пространство.

Вот он и устроился не хуже других, подумал Ричард Дэниел: мчится с огромной скоростью, и что с того, что даже не знает куда, – нужно только запастись терпением. Он вдруг почему-то вспомнил, что сказал ему на Земле священник. «Терпение, смирение и молитвы», – сказал тот, видимо упустив из виду, что терпение робота неиссякаемо.

Ричард Дэниел знал, что пройдет много времени, пока он прибудет на место. Но времени у него было предостаточно, намного больше, чем у любого человеческого существа, и он вполне мог истратить некоторую его часть впустую. Он прикинул, что у него не было никаких потребностей – он не нуждался ни в пище, ни в воздухе, ни в воде, он не нуждался в сне и отдыхе. Ему ничто не могло повредить.

Однако, если вдуматься, не исключено, что все-таки возникнут кое-какие неприятности.

Во-первых, холод. Поверхность звездолета была пока еще очень теплой благодаря нагретому солнцем боку, откуда тепло по металлической обшивке распространялось на теневую часть корпуса, но наступит момент, когда солнце настолько уменьшится в размере, что перестанет греть, и он будет обречен на лютей космический холод.

А как подействует на него холод? Не станет ли его тело хрупким? Не повлияет ли он на функции его мозга? А может, он сотворит с ним что-то такое, о чем он даже и не догадывается?

Он почувствовал, что к нему вновь подползает страх, попытался оттолкнуть его, и страх подобрал свои щупальца, но не ушел совсем, затаившись на самой границе сознания.

Холод и одиночество, подумал он. Но ведь он в силах совладать с одиночеством. А если он не сумеет с ним справиться, если одиночество окажется невыносимым, если ему станет невтерпеж, он забарабанит по корпусу корабля, и тогда наверняка кто-нибудь выйдет посмотреть, в чем дело, и вытащит его внутрь.

Но на это его может толкнуть только безысходное отчаяние, сказал он себе. Ведь если они выйдут из корабля и обнаружат его, он пропал. Стоит ему прибегнуть к этой крайней мере, и он лишится всего – его побег с Земли потеряет всякий смысл.

Поэтому он расположился поудобнее и стал терпеливо ждать, пока истечет положенное время, не давая притаившемуся страху переползти через порог сознания и во все глаза разглядывая раскинувшуюся перед ним Вселенную.

Вновь заработали моторы, на корме бледно-голубым светом замерцали реактивные двигатели, и, даже не ощущая ускорения, он понял, что корабль начал свой долгий трудный разгон к скорости света.

Достигнув этой скорости, они войдут в гиперпространство. Он заставлял себя не думать об этом, пытался внушить себе, что ему нечего бояться, но он не желал исчезать, этот величественный призрак неведомого.

Солнце становилось все меньше, пока не превратилось в одну из звезд, и пришло время, когда он уже не мог отыскать его среди других светил. И холод вступил в свои права, но, похоже, это ему ничем не грозило, хоть он и чувствовал, что похолодало.

Быть может, то же самое будет и с гиперпространством, сказал он себе, как бы отвечая мучившим его страхам. Но это прозвучало неубедительно. Корабль все мчался и мчался вперед, и роковой синевой отливала поверхность его двигателей.

И в какой-то момент его мозг вдруг выплеснулся во Вселенную.

Он сознавал, что существует корабль, но лишь постольку, поскольку это было связано с осознанием многого другого; не было якорной мачты, и он более не владел своим телом. Он разметался по Вселенной; был вскрыт и раскатан в тончайшую пленку. Он одновременно был в дюжине, а может, и в сотне мест, и это очень смущало его, и первым побуждением его было как-то противостоять тому неведомому, что может с ним произойти, – одолеть это и собрать себя. Но сопротивление ничего ему не дало, стало даже еще хуже, потому что порой ему казалось, что, сопротивляясь, он лишь сильнее растягивает в стороны свое существо, увеличивая расстояние между его частями, и от этого он испытывал все большую неловкость.

И он отказался от борьбы и теперь лежал неподвижно, рассыпавшийся на множество осколков; страх постепенно оставлял его, и он сказал себе, что теперь ему все безразлично, тут же усомнившись, так ли это на самом деле.

Постепенно, по капле, к нему возвращался разум, и, вновь обретя способность мыслить, он довольно безучастно подумал о том, что, возможно, это и есть гиперпространство, впрочем, уже уверенный, что не ошибся. И он знал, что, если это правда, ему очень долго придется существовать в таком состоянии; пройдет много времени, пока он привыкнет к нему и научится ориентироваться, пока сможет найти себя и собрать воедино, пока поймет до конца, что с ним происходит, если это вообще доступно пониманию.

Поэтому он лежал там без особых переживаний, без страха и удивления, словно бы отдыхая и поглощая информацию, которая отовсюду беспрепятственно вливалась в его существо.

Каким-то необъяснимым образом он сознавал, что тело его – та оболочка, в которой ютилась небольшая часть его нынешнего существа, – по-прежнему было прочно привязано к кораблю, и он знал, что понимание этого уже само по себе было первым маленьким шагом к определению своего состояния. Он знал, что ему необходимо было как-то сориентироваться. Он непременно должен был если не понять, то хотя бы по возможности освоиться с созданным положением.

Он раскрылся, и существо его раздробилось, рассыпалось – та важнейшая его часть, которая чувствовала, знала и мыслила; тончайшей субстанцией раскинулся он по Вселенной, грозной и необъятной.

Ему захотелось узнать, такова ли она всегда, эта Вселенная, или сейчас перед ним была иная, освобожденная Вселенная, мятежная Вселенная, сбросившая оковы размеренного порядка, пространства и времени.

Так же медленно и осторожно, как он недавно полз по поверхности корабля, он начал постепенно подбираться к разметавшимся по Вселенной осколкам своего существа. Он действовал интуитивно, повинуюсь каким-то неосознанным импульсам, но казалось, что все идет так, как нужно, ибо мало-помалу он вновь обретал власть над собой и ему наконец удалось собрать в несколько островков рассыпавшиеся части своего «я».

На этом он остановился и теперь лежал там, неведомо где, пытаясь украдкой завладеть этими островками разума, из которых, как он полагал, состояло его существо.

У него это получилось не сразу, но потом он приноровился, и неведомое начало отступать, хотя его по-прежнему не покидало сознание невероятности происходящего. Он попробовал осмыслить это, и оказалось, что это не так-то легко. Он лишь сумел представить себе, что вместе со всей Вселенной на волю вырвался и он сам, что пали цепи рабства, которыми опутывал его другой, нормальный и упорядоченный мир, и он более не был подвластен законам пространства и времени.

Он мог видеть, и познавать, и чувствовать независимо от расстояний, если можно было употребить здесь это слово, и он понимал самую суть некоторых явлений, о которых никогда раньше даже не думал, понимал инстинктивно, не находя для этого словесного выражения, не умея объединить эти явления и почерпнуть из них какую-нибудь определенную информацию.

Снова перед ним, уходя в бесконечность, раскинулась Вселенная, и это была иная, в каком-то смысле более совершенная Вселенная, и он знал, что со временем – если сейчас существовало такое понятие, как время, – он лучше освоится с ней и приоткроет завесу неведомого.

Он исследовал, изучал, ощущал, а вместо того, что именовалось временем, было необъятное всегда.

Он с жалостью думал о тех, кто был заперт внутри корабля, кому не дано было постичь истинное величие звезд, о тех, кто был лишен возможности проникнуть в безграничные дали и чье видение мира никогда не выйдет за пределы плоской галактической равнины.

И вместе с тем он даже не знал, что именно он видел и познавал; он только ощущал, впитывал и становился частью этого нечего, а оно становилось частью его самого – его сознание, казалось, было бессильно придать этому четкую форму определенного явления, измерить, уяснить сущность. Могущественным и подавляющим было это нечего, настолько, что оно по-

прежнему оставалось для него расплывчатым и туманным. Он не испытывал ни страха, ни удивления, ибо там, где он находился, видимо, не существовало ни того ни другого. И в конце концов он понял, что это был как бы потусторонний мир, не подчинявшийся нормальным законам пространства и времени, мир, в котором не было места обычным эмоциям, и в распоряжении существа, привыкшего к иным канонам пространства и времени, не было никаких инструментов, никакого измерительного прибора, с помощью которых оно смогло бы свести все это к категориям, доступным познанию.

Не было ни времени, ни пространства, ни страха, ни удивления – так же как и настоящего прозрения.

А потом вновь вдруг возникло время, и разум его был втиснут обратно в металлическую клетку черепа, и он слился со своим телом, опять стал скованным, жалким, нагим и замерзшим.

Он увидел иные созвездия и понял, что его занесло далеко от родных мест, а впереди на черном фоне неба, точно расплавленный в горне металл, пылала звезда.

Растерянный, он сидел там, снова превратившись в ничтожную песчинку, а Вселенная уменьшилась до размеров небольшого свертка.

Он деловито проверил состояние троса, который соединял его с кораблем, и трос оказался в полном порядке. Его сумка с инструментами, как и раньше, была привязана к перекладине. Ничто не изменилось. Он попытался восстановить в памяти все великолепие виденного, попытался вновь подобраться к границе познания, еще недавно столь близкой, но это великолепие и то, что он познал – если он на самом деле тогда что-нибудь познал, – все ушло в небытие.

Он бы заплакал, но плакать он не мог, а преклонный возраст не позволял ему броситься в припадке отчаяния на поверхность корабля и заколотить пятками.

Поэтому он продолжал сидеть на своем месте, глядя на солнце, к которому они приближались, и наконец появилась планета, и он понял, что она и была конечной целью их путешествия; ему даже захотелось узнать, что это за планета и на каком она находится расстоянии от Земли.

Тело его немного нагрелось, когда корабль, чтобы быстрее погасить скорость, несколько раз пронесся сквозь атмосферу, и он пережил несколько довольно неприятных минут, когда корабль ввинтился в густой непроницаемый туман, который, несомненно, не имел ничего общего с атмосферой Земли.

Он изо всех сил вцепился в перекладину и висел так, пока в вихре раскаленного газа, вырывавшегося из сопл реактивных двигателей, корабль мягко опускался на поле космопорта. Корабль приземлился благополучно. Ричард Дэниел быстро слез с корабля и успел нырнуть в туман, прежде чем его кто-либо заметил.

Очувтившись в безопасности, он обернулся и взглянул на корабль, и, несмотря на то что корпус скрывали облака клубившихся газов, он его отчетливо видел, но не как сооружение, а как схему. Он в недоумении уставился на нее: что-то неладное было в этой схеме, что-то было не так, где-то в ней была ошибка, неправильность.

Он услышал лязг приближавшихся грузовых тележек; схема схемой, а задерживаться больше не следовало.

Он медленно вошел в гущу тумана и начал кружить по полю, все дальше уходя от корабля. Наконец он выбрался к границе космопорта, за которой начинался город.

Он неторопливо побрел и внезапно обнаружил, что город был не город в привычном понимании этого слова.

Ему повстречалось несколько спешивших куда-то роботов, которые промчались мимо слишком быстро, чтобы по их виду можно было что-нибудь понять. Но он не встретил ни одного человека.

И вдруг он сообразил, что в этом-то и заключалась странность города. Это был не человеческий город.

Здесь не было зданий, предназначавшихся для людей, – не было ни магазинов, ни жилых домов, ни церквей, ни ресторанов. Были лишь длинные, уродливые бараки, сараи для хранения оборудования и машин, огромные, занимавшие обширные площади склады и гигантские заводы. И больше ничего. По сравнению с улицами, которые ему случалось видеть на Земле, это место было унылым и голым.

Он понял, что это был город роботов. И планета роботов. Мир, который был закрыт для людей, место, не пригодное для их существования, но в то же время настолько богатое какими-то природными ископаемыми, что само напрашивалось на разработку. И проблема разработки была решена очень просто – ее поручили роботам.

Какая удача, сказал он себе. Ему повезло и в этом. Он попал туда, где в его жизнь не будут вмешиваться люди. Здесь, на этой планете, он будет предоставлен самому себе.

Но к этому ли он стремился, спросил он себя, потому что раньше ему некогда было поразмыслить на эту тему. Он был слишком поглощен своим бегством с Земли, чтобы как следует вдуматься в это. Он отлично сознавал, от чего он бежит, но не отдавал себе отчета, к чему его бегство может привести.

Он прошел еще немного, и город кончился. Улица превратилась в тропинку, которая терялась в колыхавшемся под ветром тумане.

Он вернулся назад.

Он помнил, что на одном из барачков висела вывеска «ДЛЯ ПРИЕЗЖИХ», и решил зайти туда.

Внутри барака за письменным столом сидел старинный робот. У него было старомодное и чем-то очень знакомое тело. И Ричард Дэниел понял, что знакомым оно казалось потому, что было таким же старым, облезлым и несовременным, как и его собственное.

Несколько опешив, он присмотрелся повнимательнее и увидел, что, несмотря на большое сходство, тело робота в мелочах отличалось от его тела. Видимо, более новая модель, выпущенная лет эдак на двадцать позже.

– Добрый вечер, незнакомец, – произнес древний робот. – Ты прибыл к нам на этом корабле?

Ричард Дэниел кивнул.

– Поживешь у нас до прилета следующего?

– Может быть, я поселюсь у вас, – ответил Ричард Дэниел. – Если я надумаю здесь остаться.

Древний робот снял с крючка ключ и положил его на стол.

– Ты чей-нибудь представитель?

– Нет, – ответил Ричард Дэниел.

– А я было подумал, что ты кого-нибудь представляешь. Люди не могут находиться здесь или же просто не хотят, поэтому они присылают вместо себя роботов.

– У вас здесь много приезжих?

– Хватает. Большею частью эти самые представители. Но есть и беглые, которые ищут у нас убежища. Могу поручиться, мистер, что ты из них.

Ричард Дэниел промолчал.

– Не беспокойся, для нас это не имеет значения, – заверил его древний робот. – Только веди себя прилично. Некоторые из наших наиболее уважаемых граждан прибыли сюда, спасаясь бегством.

– Очень мило, – сказал Ричард Дэниел. – А как насчет тебя? Должно быть, ты тоже из беглых?

– Ты судишь по моему телу? Ну, тут дело обстоит несколько иначе. Это наказание.

– Наказание?

– Видишь ли, я был старшим грузчиком при складе и порядком бездельничал. Поэтому они уволили меня, устроили суд и признали виновным. Потом они воткнули меня в это старое тело, и мне придется торчать в нем на этой вонючей работе, пока не найдется другой преступник, которого следует наказать. Они могут наказывать только по одному преступнику зараз, потому что у них есть только одно-единственное устаревшее тело. С этим телом получилась забавная история. Один из наших ребят по делам службы отправился в командировку на Землю, нашел там на свалке эту кучу металлолома и, возвращаясь домой, прихватил ее с собой – видно, для смеха. Знаешь, вроде того как иногда люди для смеха приобретают скелет.

Он пристально, с хитрецей посмотрел на Ричарда Дэниела.

– Сдается мне, незнакомец, что твое тело...

Но Ричард Дэниел не дал ему кончить.

– Судя по всему, – сказал он, – у вас не так-то много преступников.

– Что правда, то правда, – с грустью признал древний робот, – в основном коллектив у нас крепкий.

Ричард Дэниел потянулся за ключом, но древний робот прикрыл ключ рукой.

– Раз ты беглый, – заявил он, – придется тебе уплатить вперед.

– Я заплачу за неделю, – сказал Ричард Дэниел, давая ему деньги.

Робот отсчитал сдачу.

– Я забыл предупредить тебя. Тебе нужно будет пройти пластикацию.

– Пластикацию?

– Да. Тебя должны покрыть слоем пластика. Он защищает от воздействия атмосферы.

Она черт-те что творит с металлом. Это тебе сделают в соседнем доме.

– Спасибо. Я немедленно этим займусь.

– Пластик быстро снашивается, – добавил древний робот. – Тебе придется обновлять его почти каждую неделю.

Ричард Дэниел взял ключ и, пройдя по коридору, нашел свой номер. Он отпер дверь и вошел. Комнатка оказалась маленькой, но опрятной. Вся ее обстановка состояла из письменного стола и стула.

Он бросил в угол свою сумку, сел на стул и попытался почувствовать себя дома. Но у него ничего не получилось, и это было очень странно – разве он только что не снял для себя дом?

Он сидел, погрузившись в воспоминания и пытаясь пробудить в себе чувство радости и торжества, ведь ему так ловко удалось замести свои следы. Но тщетно.

Возможно, ему не подходит это место, подумал он, и он был бы более счастлив на какой-нибудь другой планете. Не вернуться ли на корабль и не посмотреть ли, что делается на следующей планете?

Он еще успеет, если поспешит. Нужно поторопиться, потому что корабль, покончив с выгрузкой товаров, предназначавшихся для этой планеты, и погрузив новые, тут же улетит.

Он поднялся со стула, не приняв еще окончательного решения.

И вдруг он вспомнил, как, стоя в водовороте тумана, он смотрел на корабль и тот предстал перед ним в виде схемы, и когда он подумал об этом, в мозгу его что-то щелкнуло, и он ринулся к двери.

Теперь ему стало ясно, какая ошибка была в схеме корабля: был неисправен клапан инжектора. Он должен успеть туда до того, как корабль поднимется.

Он выбежал из двери и пронесся по коридору. Вихрем промчался через вестибюль и выскочил на улицу, по дороге мельком взглянув на испуганное лицо древнего робота. Тяжело топая по направлению к космопорту, он пытался вспомнить схему, но не мог представить ее целиком – в памяти всплывали лишь отдельные фрагменты, восстановить ее полностью не удавалось.

И в тот момент, когда все его мысли были заняты восстановлением схемы, он услышал гром заработавших двигателей.

– Подождите! – закричал он. – Подождите меня! Вы не можете...

Яркая вспышка света в мгновение преобразила мир, ставший вдруг ослепительно белым, из ниоткуда со свистом налетела могучая невидимая волна, закружила и отшвырнула его назад с такой силой, что он упал. Он покатился по булыжной мостовой, и от ударов металла о камень во все стороны полетели искры. Белизна стала такой невыносимо яркой, что он чуть не ослеп, потом она быстро померкла и мир погрузился во тьму.

Он со звоном ударился о какую-то стену и остался лежать, ослепленный вспышкой, а мысли его, суетясь и обгоняя друг друга, неслись вслед ускользящей схеме.

Откуда эта схема? – подумал он. Почему он увидел схему корабля, на котором пересек космос, схему, показавшую ему неисправный инжектор? И как это получилось, что он узнал инжектор и даже заметил его неисправность? Дома, на Земле, Баррингтоны частенько подшучивали над тем, что он, будучи сам механическим агрегатом, не имел никакой склонности к технике. И вот он мог бы спасти тех людей и корабль – мог бы спасти их всех, если бы вовремя понял значение схемы. Но он оказался тугодумом и тупицей, и теперь все они погибли.

Мрак перед его глазами рассеялся, и, вновь обретя зрение, он медленно поднялся на ноги и ощупал свое тело в поисках повреждений. Если не считать одной-двух вмятин, он совсем не пострадал.

Роботы бежали к космопорту, где пылали пожары и взрывом были уничтожены все строения.

Кто-то потянул его за локоть, и он обернулся. Это был древний робот.

– Тебе здорово повезло, – сказал древний робот. – Вовремя же ты убрался оттуда.

Ричард Дэниел молча кивнул, и неожиданно его поразила ужасная мысль: а вдруг они решат, что это его работа? Он ушел с корабля; он признался, что сбежал; он ни с того ни с сего выскочил из дома за несколько секунд до взрыва. Не так уж сложно все это увязать и прийти к выводу, что он устроил на корабле диверсию, а потом, раскаявшись, бросился в последний момент обратно, чтобы исправить содеянное. На первый взгляд все это выглядело чертовски убедительно.

Но пока еще ничего не произошло, успокоил себя Ричард Дэниел. Ведь знал об этом один только древний робот – он был единственным, с кем он разговаривал, единственным, кто знал о его прибытии в город.

Есть выход, подумал Ричард Дэниел, есть очень простой выход. Он отогнал эту мысль, но она вернулась. Ты сам себе хозяин, настойчиво повторяло сознание. Ты все равно уже нарушил человеческий закон. А нарушив его, ты поставил себя вне закона. Стал изгоем. Для тебя теперь существует один-единственный закон – закон самозащиты.

Но есть же еще закон роботов, возразил себе Ричард Дэниел. В этой общине есть свои законы и суды. Есть правосудие.

Это закон общины, зудела пиявка, присосавшаяся к его мозгу, местный закон, который значит не многим больше закона племени, – и чужак по нему всегда не прав.

Ричард Дэниел почувствовал, как его захлестывают холодные волны страха, и понял, даже не вдумываясь, что пиявка была права.

Он повернулся и пошел по улице к бараку для приезжих. В темноте его нога за что-то зацепилась, и он споткнулся и упал. Кое-как взгромоздившись на колени, он стал шарить руками по булыжникам, пытаясь найти предмет, сваливший его с ног. Это был тяжелый стальной прут, один из обломков, заброшенный сюда взрывом. Стиснув в кулаке конец прута, он встал.

– Вот незадача, – сказал древний робот. – Тебе следует быть поосторожнее.

И в этих словах прозвучала едва уловимая двусмысленность, намек на что-то невысказанное, ехидный намек на какую-то тайну.

Ты ведь нарушил другие законы, бубнила пиявка в мозгу Ричарда Дэниела. А не нарушить ли еще один? И почему, если понадобится, не нарушить еще сотню? Все или ничего. Зайдя так далеко, ты не можешь допустить, чтобы все сорвалось. Теперь ты уже не можешь позволить, чтобы кто-нибудь стал на твоём пути.

Древний робот отвернулся, и Ричард Дэниел поднял стальной прут, но вдруг древний робот из робота превратился в схему. Ричард Дэниел увидел все мельчайшие внутренние детали, весь механизм шагнувшего впереди него робота. И если разъединить вот эти проводочки, если пережечь вот эту катушку, если...

Стоило ему об этом подумать, как вместо схемы опять возник робот, спотыкающийся робот, который, пошатнувшись, с грохотом рухнул на булыжник.

Ричард Дэниел в страхе завертел головой, оглядывая улицу, но поблизости никого не было.

Он вновь повернулся к упавшему роботу и не спеша опустился рядом с ним на колени. Осторожно положил прут на землю. И почувствовал огромную благодарность – ведь каким-то чудом он не совершил убийства.

Робот неподвижно распростерся на булыжнике. Когда Ричард Дэниел поднял его, тело робота безжизненно повисло. И вместе с тем с ним не случилось ничего особенного. Чтобы вернуть его к жизни, нужно было всего-навсего исправить нанесенные его механизму повреждения. А в таком состоянии он был столь же безвреден, как и мертвый, подумал Ричард Дэниел.

Он стоял с роботом на руках, раздумывая, куда бы его спрятать. Вдруг он заметил проход между двумя зданиями и решительно направился туда. Он увидел, что одно из зданий стояло на уходивших в землю подпорках и между ним и землей было свободное пространство высотой в фут или около того. Он стал на колени и подсунул робота под здание. Потом поднялся и отряхнул со своего тела грязь и пыль.

Вернувшись в свою комнатку в бараке, он нашел какую-то тряпку и счистил остатки грязи. И крепко задумался.

Он увидел корабль в виде схемы, но, не поняв ее значения, ничего в ней не изменил. Только что он увидел внутреннее устройство древнего робота и сознательно воспользовался этим, чтобы спасти себя от преступления – от убийства, которое он уже готов был совершить.

Но как он это сделал? Казалось, существует только один ответ: он вообще ничего не сделал. Просто подумал, что нужно разъединить две проводочки, пережечь одну-единственную катушку, – и только он подумал об этом, как это свершилось.

Может, он и не видел никакой схемы. Может, это было всего лишь результатом психологического процесса, синтезом его наблюдений и ощущений. Он задумался над причиной появления у себя необыкновенной способности видеть устройства как бы без их внешних оболочек. Подсознательно, по аналогии нашел объяснение, которое до поры до времени вполне его удовлетворяло.

Он вспомнил, что нечто подобное испытал в гиперпространстве. Ему пришлось увидеть там много непонятного. И в этом-то и заключается ответ, взволнованно подумал он. В гиперпространстве с ним что-то произошло. Наверное, оно каким-то образом расширило границы его восприятия. Возможно, у него появилась способность видеть в иных измерениях, то есть у его сознания появилось новое свойство.

Он вспомнил, как еще на первом корабле ему захотелось заплакать, когда он забыл все величие виденного и то, что он познал. Но теперь он понял, что рано было лить слезы. Ибо кое-что все-таки осталось. Он теперь по-новому воспринимал действительность и мог, пусть вслепую, пользоваться этим – не важно, что он пока еще не знал толком, к чему применить эту способность: это не имело значения.

Главное, что он владел этим и мог этим пользоваться, и для начала этого было достаточно.

Откуда-то из передней части барака донесся чей-то крик, и он вдруг сообразил, что крик звучит уже давно...

– Хьюберт, где ты? Ты здесь, Хьюберт? Хьюберт... Хьюберт!

Не имя ли это древнего робота? Может, они уже хватились его?

Ричард Дэниел вскочил на ноги, растерянно прислушиваясь к этому голосу. А потом уселся обратно. Пусть покричат, сказал он себе. Пусть выйдут и поищут его. В этой комнатухе он в безопасности. Он заплатил за нее, и сейчас она была его домом, и никто не осмелится ворваться к нему.

Но это был не дом. Как ни старался он убедить себя, он не чувствовал себя дома. Дома у него не было.

Домом была Земля, подумал он. Но не вся Земля, а только одна определенная улица, и эта часть Земли была навсегда для него закрыта. Она закрылась для него со смертью доброй старой леди, которая пережила свое время; она закрылась для него в тот момент, когда он покинул свой дом и бежал.

Он был вынужден признаться себе, что ему нет места ни на этой планете, ни на какой другой. Его место на Земле с Баррингтонами, а это было недостижимо.

Он подумал, что, может быть, ему все-таки стоило остаться на Земле и подвергнуться переделке. Он вспомнил, что сказал адвокат о воспоминаниях, которые могут обернуться бременем и мукой. В конце концов, не разумнее ли было начать все сначала?

На какое он мог рассчитывать будущее со своим устаревшим телом и устаревшим мозгом? С телом, которое на этой планете служит для роботов тюрьмой? И таким мозгом – впрочем, с мозгом дело обстояло иначе, ведь теперь у него появилось новое качество, которое компенсировало недостаток любых других новейших усовершенствований.

Он сидел и прислушивался и вдруг услышал голос дома – преодолевая световые годы пространства, несся к нему зов дома, который молил его вернуться. И он увидел поблекшую гостиную с отпечатком бывшего величия канувших в вечность лет. Он с болью вспоминал маленькую каморку за кухней, которая принадлежала ему одному.

Он встал и заходил по комнате – три шага, поворот, еще три шага, новый поворот и снова три шага.

Его обступили видения, запахи, звуки дома, окружили, обволокли, и ему отчаянно захотелось узнать, не одарило ли его гиперпространство таким могуществом, что он мог бы усилием воли перенестись на знакомую улицу.

При этой мысли он содрогнулся, испугавшись, что это может произойти. А может быть, испугавшись самого себя, того запутавшегося в противоречиях существа, каким он был теперь, – не преданного, начищенного до блеска слуги, а безумца, который путешествовал снаружи космического корабля, который чуть было не убил другое существо, который выстоял перед лицом непередаваемых ужасов гиперпространства и вместе с тем трусливо отступал при встрече с воспоминаниями.

Он подумал, что ему неплохо было бы прогуляться. Осмотреть город, познакомиться с его окрестностями. К тому же, пытаясь занять свои мысли чем-то конкретным, он вспомнил, что, как его недавно предупредили, ему необходимо подвергнуться пластикации.

Он вышел из комнаты, быстро прошел по коридору, а когда он уже пересекал вестибюль, его кто-то окликнул.

– Хьюберт, – произнес чей-то голос, – где ты пропадал? Я жду тебя целую вечность.

Ричард Дэниел резко обернулся и увидел сидевшего за письменным столом робота. В углу, прислонившись к стене, стоял другой робот, а на столе лежал обнаженный роботов мозг.

– Ведь ты Хьюберт, верно? – спросил тот, что сидел за столом.

Ричард Дэниел открыл рот, но слова застряли у него в горле.

– Я так и думал, – проговорил робот. – Ты, видно, меня не узнал. Я Энди. Меня послал судья для того, чтобы привести в исполнение приговор. Он решил, что чем раньше мы с этим управимся, тем лучше. Он сказал, что ты отбыл положенный срок и обрадуешься, когда узнаешь, что они приговорили другого.

Ричард Дэниел испуганно посмотрел на лежавший на столе обнаженный мозг.

Робот указал на стоявшее в углу металлическое тело.

– Оно теперь поприличнее, чем тогда, когда тебя из него извлекли, – с хриплым смешком сказал он. – Его подремонтировали и разгладили все вмятины. И даже немного модернизировали. В соответствии с последней моделью. У тебя будет отменное тело, получше, чем до того, как тебя запихнули в это чудовище.

– Не знаю, что и сказать, – заикаясь, выдавил из себя Ричард Дэниел. – Понимаешь, я не...

– Все в порядке, можешь не благодарить! – радостно воскликнул робот. – Ты ведь отсидел даже лишнее – судья не собирался упрятать тебя на такой долгий срок.

– Все-таки спасибо, – сказал Ричард Дэниел. – Большое спасибо.

Он удивился самому себе, был поражен той легкостью, с которой произнес эти слова, озадачен собственной хитростью и лицемерием.

Стоит ли отказываться, если они навяжут ему это тело? Больше всего на свете он нуждался сейчас в новом теле!

Судьба по-прежнему была за него, подумал Ричард Дэниел. Ему снова повезло. Ведь ему не хватало только этого, чтобы окончательно замести свои следы.

– Его покрыли новым слоем пластика и подправили все, что нужно, – сообщил Энди. – Ганс потрудился сверх нормы.

– Тогда приступим к делу, – потребовал Ричард Дэниел.

Другой робот ухмыльнулся.

– Вполне понятно, что тебе не терпится выбраться из этого тела. Наверное, это отвратительно – жить в такой куче металлолома.

Выйдя из-за стола, он приблизился к Ричарду Дэниелу.

– Иди в угол, – сказал он, – и получше обопрись о стену. Недоставало, чтобы ты брякнулся на пол, когда я разъединю контакт. Стоит один разок свалиться как следует, и это тело развалится на куски.

– Ладно, – согласился Ричард Дэниел.

Он прошел в угол, прислонился к стене и как следует уперся ногами в пол.

Он пережил довольно страшный момент, когда Энди отсоединил его зрительный нерв и он ослеп. И он почувствовал сильный приступ тошноты, когда его черепная коробка отделилась от туловища, а когда Энди отсоединил все остальное, он струсил окончательно.

Теперь он был серым комком, без тела, без головы, без глаз и всего прочего. От него остался лишь клубок мыслей, которые переплелись, словно черви в ведре, и это ведро болталось где-то в небытии.

Его затопил страх, непередаваемый кошмарный страх. А что, если все это подстроено? Вдруг они узнали, кто он на самом деле и что он сделал с Хьюбертом? Что, если они возьмут его мозг да куда-нибудь спрячут на один-два года, а то и на целую сотню лет? И это будет только простым отправлением их правосудия, подумал он.

Он переключился на себя и попытался побороть страх, но страх то набегал, то откатывался, точно волны.

А время все тянулось и тянулось – тянулось слишком долго, его прошло намного больше, чем требовалось на пересадку мозга из одного тела в другое. Хотя не исключено, что это ему

только кажется, пытался он себя успокоить. Ведь в его теперешнем положении у него не было никакой возможности измерить время. У него не было никаких контактов с внешним миром, которые могли бы помочь ему определить время.

Потом вдруг у него появились глаза.

И он понял, что все идет как надо.

Постепенно к нему вернулись все ощущения, у него снова было тело, и в этом непривычном теле он чувствовал себя неловко.

Первым, что он увидел, было его старое, изношенное тело, стоявшее в углу, и при виде его он исполнился острой жалости, и ему пришло в голову, что он сыграл с этим телом злую шутку. Он сказал себе, что оно заслужило лучшую долю – лучшую долю, чем быть брошенным на этой чужой планете и превратиться в захудалую тюрьму. Оно прослужило ему верой и правдой шестьсот лет, и он не имел права покинуть его. Но он его покидал. Он становился прямо-таки настоящим специалистом по расставанию со старыми друзьями, с презрением подумал Ричард Дэниел. Сперва на Земле он покинул дом, а теперь бросает на произвол судьбы свое верное тело.

И тут он вспомнил кое-что другое – вспомнил про деньги, которые были спрятаны в старом теле.

– Что с тобой, Хьюберт? – спросил Энди.

Их нельзя там оставить, сказал себе Ричард Дэниел, ведь они ему нужны. А кроме того, оставь он деньги в старом теле, их кто-нибудь потом найдет, и это выдаст его. Он не мог их там оставить, а прямо заявить на них свои права было, пожалуй, опасно. Если он так поступит, этот робот, этот Энди решит, что он воровал на работе или занимался каким-нибудь побочным бизнесом. Он мог попробовать подкупить Энди, но никогда не знаешь, чем такое может кончиться. Энди вполне мог оказаться праведником, и тогда не оберешься неприятностей. И вдобавок он не имел никакого желания расстаться даже с частью денег.

Вдруг его осенило – он уже знал, что ему следует сделать. И еще не додумав эту мысль до конца, он превратил Энди в схему.

Вот этот контакт, подумал Ричард Дэниел, протягивая руку, чтобы подхватить падающую схему, которая снова стала роботом. Он мягко опустил его на пол и бросился через комнату к своему старому телу. За какие-нибудь несколько секунд он без труда открыл ящичек на груди, достал деньги и запер их в своем новом теле.

Потом он заново превратил лежавшего на полу робота в схему и наладил поврежденный контакт.

Пошатываясь, Энди неловко поднялся с пола и со страхом взглянул на Ричарда Дэниела.

– Что со мной было? – испуганным голосом спросил он.

Ричард Дэниел удрученно покачал головой.

– Не знаю. Просто ты взял да и упал на пол. Я было побежал к двери, чтобы позвать на помощь, но ты зашевелился и пришел в себя.

Энди был ошеломлен.

– Никогда в жизни со мной не случилось ничего подобного, – проговорил он.

– На твоём месте, – посоветовал Ричард Дэниел, – я бы попросил, чтобы хорошенько проверили весь твой механизм. Должно быть, у тебя реле с дефектом или барахлит какой-нибудь контакт.

– Пожалуй, я так и сделаю, – согласился Энди. – Ведь это опасно.

Он медленно подошел к столу, взял другой мозг и направился с ним к стоявшему в углу потрепанному телу.

Внезапно он остановился и воскликнул:

– Послушай-ка, чуть было не забыл! Меня просили кое-что передать тебе. Беги на склад. На подходе еще один корабль. Он сядет с минуты на минуту.

– Еще один и так быстро?

– Ты же знаешь, как это бывает, – с негодованием произнес Энди. – Когда дело касается нас, они не берут себе за труд придерживаться расписания. Мы месяцами не видим ни одного корабля, а потом являются два, а то и три сразу.

– Что ж, спасибо, – сказал Ричард Дэниел, направляясь к двери.

Вновь уверовав в себя, он вразвалку зашагал по улице. Ему казалось, что он теперь непобедим и ничто не может остановить его.

Потому что он был роботом-счастливчиком!

Может так быть, спросил он себя, что этой удачливостью его наделило гиперпространство, подобно тому как оно наделило его способностью к схемовидению, или как там это называется. Ведь в каком-то смысле гиперпространство завладело им, перекрутило, отлило его заново, изменило по сравнению с тем, каким он был раньше.

Впрочем, что касается удачи, ему везло всю его жизнь. Ему очень повезло с хозяевами; с их стороны он видел много знаков внимания, он добился немалых привилегий и почтенной должности, ему разрешили прожить шестьсот лет. Факт совершенно невероятный. Как бы ни были влиятельны Баррингтоны, этими шестьюстами годами он в основном был обязан только чистому везению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.